

И. ГАЛАКТИОНОВ

БЕСЕДЫ НАБОРЩИКА

ТЕХНИКА и ИСТОРИЯ

ПЕТРОГРАД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

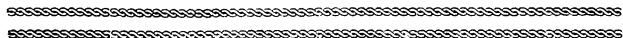
Гиз. № 1062, Отпеч. 3000 экз.
в Первой Гос. Типографии.
Р. Ц. № 1169 Петроград.

ОТ АВТОРА.

Эту маленькую книжку моих юношеских воспоминаний, написанных на начавшемся склоне лет, я посвящаю Бруно Георгиевичу Скамони, много труда положившему для подъема и развития русского печатного дела и создавшему выдающихся работников по различным отраслям, которые подняли книгу на высоту, равную лучшим произведениям заграничных типографий.

Давно хотелось восстановить воспоминания юности, связанные с первыми шагами работы в наборной. Много лет прошло с тех пор; некоторое позабылось или улетучилось из памяти, но образ человека, с которым меня столкнула судьба в то время, продолжает толкать меня, и я постараюсь припомнить хотя бы наиболее главное, почерпнутое из наших бесед.

Вскоре после ученья мне пришлось оставить родную типографию и поступить в другую, одну из самых больших в то время, и там, в ее наборной, я познакомился с Дмитрием Андреевичем Иволгиным — наборщиком лет немного более сорока. До сих пор с чувством искренней благодарности за науку я вспоминаю этого чудного человека, благодаря которому я более сознательно отношусь к делу, дающему средства к существованию, и который научил и заставил меня полюбить книгу вообще и печатное искусство в частности.

Прошел день моей работы в новой типографии, в течение которого я приглядывался к чуждым мне лицам товарищей, шутивших один над другим и рассказывающих друг другу анекдоты, и только что на другой день утром я начал набирать данный мне оригинал, ко мне подошел Иволгин, разговорился о моем прошлом, расспросил о месте и сроке ученичества, причинах ухода из прежней типо-

---

графии, и, внимательно проведя пальцами по боку моего набора, выставленного на уголке, снял его поближе, посмотрел, прочел по набору и сказал, ласково взглянув в мое смущенное лицо:

— Вам, дорогой мой, еще много надо учиться и работать над собою, чтобы сделаться наборщиком, не по названию только, а и по тем знаниям и умению, которыми он должен обладать.

— Да я с удовольствием бы продолжал, но скажите, где и у кого можно учиться?

— А вот у него и поучись, он тебе басен порасскажет сколько хочешь. Смотри, поменьше его слушай, заговорит— и пропадешь совсем, — произнес охрипшим голосом стоявший напротив меня пожилой наборщик, — у него, брат, язык без костей, не устанет.

— Кто на что горазд, Петя, — сказал Иволгин, — я говорить о наборном деле, которое действительно люблю, а ты о выпивке и своих скандалчиках, без которых жить не можешь, а кто из нас двоих прав, судить не нам с тобою.

— Да учи, учи, Бог с тобой, я пошутил, а ты уж и обиделся. Я и сам поучился бы, чтобы не выводить из себя тех метранпажей, у которых приходилось работать, да некогда, другим, более серьезным делом занят — все хлопочу и опять хлопочу.

Это была моя первая встреча с человеком, изменившим многое в моей жизни и сделавшим много хорошего не только лично мне, но, как потом оказалось, и многим другим.

Через несколько дней мы были друзьями, и я получил приглашение, в один из вторников, зайти к нему попить чайку и поболтать. О его квартире я уже слышал мно-

гое за дни, проведенные в новой типографии, но все-таки того, что увидел, не ожидал найти. Стены его двух небольших комнат были положительно заставлены полками, наполненными книгами.

— Неужели, Дмитрий Андреевич, вы все эти книги читали, и все это ваше?

— А то как же. Для чего же я собираю эти книги и трачу на них с таким трудом зарабатываемые деньги, ведь не для загораживания моих комнат. Некоторые читал по несколько раз, и каждый раз находил и нахожу в них новые прелести и достоинства, в них мой отдых и в них же успокоение, когда мне почему-нибудь тяжело. Знаешь, Тургенев сказал: «В дни сомнений, в дни тяжелых раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома...» — вот золотые, вечные слова. Я люблю книги давно, и если ты начнешь читать, то несомненно полюбишь не меньше меня. Я верю в это, так как иначе не может быть. Вот этот шкаф — наши классики, вот Лев Толстой, Достоевский, Тургенев, Белинский, Щедрин, Гоголь, Гончаров, здесь Крылов, Глеб Успенский, Чехов, Гаршин, да смотри сам, кто тут поместился. Помни, что каждый раскрывает тебе картины жизни, в каждом найдешь новое, хорошее; каждый из них научит тебя чему-нибудь, только полюби их, как они любили народ. Они заставят страдать или радоваться в зависимости от того, страдали ли они горем народа русского или радовались его радостями. И, чем больше читаешь их бессмертные страницы и вдумываешься в прочитанное, тем больше захочется знать каждый рассказ, понять ка-

---

жду ю мысль, вложенную автором в то или другое сочинение. Наборщик должен и обязан знать и читать литературу, быть в курсе ее новостей, настроений и изменений, так это и было в шестидесятих годах прошлого столетия, ведь только потом он покати лся под гору и упал в уровне умственного развития. Кто в этом виноват, подскажет тебе будущая жизнь, я не хочу навязывать тебе в этом деле мое мнение, пригляди сь — и сам поймешь. Если бы наборщик был развитее, как выиграло бы самое печатное дело. Он набирал бы грамотно, чисто, а не так, как набирает теперь, употребляя на корректуру почти столько же времени, сколько полагается на набор, другим и словами, он, в большинстве случаев, дает набор, который на заводах принято называть браком и не оплачивать. Взгляни внимательно на корректуры тебя окружающих и там встретишь такие удивительные ошибки, которым нет оправдания для грамотного человека, а ведь наборщик все - таки грамотный. Хотя П. Коломнин сказал: «Безграмотный наборщик — как это странно звучит, а между тем это истинная правда». Зато и попадаются в наших изданиях перечни выдающихся грехов наборщика в виде опечаток, среди которых встречаются положительно удивительные. Я знаю случаи, когда не знакомый со словом «эскадрон», упорно, несмотря на пометки, оставил «эскадрон» или «митрополит ехал в катере (вместо карете) четверней» и много других. А сама скорость набора в 6 — 7 тысяч букв за рабочий день. Ведь, право, совестно говорить о такой медленной работе, так как нельзя допустить мысли, что руки русского рабочего не в состоянии набрать количества в 10500 букв, как по тарифу набирает немец. Но если обратить внимание за океан, то там еще поразительнее примеры, и

в печати было указание, что один нью-йоркский наборщик Слоан набирает в час 3000 букв, и в $2\frac{1}{4}$ часа то количество, которое дает в 8 часов русский. Но все это ерунда, и мы можем давать столько же, пример наши конкурсы, где была достигнута скорость в $1\frac{1}{2}$ часа 4200 букв или в час 2800, совсем уже близко к Слоану, а если принять во внимание, что в руки конкурирующих смотрела масса товарищей и посторонних, то можно с уверенностью сказать, что это количество равно американскому.

— Что-то и мне не верится в 3000 букв за один час — это похоже на шутку?

— Конечно, не верится, и это потому, что, ты растешь и работаешь в нездоровой атмосфере, тебя окружающей. Ты, можно сказать, родился и вырастаешь в ней, как наборщик, а, между прочим, послушай, как просто достигнуть слоанского успеха. Вот я прочитаю тебе его рецепт достижения.

Иволгин подошел к одному из своих шкафов и, достав с полки одну небольшую брошюрку, отыскал пужную ему страницу и прочел вслух:

«Мой рецепт таков: внимание, спокойствие, острое зрение, ловкость рук и смотрение на часы. Для ускорения наборной работы требуется разумное использование данной единицы времени. Беспользую же тратую времени у большинства наборщиков являются: разговоры с товарищами за работою, курение или нюхание табака и делаение непроизводительных движений всем туловищем и руками в частности. Болтовня при наборе рассеивает внимание, рукопись читается механически, в набор вкрадываются ошибки и пропуски. Курильщик каждую минуту берет в руки или откладывает в сторону сигару, затяги-

---

вается, стряхивает пепел и т. д.; нюхающий табак то себя, то других угощает понюшкой, чихает, возится с платком и т. д. Всего же зловреднее отзывается на работе недостаточно урегулированные и систематизированные движения. Надлежит литеры схватывать так, чтобы очко было обращено вверх, и так, чтобы сигнатура правильно приходилась на верстатку. Отнюдь не следует опираться левою рукою, придерживающею верстатку, на борт кассы, так как правой руке приходится слишком далеко подносить литеры к верстатке — нужно, чтобы левая рука на полпути сходилась с правою. Не следует думать, чтобы такие несовершенства движений составляли пустяки — вооружившись часами, всякий легко убедится, что одни эти неправильности движений заставляют наборщика непроизводительно терять от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ секунды на постановку каждой литеры».

— Слышишь, какие условия ставит Слоан для успешности набора, и вспомни, есть ли которое из них в наборной; там все наоборот, приход и уход не во время, и сокращение этим длины рабочего времени, верчение букв, разговор, курение, стояние без дела, чтение газет и Нат Пинкертонов, то-есть делание всего того, что уменьшает скорость работы и делает ее неряшливой и плохой. Да и не один Слоан проповедует такие способы, об этом говорят и другие еще более авторитетные люди. Вот, прежде чем разойтись нам с тобой сегодня, я еще прочту тебе несколько строчек. И положив на место книжку, он быстро вынул из того же шкафа три тома и, так же быстро раскрывая их один за другим, как будто помнил, о чем говорится на каждой странице книг, прочел мне:

«Надо непременно стараться брать литеры прямо за головку (очко) и верхнюю стенкою книзу для того, чтобы,

---

переворачивая в руке букву, не делать лишних движений. Во время постановки литеры в верстатку наборщик должен глазами намечать уже следующую букву и брать ее, как сказано выше. Правильной постановке литеры в верстатку, как было уже сказано, способствует сигнатура или рубчик. Большой палец захватывает каждую вновь представляемую литеру и прижимает ее к литерам, уже находящимся в верстатке. Каждый раз, как наборщик, захватив новую литеру, несет ее к верстатке, левая рука приближается к правой, наклоня несколько верстатку для более удобной постановки буквы и обратным движением (наклоном) способствуя опусканию литеры до дна верстатки — это пишет П. Коломнин, автор «Кратких сведений по типографскому делу».

«Наборщик, прочитав в оригинале одно предложение, лучше всего до первого знака препинания, берет буквы из отделений кассы в том порядке, в каком они следуют в словах; при этом он старается брать их сразу за головку так, чтобы одним подъемом руки и без задержки поставить верно в верстатку. Особенно нужно заметить сигнатуру данного шрифта, находится она на нижней или на верхней стенке литеры. В то время, пока правая рука подносит взятую букву к верстатке, взгляд уже ищет нужную букву для следующего подъема: из всей массы лежащих в отделении букв наборщик выбирает именно ту, которая, по счастливой случайности, лежит так, что ее можно схватить сразу за головку» — это. В. Анисимов, в переведенном им с немецкого «Руководстве для наборщиков» Ф. Бауэра.

«Подъемы при наборе бывают хорошие и дурные. Хороший подъем тот, при котором наборщик, стоя у кассы

прямо, берет спокойно литеру за верхнюю часть ножки и ставит в верстатку, не вертя рукой. Дурной же подъем тот — когда наборщик, согнувшись, берет литеру за нижнюю часть ножки или за середину и, перенося ее, переворачивает, чтобы верно поставить в верстатку. При хорошем подъеме наборщик не теряет непроизводительно времени и больше набирает; при дурном же, несомненно, потеряет больше времени и меньше наберет» — это И. Богданов в своем «Наборно-типографском деле».

— Как видишь, все советуют правильный подъем и постановку литеры, и в этом, главным образом, видят ускорение набора. Правда, они не говорят о курении и разговорах, но делают умолчание, конечно, потому, что они составляли для наборщиков учебники, а не перечни недостатков, ухудшающих качество работы, уменьшающих заработки и удорожающих производство и цену самой книжки; они учителя, и как таковые в наших же школах, преподающие различные предметы и тоже не считающие нужным указывать детям, что курение во время занятий мешает правильному усвоению предмета, отвлекая от него внимание. Совершенно другое Слоан — он свой товарищ-наборщик и, желая увеличить заработок товарищей, низкий уровень которого зависит от нежелания работать так, как следует, а не от низкой платы, на которую постоянно жалуются все кругом, выступил с откровенным письмом, указав, что неблагоразумно вынимать собственными руками из своего кармана деньги, в которых терпят нужду, что глупо в самом деле только хныкать и не принимать меры самому к более продуктивной работе. Установи правильные технические приемы, и заработок возрастет, а с ним пропадет этот стыд за отсталость от иностранца,

---

даже в производительности. Но, довольно на сегодня, я заболтался слишком, тебе надо домой, а мне спать.

— Сейчас иду. Спасибо вам. Только два слова: можно ли купить эти книжки, которые вы читали сейчас, я ведь никогда их не видел ни у одного из товарищей в типографии, где учился, а в них должно быть много интересного?

— Книжки есть — сколько угодно, их действительно не покупают, считая излишним углубление и систематизирование знаний; каждый думает, что если он наборщик, то чего ему еще учиться; работает, получает деньги, и баста. Ведь в сущности, все они хорошие люди, но слишком расчетливые не к месту, и если допустить, что купивший и прочитавший такую книжку сразу стал бы зарабатывать больше, покупали бы их, а так как приходится, заплатив три рубля, еще известное время работать над самоусовершенствованием, то никто и не желает зря тратить деньги, да еще перерабатывать укоренившиеся, хотя бы и скверные навыки. Книжки же я достану и привесу. А теперь соберайся, надоест сразу помногу, и если не надоело слушать мою болтовню, то милости просим, как-нибудь еще заходи, да постарайся на практике применить слышанное, и тогда получишь наглядное доказательство справедливости слышанного.

И я ушел от Иволгина с всколыхнутой душой, с разбуженной любознательностью, пораженный и самим Иволгиным и обстановкой, в которой живет этот наборщик. Во мне горело желание скорее попасть к нему и слушать, спрашивать, поучаться тем премудростям, которых, вероятно, так много имелось у него в книгах. Страстно хотелось одного, чтобы вспыхнувшее желание не угазло, чтобы

хватило сил провести на практике то, что еще неясными чертами вырисовывалось в моем воображении.

Утром, придя к своему месту, я, полный благих намерений, положил на капитальные ящики свои часы и, набирая, стал следить за набором каждой строки. Но это продолжалось очень недолго, так как тот град насмешек и острот, который посыпался на меня со всех сторон, был настолько силен и зол, что я не смог продолжать контролировать себя часами и спрятал их в карман. И сразу все успокоилось, победа была одержана, правда, победа не очень славная: врагов было около двух десятков, а нас двое: я, еще только начавший свою жизнь, всем чужой и робкий, и более крепкий Иволгин, но его спокойный голос, заглушаемый всеобщим гоготанием, пропадал в массе.

Пришлось уступить, но эта, казалось, такая маленькая уступка все-таки произвела на меня сильное впечатление, мне стало ясно, что путь, на который толкает меня Иволгин, путь тернистый и потребует борьбы не только с собой, но и с окружающими, придется выработать способность не робеть, не огорчаться насмешками и делать свое дело так, как подсказывает свой разум и умные люди. Я начал следить за своей рукой и старался приспособиться к тем правилам подъема букв из кассы, о которых слышал вчера, и увидел, что это не так уже трудно. Нужно, действительно, только внимание, и это внимание я вложил в свою пере-выучку.

Идя на обед, я нарочно подогнался к выходу вместе с Иволгиным, и тот, улыбувшись, обратился ко мне ласково.

— Что, не удалось с первого дня? Это ничего, пройдет немного дней, попробуй снова, не удастся — опять подожди

и снова положи часы. Все обойдется, наши товарищи не худые люди, да привыкли к известным приемам и считают все новое, не похожее на их, ерундой и вольнодумством. Смеяться им надоеет, в особенности если ты сам меньше внимания будешь обращать на их смешки, ведь это же взрослые дети. А пока продолжай проводить в жизнь приемы без часового контроля, в сущности, — это одно и то же, только часы дают постоянный контроль и позволяют регулировать работу, а без часов это невозможно, но через три-четыре дня ты по количеству набираемых букв увидишь результаты, только отмечай время, затрачиваемое на набор и разборку кассы. Запомни, что учиться трудно, поэтому и создана поговорка: «корень ученья горек — но плоды его сладки». Я неоднократно пробовал завести общие беседы со всеми товарищами, и всегда неудачно. В моей жизни был один талантливый молодой наборщик, с редкой любовью и энергией ухватившийся за возможность пополнить свое образование и улучшить приемы работы, это Рыбалкин, но, к сожалению, он скоро умер от чахотки, развившейся от злоупотребления спиртными напитками, и досталось же мне тогда за то, что я уморил его рассказами и книгами... Будем продолжать у меня теорию, а изучив ее, ты сумеешь найти время для ее применения.

Я начал ходить к нему два раза в неделю. Конечно, теперь, через несколько лет восстановить в памяти все то, что рассказывал мне Иволгин, трудно. В свое время это не записывалось, не хватало догадки, а теперь приходится пользоваться остатками, сохранившимися в моей голове.

— Пойдем дальше, — сказал Иволгин, когда я опять пришел к нему, — ты усвоил правильный подъем при наборе,

---

и прежде чем продолжать дальше о наборе, вернемся немного обратно, и обратим внимание на разбор, правильное производство которого не менее важно и так же способствует ускорению набора, а стало быть и увеличению заработка. Вот послушай, что говорят о разборе наши учителя:

И снова он достал свои книги и прочел:

«Держа подъем в левой руке, наборщик накладывает на литер, начиная с правого угла, средний и указательный пальцы правой руки и движением к себе заставляет скользнуть буквы вперед, подхватывая их снизу большим пальцем, как только они выступают за подъем. Прочтя взятые (отдельные) литеры, наборщик легкими и последовательными движениями указательного и среднего пальцев отделяет одну букву за другою и кидает их в те отделения кассы, которые для них назначены. Обыкновенно захватывают сразу не более десяти—двенадцати букв, преимущественно целыми словами (по шпацию следующего слова)».

И. Коломнин.

«Правую рукою снимается с подъема слово за словом, начиная с последнего слова последней строки, и трением между большим и указательным пальцами отделяется одна буква от другой, которые потом по одной раскладываются (но отнюдь не бросаются) в надлежащие отделения наборной кассы. Начинаящим не следует брать слишком большой подъем, иначе он рискует или рассыпать его, или «свернуть», и тем сделать неудобным для разбора».

Ф. Бауер.

«Взяв двумя руками подъем в несколько строк, поставить его на левую руку, а правую рукою раскладывать буквы по отделениям кассы. Для этого правую рукою следует брать в пальцы целое слово. При разборе не-

---

обходимо не слишком переполнять отделения кассы литерами, чтобы они не переваливались из верхних отделений в нижние». И. Богданов.

— Вот и это просто, а между тем я видел, как большинство, взяв или, скорее, поставив подъем на уголок, сначала расставляет одну строчку за другой по бортику своей кассы, затем берет по несколько слов в левую руку, и уже после этого правой раскладывает по ящикам кассы, или ставит подъем на цинковую подставку, установленную около полукруглого или на капители, и отсюда, беря по одному слову, раскладывает на место. Скажи, пожалуйста, зачем это делается, как не за тем только, чтобы затянуть по возможности разбор кассы, поменьше заработать и плакать о малом заработке, положительно умышленно и неразумно сокращаемом по собственной вине. Нет ничего хуже этого приема при разборе, и как ни ясно замедление, все-таки оно получает все большие и большие права гражданства и прививается повсюду, как что-то хорошее, удобное и выгодное. А теперь от подъема букв и постановки их в верстатку перейдем к выключке строк, которую делать нужно так, чтобы между словами пробелы были одинаковы, а не пихать в одно место чуть не круглую, тогда как в других остается полукруглая, ведь для правильности разбивки и созданы шпации различной толщины. Конечно, на первый взгляд, у привикшего к современному совершенно неряшливому набору, создается впечатление, что так гораздо дольше будет закладка строки, и зря потратится время, но, во-первых—каждый рабочий обязан давать работу не какую-нибудь, а безусловно хорошую, так как только за такую и можно оплачивать полным рублем и не браковать, а плохая должна быть, конечно, забракована, как это

делается везде: ведь тот же наборщик не возьмет у сапожника сапоги, если он подметку пришьет не сплошь по краям гвоздями, а, скажем, гвоздь один от другого хотя бы полквadrата, а для сапожника это тоже ускорение работы, или, приобретая в рынке пальто, разве не браhimся мы, когда через неделю отлетают пуговицы, и не говорим, что это рыночная работа. Так вот точно такую же рыночную работу и производят наши наборщики, набирая как можно поскорее, в то же время тратя непроизводительно время на подъем и разбор; а между тем, делая и то, и другое правильно, они несколько не сократили бы свой заработок, а скорее, я в этом уверен, увеличили бы его, и кроме того давали бы набор таким, за который не приходилось бы краснеть, в особенности, когда говоришь об этом с иностранцем. И странное дело, у нас так часто кивают на этого иностранца кстaти и не кстaти, что диву даешься, почему не приходит в голову сравнить работу этих иностранцев со своей и, идя по излюбленному пути кивания, принятая подражать их аккуратности, а иногда положительно педантичному отношению к своему делу. Но по всему видно, до этого еще далеко. Как тебе известно, что для скорости набора, экономя на заклочке, можно и совсем не заклочать строки или заклочать ее приблизительно, но ведь тогда все эти недостатки набора придется исправлять во второй корректуре и брать за это деньги с заказчика, попросту залезать в чужой карман, или производить исправление в машине при правке сводки, так как такой набор не даст возможности правильно производить печатание, он будет заваливаться набор и давать марашки, то и другое ляжет на предприятие, и безусловно несправедливо; каждый обязан отвечать за свои ошибки, и если они

замечены, то бесплатно исправлять их, как это делает сапожник, портной и другие. Насколько прочно привился такой неправильный взгляд на производимый набор, очень хорошо иллюстрируется следующим фактом: автор, посылая свое сочинение, сопроводил его указанием нескольких технических правил, выполнение которых ставил обязательным при наборе издания, и наборщики, ознакомившись с его требованием, единогласно заявили: «что это приемлемо для них только при условии, если плата за такое дело будет повышена на десять процентов», и пришлось согласиться с такой нелепостью.

— Этого не может быть, Дмитрий Андреевич, — перебил я его, — ведь это же ерунда.

— Нет, это было, и автор, слава Богу, здоров и жив, когда-нибудь я тебя познакомлю с ним, и он подтвердит сказанное мною. Но что самое интересное в этом факте, так это то, что, несмотря на десятипроцентную надбавку ему приходилось добрую половину технических правил указывать во второй авторской корректуре и оплачивать их исправление еще раз, хотя он и платил уже за них при наборе. Вот как далеко зашло падение производства набора и техники среди наших наборщиков. Когда ты наберешь строку, то, прежде чем окончательно и плотно заключить, всегда и неизменно следует ее прочесть, и если вкрались ошибки, то немедленно исправить их, не откладывая этого до первой корректуры, так как сам ты все равно должен будешь исправлять их впоследствии, когда набор вернется из корректорской, и время пойдет одинаково, а между тем, исправляя ошибки в верстатке при наборе, ты сокращаешь и облегчаешь работу корректора, который иногда призывает на помощь все свое искусство, чтобы изобрести

неисчислимо количество знаков, ясно указывающих то или иное исправление, а ведь он тоже человек, и помимо непроизводительного труда, еще получает деньги, а читает благодаря нам одну треть того, что мог бы прочесть при нормальных условиях и правильном отношении нашем к набору. Никогда не употребляй знаков препинания вместо шпаций, что имеет такое широкое применение в наборной, как будто уничтожение знаков, благодаря постановке их шпациями, прежде, конечно, отломив у них головки, действие, заслуживающее поощрения. Ведь знаки — деньги и собственность чужая, и уже по одному этому порядочный человек не может со спокойной совестью уничтожать чужое добро. Запомни это, или лучше запомни пословицу русского народа: «береги чужое — пуще своего». Ломание знаков для закладки это разврат, и против его распространения необходимо бороться всеми способами.

— А есть еще какие-нибудь правила для выключки строчек или только те, о которых говорили вы и рассказывали мне в ученьи, одинаковы: разбивка должна быть ровная, и больше ничего нет?

— Как нет? Есть, и очень много, я тебе дам из книги, где они изложены очень подробно и по-моему достаточно ясно:

«Если нужно увеличить пробелы, то шпации вставляются по порядку, от левой руки к правой, и с правой стороны стоящей уже шпации: когда в строке нет знаков препинания — если возможно, во всех пробелах поровну, если нельзя поровну, то по порядку у слов, начинающихся прямою строчною буквою, круглою и прописною. Если в строке есть знаки препинания, то, по возможности, во всех пробелах поровну; если нельзя, то сначала у точки,

---

восклицательного и вопросительного знаков, у точки с запятой, у двоеточия, запятой, затем, по порядку, перед словами, начинающимися прямою строчною буквою, круглою и прописною буквою. При уменьшении пробелов поступают наоборот, то-есть, если возможно, уменьшают все пробелы поровну, заменяя стоящие шпации более мелкими. Если нет в строке знаков препинания — уменьшают пробелы по порядку у слов, начинающихся с прописной буквы, с круглой и с прямой строчной буквы. Если в строке есть знаки препинания, то сначала уменьшают, по возможности, все пробелы поровну; если же нельзя этого сделать, то сперва у прописных букв и по порядку у слов, начинающихся с круглой и прямой строчных букв, затем у запятой, двоеточия, точки с запятой, вопросительного и восклицательного знаков, наконец, у точки». (П. Коломнин.)

«Выключка производится следующим образом:

«1. Если текст набирается широким шрифтом, то сперва все находящиеся в строке запятые отделяются от слов тонкими шпациями, т.-е. вставляется шпация между словом и запятой, за исключением случаев, когда запятая стоит после у, г (последнее в наборах без ъ), так как по своему рисунку эти буквы образуют некоторый пробел между собою и запятой. Если в строке встречается слово, соединенное дефисом, то его нужно отбить тонкими шпациями с обеих сторон, за исключением того случая, о котором было упомянуто выше и когда дефис отбивается только с одной стороны.

«2. Если остается еще место для нескольких тонких шпаций, то пробелы после точки с запятой, двоеточия, восклицательного и вопросительного знаков (когда два последних знака не заканчивают собою предложения)

и запятой увеличиваются каждый на тонкую шпацию; знаки эти разделяют предложения и указывают, что на тех местах следует немного остановиться, и увеличенный пробел в данном случае облегчает чтение.

«3. Затем уже, если еще остается место, следует увеличить пробелы между словами, начинающимися строчными буквами. Сперва вставляются шпации у тех слов, которые начинаются или оканчиваются буквами, удлиненными вверх или вниз, каковы: б, і, й, р, ф, ъ. Последними увеличиваются пробелы между остальными строчными буквами, а самыми последними увеличиваются пробелы перед словами, начинающимися с букв: д, л, у или оканчивающимися на у.

«4. В крайнем случае можно и перед прописными вставлять по тонкой шпации.

«Но если все пробелы увеличены в строке на тонкую шпацию и все-таки остается свободное место, то тонкие шпации заменяются полторапунктовыми, но если и этого окажется мало, то

«5. После точки, восклицательного и вопросительного знаков, замыкающих предложение, прибавляют еще по тонкой шпации, и если этого окажется мало, то полторапунктовые шпации заменяются двухпунктовыми, соблюдая опять-таки тот порядок увеличения. Этим и достигаются крайние пределы увеличения пробелов между словами. При наборе лучших изданий увеличения нормальных пробелов более, чем на два пункта, должно и можно избегать. Опытный наборщик уже при начале увеличения пробелов почти безошибочно определит, какой толщины шпации следует употребить, чтобы выключить строчку равномерно».

(Ф. Базэр.)

«Выключкою строчки называется приблизительно равномерное распределение пробелов между словами. Для пополнения строчки, чтобы довести ее до надлежащего формата, сначала надо увеличить пробел у прописной буквы с точкою, потом перед предлогами, затем у знаков препинания, кроме запятой; а во всех остальных случаях пробелы прибавляются поровну. Для вмещения в строку необходимых букв пробелы убавляются сперва у прописных букв без точек, потом после предлогов, далее—у знаков препинания, а во всех остальных случаях—езде поровну. При обыкновенном шрифте нормальными пробелами считаются на полукруглый, а при плотном—на тройную шпацию. Хотя из этого правила и допускаются отступления, но тогда увеличение и уменьшение пробелов не должно превышать половины нормальной разрядки». (И. Богданов.)

— Если ты внимательно вслушивался в прочитанное, то, вероятно, уловил незначительную разницу в приведенных указаниях—это у Богданова, где он говорит об уменьшении пробелов после предлогов, и хотя первые двое и не говорят этого, но, несомненно, такое уменьшение можно признать правильным, потому что предлог всегда связан со следующим за ним словом, и поэтому приближение его не ухудшает правильности разрядки. Но беда вот в чем: несмотря на то, что ты ознакомился и, конечно, быстро усвоишь, где и как должна производиться разрядка, ведь и большие премудрости усваиваются, а эта только кажется на первый взгляд сложной, а в действительности же, если начать применять ее в наборе, то в течение одного дня все правила будут основательно изучены и уж не испарятся из памяти. Беда, повторяю, заключается в том, что единицами мы лишены возможности изменить безобразия русской книги

так как наш правильный набор тонет в море неправильного. Но это не должно останавливать ни одного из тех работников, которые дорожат печатным делом, любят его и жаждут его развития и улучшения. Пусть среди десятка страниц издания, набранных неправильно, будет хотя бы только одна правильно набранная, — это ничего. Постепенно, может быть, и медленно, окружающие увидят, что хорошая работа не берет больше времени, чем заведомо плохая, да, кроме того, дает сознание, что она выполнена человеком долга, работающим сознательно в лучшем значении этого слова, человеком, который, приобретя знания и навыки, не зарывает их в землю, а применяет в своем деле. Да, наконец, может попасться небольшая работа, требующая сил одного наборщика, и вот такая уже получит возможность выйти в свет совершенно исправной, и поэтому указанные приемы следует начать проводить, как только ты с ними ознакомишься. Прочитай их дома, запомни и попробуй набирать с их применением, а для контроля возьми домой корректуру твоего набора и проверь, все ли запомнилось и выполняется. Найдешь пропущенное, исправь, и, конечно, запомнишь на будущее, и так в течение самого короткого времени твой набор перестанет быть технически неправильным и примет тот самый вид, который от него требуется техникой. Но это не все, для правильного набора существует еще ряд правил, выполнение которых тоже обязательно и которые не выполняются, и в следующий день я познакомлю тебя и с ними.

И действительно, через несколько дней для меня уже не представляло затруднений набирать так, как указывалось в учебниках, даже мое, хотя и слабое, верчение рукой отходило в прошлое. Я уже резко отличал увеличение

производительности, но все еще не решался применить контроль часов, так как насмешки не прекращались, и вместо часов теперь шло изощрение на мой «художества» в строчном наборе, которых никто не требует, да если бы и требовал, то все равно никто из читателей бы не заметил, так как для него шпации и разрядка звук пустой. Но я чувствовал, что в действительности это не так, что только косность, въевшаяся в моих товарищей, мешает им самим приняться делать то же самое, и иногда, вдоволь насмеявшись, некоторые подходили к моему уголку и с удовольствием, смешанным с завистью, спрашивали: «как это вы ухитряетесь так набирать, везде ровно разбито, безобразных переносов нет, корректуру хоть не давай в корректорскую, а набрано больше нашего».

Я уже начал пускаться с ними в словопрения и доказывать простоту и выгодность правильности набора, как для каждого отдельного рабочего, так и для нашего общего дела. Но, огрызнувшись, они обыкновенно отходили и продолжали работать по-своему, по привычке, они даже, видя пример, не могли или не хотели поверить, что и хорошая работа берет времени нисколько не больше худой, нужно только привыкнуть к таковой и усвоить, что всякая мелочь, как бы смешна она ни была, должна быть выполнена возможно лучше. Только такая система — стремление постоянно к лучшему, будет совершенствовать производство, только бережное отношение, как к своему времени, так и к времени других, даст постоянное спокойное состояние души, а такое отношение и заключается в правильном усвоении технических правил и приемов при работе, ведущих к увеличению заработка, сокращению накладных расходов производства и, конечно, удешевлению вырабатываемого про-

---

дукта,—без этого нет покоя, и невольно напрашиваются слова, сказанные Иволгиным в первое мое посещение его квартиры, когда он, взяв один из номеров журнала, прочел на первой странице: «Искусство без труда—воровство, труд без искусства—варварство», как это верно. Трудимся мы порядочно, а какой толк, выходит чисто варварская работа, в которой нет отблеска культурного сознания.

— Сегодняшнюю беседу, — начал Иволгин, — посвятим продолжению закладки строки и остановимся на правильной постановке знаков препинания. Все наши издания, выходящие в свет, грешат в этом отношении; даже больше, они нарушают основные правила руководств и, главным образом, потому, что большинство совершенно незнакомо с таковыми, а между тем, постановка по правилам дает строчке красоту и ярко выделяет расставленные в ней знаки, в то время как неправильно поставленные, знаки прилипают к концу слова и иногда положительно незаметны, а применение определенных и простых правил создает им положение, при котором знаки хорошо видны даже в самом мелком шрифте и при самом быстром чтении. Но сначала еще немного о переносах:

«Желая «вогнуть» или «выгнуть» одну или несколько букв, а иногда и целое «слово», наборщик должен прежде всего сообразить, что именно удобнее ему сделать, так как некоторые правила наборного дела ни в каком случае не могут быть нарушены. Наборщику необходимо помнить, что все нижеприводимые и им подобные выражения обязательно должны помещаться в одной и той же строке и не переноситься в другую: и т. д., и проч., т.-е., так как, отделение I, 235 руб., 15 коп., с 1875—76 год., о. Иоани, № 25, § 12, 19 февраля, страница 10, рис. 14.

«Знак выноски в другую строку не переносится (например: «учебник», а на другой знак выноски—¹). Цифра за скобкою — 1), 2) не может быть отделяема от слова, которое за нею следует: 1) физика, 2) математика. Никак нельзя переносить тире. Односложные слова не могут быть разделяемы для переносов (крест, звон, звук, друг, вал, дом, был, он, нас, как, и т. д.). Следует избегать по возможности окончаний уж, ям, ам, ов, ок и т. п. Нельзя делать неблагозвучных, режущих ухо переносов. Одна буква (окончание слова) не переносится. Один слог (из двух букв) при форматах свыше 4-х квадратов не переносится. Исключение делается только для газетного набора, отличающегося многими неправильностями, нетерпимыми в книжном наборе». (П. Коломнин.)

«Остается еще помянуть технические правила переносов, которые не менее важно знать наборщику. Как первое из таких правил отметим:

«1) Стараться, поскольку возможно, набирать без переносов. Если, например, набор набирается на полукруглые, а переноса можно избежать заменю полукруглых тройными шпациями, то это обязательно нужно сделать.

«2) Никогда не следует переносить в следующую строку слог, состоящий из двух букв, хотя бы такие переносы и не противоречили грамматическим правилам. Поэтому нельзя, например, переносить: воро-на, суббо-та мо-ре, сло-во, мет-ко, лачу-га, лебе-да и т. д.

«3) Нельзя разделять слова, оставляя или перенося слог, состоявший из одной гласной: мо-е, и-мя, о-гонь, шве-я и друг.

«4) Нужно избегать переносить окончания: ний, кий, уж, юж, ам, ям, ов и т. п. Также недопустимы переносы окончания ет с присоединением частицы ся.

«5) Концовая строка безусловно должна начинаться полным словом; но если этого нельзя никоим образом достигнуть, то перенести часть слова, состоящую, по крайней мере, из пяти или шести букв.

«6) Ни в каком случае последняя строка в сверстанной полосе не должна быть с переносом: здесь он более всего может портить ясность текста и вести к неправильному пониманию его.

«7) Нужно остерегаться делать неблагозвучные переносы, хотя бы по грамматическим правилам они были совершенно правильны и употреблялись бы даже в письме.

«Наконец, укажем еще на такие случаи, когда деление и перенос были бы со стороны наборщика непростительным нарушением технических правил.

«Не могут быть разделяемы и переносимы:

«а) Сокращенные слова: т.-е., и проч., и т. д., наприм., с. г., Р. X., м. г. и другие.

«б) Слово или знак, принадлежащие к числу, и наоборот: 25 октября, 1898 год, 10 руб. 60 коп., 20 градусов, XVII столетия, 4 пуда 13 фун. глава I-я, отделение 2-ое, фиг. 14, стран. 10, Иоанн IV, ст. 108, № 18, § 3.

«в) Числа: 1877 год, 10000 руб. и т. п.

«г) Сокращенные (инициалы) имя и отчество от фамилии: А. Н. Островский, М. Ю. Лермонтов.

«д) Следующее за сокращенным предикатом слово: Д-р. Галь, г-н Иванов, ген.-лейт. Назимов, о. Иаков, ст. сов. Королев, проф. Менделеев, ул. Гоголя, д. Матвеева.

«е) Тире.

«ж) Слово, следующее за цифрою в скобках: 1) глагол, 2) наречие и т. д.

«Этим заканчиваем правила переносов частей слов из одной строки в другую. Конечно, невозможно привести и указать все случаи, когда можно, когда нельзя делать переносов и как разделять слова. По нашему мнению, наборщик должен хорошо знать русское правописание и грамматические правила хотя бы в кратком объеме, усвоить это знание — не так уж трудно». (Ф. Бауэр.)

«Последний слог в две буквы в другую строку переносить допускается только в малом формате и при круглом шрифте.

«Ни в каких случаях нельзя разделять на две строки: числовые выражения из цифр; цифры года от слова год; числа месяца от его названия; сокращения, например: т. от е. (то-есть) и т. от д. (и так далее); г. и г-жа от фамилии при них, инициалов, имен и отчеств от фамилий (когда вся фамилия при инициалах имени и отчества не вмещается в строку, тогда в конце ее необходимо набирать хотя бы первый слог фамилии, а окончание можно переносить в другую строку). Не переносятся в другую строку одни римские цифры от имен царствовавших или царствующих особ, пап и т. п., например: Александр III, Лев XIII. Равным образом, при переносах не разделяются числительные порядковые — страниц, глав, отделов, рисунков, №№ или §§, от существительных, к которым относятся, например: стр. X, стр. 125, глава III, отдел 4, рисун. 15, № 349, § 18. То же самое соблюдается и в отношении цифр за скобкою от слов, за ними следующих, начало текста после цифры параграфа или пункта и т. п. В малых форматах, в силу необходимости, и в газетном наборе, из-за спешности работы отступления от этих правил хотя и допускаются, но вообще их следует избегать». (И. Богданов.)

— Вот видишь, сколько чисто технических правил о переносах, и обрати внимание, о многих из них говорится: «не должно быть» «недопустимо», «нельзя», «не следует», а между тем, возьми любую попавшуюся под руку книгу, посмотри и увидишь, что все, что нельзя и недопустимо, проделано на каждой ее странице. Это доказывает, что наборщик совершенно незнаком с самыми элементарными техническими правилами своего дела или, что еще хуже, он знает их, но, попросту, не желает применять, считая для себя обременительным и для красоты русской книги излишним, и если правильно последнее, то придется признать такого рабочего варваром, так как какой же маломальски культурно развитой работник будет заведомо нарочно портить поручаемую ему работу. Если же он незнаком с правилами техники, то на его обязанности лежит ознакомиться с ними тем или иным путем, и путь для этого один — знакомство с технической литературой по печатному делу, с каждой самой маленькой и невзрачной на вид брошюровкой, лишь бы в ней говорилось о печатном деле, а вот этого-то и нет у окружающих нас. Полюбопытствуй как-нибудь насчет вот этих книжек, из которых я читаю тебе отрывки, есть ли они у кого-нибудь, и не найдешь, их считают излишними, знакомство с ними бесполезным, а между тем каждая из них представляет собою целый источник знаний и сведений, как по технике, так и по истории, каждая толкает к дальнейшему изучению и пониманию, каждая раскроет такую массу любопытных сведений, что ты поразись, когда познакомишься с ними хорошенько. Ты сам, вероятно, слушая эти отрывки, удивляешься всем этим правилам, находящимся в печатном виде, стало быть, доступным массе и все-таки неизвестным.

— Да, вы правы. Мне не приходилось никогда слышать обо всем этом, да еще так ясно и просто изложенном. Значит, когда я достану эти книги, в них смогу пополнить мои скудные сведения по наборному делу. Но, Дмитрий Андреевич, все-таки продолжите наши беседы, так как они своим живым словом будут только энергичнее толкать меня к чтению. Указывайте мне, задавайте, заставляйте читать и узнавать сначала самое необходимое, а потом уже и более подробное, с чем мне придется встретиться в будущей работе, ведь я только начинаю жить, я еще ребенок, и поэтому раз Бог послал вас на моем пути, не оставляйте меня без руководства и помощи.

— Руководством тебе должны быть и будут книги-учебники, я не учитель, моя цель толкнуть к чтению и доказать необходимость большого знакомства с печатным делом, сделать для тебя наборное дело не тяжелым трудом, а интересным, увлекательным занятием, заставить тебя полюбить дело, за которое ты взялся для добывания средств к существованию. Не забывай, что всякий труд благороден, а твой в особенности, так как в нем заключается насаждение и развитие просвещения в народе... Но пойдем дальше и займемся знаками препинания, правила для которых, может быть, покажутся тебе объемистыми, но они легко усвоятся, а еще легче могут быть проведены на практике.

«Дефис ставится между словами и при переносах всегда вплотную, не отделяясь с боков шпациями. При сокращениях нередко заменяет выпущенные буквы: г-н, г-жа, об-во, Ал-др.

«Тире ставится в разговорах, в начале фраз, для выделения речей обоих собеседников. В этих случаях, если

речь набирается с отступом, то тире помещается непосредственно за ним, отделяясь от начала фразы тем пробелом, который принят для разбивки слов, т.-е. полукруглым или тройною шпациею.

«Если фразы разговора набираются в «подбор» (непосредственно одна за другою, без отступов), то тире отделяется с обеих сторон принятым для разбивки пробелом, или же (чаще) двухпунктовыми шпациями.

«Звездочка ставится в подстрочных примечаниях (когда их не более 3-х, — иначе лучше ставить цифры, так как трудно отличить сразу число звездочек) и в соответствующих им знаках ссылки, так *) **) ***) и звездочкам должно быть отдано преимущество в примечаниях математических сочинений.

«Звездочка ставится при именах и фамилиях, при инициалах, заменяя выпущенные буквы или прямо заменяя полностью имя, отчество и фамилию: например: Н. П. Д.***, Н*** П*** Д***. Звездочка не отделяется ничем от инициала, у которого она поставлена.

«Когда имена и фамилии обозначаются одними инициалами, со звездочкою или точками, то нельзя сокращать тех же слов, в одной и той же книге, различно, т.-е. с большим или меньшим количеством звездочек или точек.

«Скобки употребляются в тех случаях, когда нужно резко отделить от предложения вводные слова, к нему не относящиеся, или, вообще, слова, поясняющие предыдущее.

«Скобки дугообразные ( ) и прямоугольные [ ] отделяются снаружи от слов обычными пробелами, принятыми для разбивки данного набора, но внутри не отделяются или отделяются от заключенных в них слов однопунктовою шпациею. Скобки не отделяются от знака выноски.

«В кавычки, или, как их чаще называют наборщики, в «лапки» заключают обыкновенно: 1) чужие слова (вносные предложения), 2) цитаты, 3) прозвища, названия, заглавия и т. п., и, наконец, 4) авторы ставят в кавычки слова и выражения, на которые желают почему-либо обратить внимание читателя.

«Если цитируется большое количество строк, то кавычки ставятся в начале и в конце каждого периода или в начале каждой цитируемой строки. Если приводимая цитата набрана шрифтом, резко отличающимся от шрифта главного текста, то можно кавычек не ставить.

«Кавычки ставятся вместо повторения одних и тех же слов, но не чисел, в таблицах, выводах и проч., причем в этих случаях кавычки выключаются как раз посредние выпущенных слов.

«Знаком параграфа отмечают обыкновенно следующие друг за другом небольшие отделы или статьи. Можно сказать, что § заменяет повторение слов: отдел, статья, период и т. д. При знаке параграфа ставится всегда цифра, которая отделяется от текста полукруглым или тройною шпациею. Если за цифрою параграфа стоит тире, то оно отделяется как от цифры, так и от текста, двухпунктовою шпациею. Если в каком-нибудь тексте идет речь о нескольких параграфах, то можно обозначить слово «параграф» или прописью, буквами (или же двойным знаком §§) без разбивки, вплотную, причем за цифрами точек не ставится.

«Знак номера ставится обыкновенно с цифрою, от которой он отделяется, или принятым для разбивки текста пробелом (полукруглым или тройною шпациею), или еще меньшим, но никак не большим. Если в тексте говорится

о нескольких номерах, то знаки номеров ставятся вплотную, без разбивки шпациями» (П. Коломнин).

«После точки, если ею оканчивается предложение или период, следует ставить двойной против обыкновенного пробел: вместо полукруглой — круглую, вместо четырех пунктов — 8 пунктов и т. д.

«Двойной пробел требуется и после восклицательного и вопросительного знаков, если они стоят в конце предложения. Но если ими не оканчивается предложение, то пробел остается нормальный.

«Если точка обозначает сокращение какого-нибудь слова, то после нее ставится только третья часть или половина нормального пробела, так как верхняя пустая часть этого знака образует уже сама довольно значительный пробел.

«Двоеточие, точка с запятой, восклицательный и вопросительный знаки уже при наборе непременно нужно отделять от предыдущего слова шпацией. С кегля 6 до 10 включительно достаточно тонкой шпации; начиная с кегля 12, следует отделять $1\frac{1}{2}$ - пунктовой шпацией, а для больших кеглей, смотря по характеру шрифта, еще больше. В случае, если двоеточие или точка с запятой стоят после точки, сокращающей слово, или после кавычек, то шпация между словом и этими знаками не ставится.

«Встречающиеся в гладком наборе тире отделяются от предыдущего и последующего слов пробелами меньше нормального. И в наборе не должно быть случая, чтобы тире набиралось вплотную к шрифту, как это, к сожалению, часто практикуется.

«В словах, соединенных дефисом, в которых второе слово начинается буквами, имеющими уже некоторый про-

---

·бел, нужно перед дефисом вставлять тонкую шпацию, чтобы он стоял посреди слов». Ф. Бауер.

— Вот видишь, какими правилами следует руководствоваться при знаках препинания. Сначала кажется, что опять затруднение, но на деле оно будет таким пустячным, что скорость работы, если и уменьшится, то на такое количество, о котором не стоит говорить. Ведь если помотришь на страницу какого-нибудь сочинения, то увидишь, что знаков, требующих постановки шпаций, попадаетея на ней самое ничтожное количество, и запомнить очень легко, знаков всего шесть: точка, точка с запятой, двоеточие, восклицательный, вопросительный, тире и, видя такой знак, всегда ставить около него шпацию, это нисколько не затруднит тебя, седьмой знак—дефис, если и встречается чаще, то только в переносах, но там он не требует шпаций, а в соединенных словах, где требует с одной стороны шпацию, ты тоже быстро сообразишь и запомнишь, какие буквы требуют постановки шпации с другой стороны дефиса, для выравнивания. Здесь, при применении прочитанных правил, возникает другой вопрос: стоит ли набирать тебе по нашим правилам, когда другие, большинство, набирают без всяких правил. На это могут последовать два решения. Одно — это когда тебе поручается отдельная и самостоятельная работа: какая-нибудь мелочь, табличка, повестка, циркуляр и т. п., в этих случаях необходимо всегда и неизменно применять правила, и самому будет приятно посмотреть на вышедшую работу, в которой сделано все не как Бог на душу положит, а так, как следует, и все вошедшие знаки будут ясно видны, а не прилеплены к слову, в особенности, если шрифт употреблен плотный, и поэтому в указанных работах применять все, как только

получишь такую работу в руки; другое — это та масса текста, которую приходится набирать постоянно и которая, распределяясь между десятками наборщиков, в самой книге перемешивается один за другим, стоит ли здесь набирать хорошо, когда на практике твой хороший набор будет, так сказать, портить набор других. Мое мнение и тут, и в таких случаях, все-таки, следует набирать правильно, и не надо бояться, что твой правильно сделанный набор будет ложкой меду в бочке дегтя. Твои товарищи, видя хорошее и худое смешанным в одно место, несомненно, придут, наконец, к убеждению, что в сущности и они могут делать по-твоему, им будет стыдно, что, получая одинаковую плату, они дают брак, а не работу, и постепенно, медленно, но все-таки это будет, я верю в это. Будут приставать к тебе и подражать, может быть, по одному, но и это уже важно, так как каждый, усвоивший и применяющий на практике технические правила, содействует улучшению печатного дела, и в нем должно заговорить заглушенное чувство гордости и сознания исправно и честно выполненного порученного ему дела. Это придет. Есть же оно у наших иностранных товарищей, почему же его не может быть у нас, что же мы, истуканы бесчувственные, что ли? Конечно, нет, мы тоже люди, и многие с отзывчивой душой и таящимся где-то глубоко стремлением к лучшему, и стоит дать только маленький толчок, бросить капельную искру в тлеющий уголек, как последний разгорится ровным и ярким пламенем и осветит мрачную и скверную работу наших наборных. Только, дорогой мой, не трусь, не бойся... Пускай смеются, шутят, не волнуйся и продолжай свое хорошее дело, и «верх над конечным возьмет бесконечное», как сказал Ал. Толстой, и они за-

---

молкнут, ибо, наконец, поймут, что, смеясь над тобой, над стремлением дать хорошую работу, они в действительности смеются над собою, над своим убожеством, и перестанут, а что они поймут это, в том наша надежда, наша вера. Да вот пример: у нас был тоже молодой наборщик, и как он, затропуемый за живое этими самыми кличками, принялся за работу над собой, над своим совершенствованием, и также смеялись, глупо, плоско, но смеялись, но он не сдался, а продолжал набирать, как научился в книгах и как подсказывала ему его совесть, и стал выше их всех, несмотря на свою молодость. Дошло до того, что все лучшие и спешные работы поручались только ему, и он оправдывал надежды, и кончилось тем, что один из наших заказчиков, близко соприкасавшийся с товарищами, утащил его от нас и поручил заведывание открытой типографией, и что же — сразу так и притихла наборная, когда узнала, что выбор пал на мальчика, а не на стариков, считавших себя опытными рабочими, погрязших в рутине и имевших единственный усвоенный опыт — набирать всю свою иногда долгую жизнь технически безграмотно и никогда, подумай только, никогда не потянувшихся к изучению печатного дела, знавших только русскую кассу, которую они разбирали медленно и постоянно путали, так как не имели привычки находить сейчас же попавшую не в тот ящик букву, делавших ужасающую корректуру и обязательно с пропуском, последнее является результатом невнимания, разговора и т. п., как раз того, против чего восстают учебники, и тот наборщик Слоан, о котором была у нас речь в самом начале. Прежде, чем разойтись, я покажу тебе образцы корректур, собранных мною и наглядно показывающих невнимание набравших.

Он достал из папки десятка два оттисков и разложил их на столе — это были сплошь испешренные пометками гранки, в некоторых случаях положительно невозможные для исправления без помощи верстатки, и, вглядываясь в пометки, я видел, что действительно те, которые набирали, относились на удивление небрежно: они не понимали слов, не читали перед заключкой строчек, набирали безграмотно, как будто и не бывали в школе, и если применить к таким наборам еще и требование технических правил, то лучше всего отложить в сторону набор и набрать его вновь, что было бы скорее, и самая работа вышла бы лучше.

— Видишь, какие шедевры дают окружающие нас, и как ни странно, но здесь работы не только заведомых недоучек, расплодившихся в невероятном числе повсюду, но и работы стариков. Взгляни вот на эту, в ней в 50 строках или 3000 букв насчитывается 132 ошибки и 2 пропуска. Сколько же времени необходимо затратить на исправление такой корректуры, да и можно ли доверить ее исправление тому, кто так набирает, без сверки корректора, и выходит, что корректор должен читать вместо одного раза два и напрасно тратить время, задерживая текущую работу, ведь корректора приглашаются из расчета на количество рабочих, считая только одну корректуру и, конечно, не такую, как эта, их обязанность уничтожить случайно вкравшиеся ошибки, а разве эти можно назвать случайными? Поэтому, главным образом, у нас буквальные ошибки попадают в каждой последующей корректуре, включая и сводку, и в конце-концов все-таки остаются и в печатной книге, — отсюда неизбежное приложение к изданиям в виде «замеченных опечаток». Да эти корректуры и не редкость, посмотри у Слонова, и увидишь, что они такие же, и

в каждой, обязательно в каждой пропуск. Я помню время, когда над ним товарищески подтрунивали, что пропуски он делает умышленно, чтобы избежать нужды писать свою фамилию на оттистке, сдаваемом корректору, он улыбался и продолжал делать свои пропуски, как будто избавиться от них, действительно, невозможно. Все это делалось на сдельной плате, значит, изо дня в день сокращался заработок, и так всю жизнь, и никогда не появлялось стремления изменить и улучшить качество работы, ускорить ее, и этим одним поднять заработок. Вот в таком отношении горе и печатного дела и самих рабочих, и когда оно изменится, да и изменится ли вообще — неизвестно, во всяком случае мне не удастся увидеть этого.

И мы расстались на несколько дней, в течение которых мною продолжалось применение усвоенных правил в практике, они постепенно делались для меня так просты, что непонятно было, почему, действительно, наборщики так упорно отказываются применять их. В голове создавались всякие мотивы оправдания, но если таковые находились для древних уже стариков, отживших жизнь, то я никак не мог найти их для молодого и среднего возраста. Но и тут, в этом делении на молодых и старых я наталкивался на странное явление: чем старше наборщик, тем корректура его была меньше, и я старался объяснить это большим вниманием, так как самый возраст их заставлял не принимать такого большого участия в разговорах и перебранках, какие производились молодежью.

Постепенно втягиваясь в общие интересы и знакомясь с окружающими, делаясь смелее, я пробовал вступать во время перерывов в разговоры то с одним, то с другим, спрашивая, где учился, много ли переменял типографий, и

вот тут, в отрывочных сведениях находил понемногу объяснения замеченной разницы. Почти все, набравшие наиболее чисто, а среди таковых был Кафкин, набор которого, по словам нашего метранпажа, не к чему давать корректору, все равно он очень редко находит в нем ошибку и только зря проводит время над чтением, все они называли мне солидные типографии, то Коломвина, то Бенке, то Суворина, и поэтому невольно создавалось убеждение, что значит их там иначе учили наборному делу, иначе заставляли относиться к принятым на себя обязанностям, впитывали в них необходимость работать хорошо и быстро, любить каждую мелочь, как бы незначительна она им ни казалась, и только в этом я видел объяснение совершающегося на моих глазах. Сам я начал набирать по указанию Иволгина, и первый же мой набор, попавший на средник метранпажа, вызвал громкое замечание: «еще один художник объявился. Беда мне с ними, только другой набор портят своей какофонией».

— Ужé, — раздался голос моего визави, — научил Митя, скоренько обработал. Эх, молодость, молодость, как ты неустойчива и неопытна. Живо закружил голову, в голосе у него послышались нотки сожаления, как будто случилось что-то нехорошее.

— Ну, не у всех неустойчива, — ответил Иволгин, — большинство упорно настолько, что колом, а не только словом не прошибешь. А по-моему здесь не неустойчивость, а скорее правильное понимание дела и памятование пословицы: «Век живи — век учись». Да напрасно ты так тяжело вздыхаешь, когда надо радоваться. Человек работает хорошо, стремится к еще лучшему, набирает не тише, несмотря на новости в его наборе, а будет наби-

---

рать еще скорее, чего же печалиться да вздыхать, у него только прибыль, и ты еще можешь пойти по той же дорожке, если захочешь.

— Нет, уж я не захочу. Меня, брат, не спутаешь, я не из таких.

— Ну и продолжай по-своему, по старинке, а другим не мешай и не вздыхай.

— Вы на него не набрасывайтесь, Иволгин, — он по-моему говорит справедливо. Вот тут вы двое путаете с вашими новшествами, а вдруг автор заметит да ему понравится такой набор, еще заставит и всех так набирать из-за вас.

— А что же, если заставит, то разве и будут? И как это вы любите, чтобы вас заставляли. Чтобы на всякое хорошее дело палкой гнали, не лучше ли по-хорошему самим, а не ждать, когда заставят силой. А право, хорошо бы было, если бы Галкин обратил внимание да заставил бы вас делать как следует. Я удивляюсь, как он не обращает внимания на набор. Любит ведь свое издание, размеряет, рассчитывает, а набор невдомек, и надо будет как-нибудь поговорить с ним об этом.

— Выдумай еще, от тебя станется, этого только не хватает. Ты это брось, заказчика не трогай...

— Испугался? Как вы боитесь хорошего. Лучше бы боялись пороть корректуру, а вы наоборот. У вас, что худо, то хорошо, а что хорошо — то худо. И когда вы поймете свои обязанности как следует.

— Брось свою проповедь — замолчи.

— Замолчу, замолчу. Я знаю, что не надо метать бисер.

И Иволгин замолчал, а метранпаж продолжал еще долго ворчать себе под нос.

Когда я пришел к Иволгину следующий раз, он уже приготовил мне обещанные книги и, передавая их, сказал.

— Вот тебе, читай их. Что потребует разъяснения, спроси, не стесняйся, что смогу и знаю, объясню, а чего не знаю, будем вдвоем доискиваться, а в крайнем случае справимся у кого следует; двое авторов еще, славу Богу, живут и не откажут в объяснении. Да не потребуются их беспокоить, сами разберемся. Сегодня прочтем об абзаце. Он встречается так часто, и не менее часто делается зря, как придется, и поэтому даже в одном издании, иногда на одной странице — встретишь его различной величины, то круглый, а то полтора круглого.

«Отступом или абзацом (от немецкого слова Absatz — отступ) называется пробел в начале первой (начальной) строки каждого периода. Наборщики называют абзацом также целый период. Отсюда выражение: «Концевая строка абзаца». Отступы делаются, соображаясь с форматом строки. При форматах до пяти квадратов в русских типографиях ставится обыкновенно «круглый»; при 5—5¹/₂ квадратах — полтора круглых, при 6—6¹/₂ кв. ставят 1¹/₂—2 круглых. Точных правил для величины отступов нет: всякий типограф делает по своему вкусу, как ему кажется красивее. Немецкие типографы при формате в 6 квадратов делают отступы очень часто в 2¹/₂ круглых. Отступы остались нам в наследие от времен рукописных книг, когда в начале каждого большого периода оставлялись пробелы для вписывания инициалов (заглавных букв) (П. Коломнин).

«Относительно величины отступа первой строки нового абзаца Лейпцигское Типографское Общество установило следующее правило: «Величина отступа зависит от величины шрифта и ширины полосы. За основную норму

принято для всех шрифтов, как узких, так и широких, ширина алфавита в 12 круглых данного кегля. При одной алфавитной ширине отступ должен равняться одному круглому, для каждой следующей алфавитной ширины прибавляется полукруглый. Если ширина набора не оканчивается полною алфавитною шириною, то полукруглый прибавляется в разбитом на шпоны наборе; отступ же не разбитого набора в таком случае не увеличивается. Наибольший отступ в книжном наборе не должен превышать двух круглых. Если в наборе встречаются шрифты различных кеглей, то отступ для всех должен быть такой величины, как отступ главного текстового шрифта. В полосах, где ширина текста изменяется благодаря иллюстрациям, таблицам и т. п., отступ должен быть, по возможности, одинаковый с принятым отступом».

«Мы еще не имеем общепринятого правила относительно величины отступа. В старинных печатных работах отступ бывает не только на разных страницах, но часто и на одной и той же странице различной величины, хотя можно судить, что в объеме круглый был признан за нормальный отступ. С течением времени отступ все увеличивается и, особенно при широких форматах, достигает нередко ширины в целый квадрат.

«В 1854 году один из сотрудников немецкого «Journal» советовал считать с каждого квадрата форматной ширины не более, чем по четыре пункта на отступ. Этим советом приблизительно руководствуются и до сих пор, хотя не сознательно. Даже в вышеприведенном правиле Лейпцигского Типографского Общества основой служит вытекающий из сказанного предложения принцип, что отступ должен быть в известном отношении к формату; но нельзя упу-

---

стить из виду, что и величина шрифта должна быть принята во внимание. Чем уже формат, тем некрасивее выглядит слишком большой пробел. Для форматов шириною до пяти квадратов и при не разбитом на шпоны наборе достаточно делать отступ на круглый, но если набор разбит на шпоны, то к круглому надо прибавить еще столько пунктов, сколько разбивка содержит сверху и внизу строчки, чтобы отступ обозначался квадратнообразным пустым местом. Для форматов шире пяти квадратов общего признания заслуживает то правило, по которому на первые двенадцать круглых данного кегля считается один круглый для отступа, а на каждые следующие двенадцать круглых прибавляется по одному полукруглому» (Ф. Блауэр).

«Абзац — слово немецкое, означает: уступ, новая строка.

«Абзацем типографским называется отступ набора с левой стороны начальной строки каждого отдельного периода речи; размер абзаца соотнобразуется с форматом строки и шрифтом. В малых форматах, до пяти квадратов, принято делать абзац на круглый, от пяти до шести квадратов — на полтора круглого и т. д.» (И. Богданов).

— Таким образом устанавливается величина абзаца. Но, конечно, иногда при наборе какого-нибудь издания, приходится считаться с личным вкусом или взглядом типографа, управляющего, метранпажа и делать всегда так, чтобы во всем издании он был одинаков и не портил своим разнообразием страниц. Укажу еще на новое течение, появившееся в последнее время особенно широко и не признающее вообще отступов в начале периодов, но это течение нельзя приветствовать, так как оно почти совсем уничтожает значение отступа, как указателя на новый

период. При новой системе период будет замечен только при непременном условии, что последняя строка предыдущего периода не полная, в противном случае, т.-е. при ее полноте, никто не заметит начала нового периода, да и красоты не придает такая система печатной странице. Можно бы понять стремление к приданию совершенно правильной, ничем не нарушаемой формы страницы, но этого нет, так как правая сторона ее бывает испещрена концевыми строчками, и этим уничтожается правильность страницы, если уничтожение абзацев направлено к такой цели; гораздо симпатичнее заполнение отступов каким-нибудь украшением, при такой системе значение абзаца сохраняется, так как он, теряя белое место, приобретает орнамент и этим сохраняет указание отступа, а с другой стороны, он как будто возвращается к давней старине, когда каждый новый период текста отмечался особым знаком, расставляемым рукою рубрикатора, так называемая тот, кто ставил эти знаки, и эта система безусловно лучше и красивее... Будем двигаться дальше и прежде чем перейти к последующему этапу наборного дела — корректуре, на несколько минут остановимся на разрядке слов на шпации и вообще на выделении слов в тексте:

«Слова, которые почему-либо нужно выделить (т.-е. обратить на них особое внимание читателя), набираются как в сплошном, так и в смешанном наборе, обыкновенно на разрядку, т.-е. каждая буква отделяется от другой шпациею, чаще всего тонкою (в один пункт), редко — двухпунктовою. Часто для выделения слов прибегают также к курсивным шрифтам или жирным (черным), а иногда к кавычкам или «лапкам». Определенных правил для выделения слов указать нельзя; все зависит от произвола или

указания заведывающего типографией, или — что случается чаще всего — от желания автора или издателя» (П. Коломнин).

«Под выделением типограф подразумевает набор слов или целых предложений шрифтом, отличающимся от текстового, с целью обратить на них внимание читателя. Выделение существовало с первых дней изобретения книгопечатания, но современем приняло другие формы, нежели раньше. Приблизительно 150 лет как в обыкновенном гладком наборе первую степень выделения служит разбивка слов на шпации, вторую — курсивный или полукурсивный шрифт, и, наконец, третьей — жирный шрифт или прописные буквы текстового шрифта. Кроме того, для выделения служат еще шрифты: древний или гротеск, египетский и др.

«Как мы уже упоминали, первую степень выделения часто служит разбивка на шпации. Само собою разумеется, что такой способ не соответствует украшению страницы, напротив: он даже нарушает стильность данного шрифта, а потому лучше всего для выделения в лучших и журнальных работах пользоваться курсивом. Если курсив, конечно, того же характера, как прямой шрифт, то против такого смещения нельзя ничего возразить.

«Если мы обратимся за примером к первым типографам и их работам, то убедимся, что они разбивку на шпации для выделения слов никогда не употребляли и не знали.

«Повторяем, что для выделения слов курсивный шрифт должен быть предпочтен разбивке на шпации, как это и принято теми нациями, которые печатают все свои книги и газеты антиква-шрифтами. Далее, по примеру этих же наций, мы могли бы, не вредя работе, для следующей

второй степени выделения употреблять капитель, как это и принято некоторыми типографиями. Капителью можно пользоваться тогда, когда автор или издатель желает иметь для выделения более выдающийся шрифт, чем курсив. Для третьей или высшей степени выделения мы могли бы употреблять прописные буквы, как это и делают наши западные соседи.

«При разбивке на шпации одна буква отделяется от другой известным и одинаковым промежутком. Для этой цели при мелких шрифтах, до кегля десять включительно, достаточно разрядить слова однопунктовой шпациею. Начиная же с кегля двенадцать и выше, целесообразнее употреблять полторапунктовые шпации.

«Сама разбивка производится различными способами. Одни наборщики уже при наборе выделяемого слова ставят после каждой буквы нужную шпацию, другие, напротив, набирают сперва слово или строку приблизительно нужной длины и только тогда вставляют шпации между буквами, захватывая при этом из отделения кассы по несколько шпаций сразу. Последняя привычка имеет то преимущество, что самая разбивка ускоряется, кроме того, она дает возможность удобно выравнивать пробелы между словами в такой строке, применяя более толстые шпации.

«Особенно при узких форматах можно рекомендовать вышеприведенный способ, чтобы избежать неравномерных промежутков между словами. Само собою разумеется, что слово или предложение всегда должно быть разбито на шпации одинаковой толщины.

«После прописных букв, имеющих уже по своему начертанию с правой стороны некоторый пробел, каковы: Г, Р, Т—шпация не ставится. Многозначные числа,

---

встречающиеся посредине разбитого набора, разбиваются также на шпации, за исключением случаев, когда две или несколько 1 (первых цифр) стоят рядом, которые уже сами собою образуют промежуток, а поэтому между двумя единицами шпации не ставятся.

«Из знаков препинания точка в разбитом на шпации наборе не отделяется от той буквы, после которой она стоит, запятая всегда отделяется шпациею.

«Нужно принять за общее правило, что слова, подчеркнутые в оригинале один раз, набираются курсивом, конечно, если автором не было предписано выделение другим способом. Курсивный шрифт, как было уже выше упомянуто, должен быть тождественным с текстовым шрифтом, как относительно рисунка, так и линии.

«Разбивка курсива на шпации недопустима, так как разделение промежутками букв в каком-нибудь слове, набранном курсивом, противоречит характеру этого шрифта, подражающему, отчасти, рукописному» (Ф. Блауэр).

«Разбивка набора производится вставлением шпаций между буквами слов, которые по оригиналу требуется выделить; во многих изданиях разбивка на шпации заменяется курсивом, что в прежнее время было общим правилом. Разбивка на шпации употребляется также при оборке рисунков; во избежание неправильных переносов, чтобы разогнать в формат оборки короткие слова или части их. Если при наборе для выделения слов применяются шпации, то при оборке рисунков разбивка слов на шпации в коротких строках избегается, а строки выключаются посредине формата.

«При разбивке на шпации сообразуются с номером и характером шрифта: чем крупнее и шире шрифт, тем

разбивка между литерами шире, начиная от одного пункта и более» (И. Богданов).

— Из этих сведений можно заключить, что, во-первых, выделение слов в издании должно быть обязательно однообразным, или на шпации, или курсивом; а, во-вторых, что курсив не должен подвергаться разбивке, при разбивке же на шпации, последние должны быть всегда одинаковы, а не какие придется, лишь бы их было много в ящиках кассы. Между тем, когда помотришь в набор, то увидишь, что в нем есть слова на тонкую шпацию, и на двойную, и на другие шпации, а иногда и одно и то же слово разбито на разные шпации, и вот это все каждый из нас обязан избегать и соблюдать возможно точнее и аккуратнее приведенные правила, а не руководствоваться соображениями, что никто не заметит разнообразия разрядки. Правила разрядки установлены не для того, чтобы их заметили или не заметили, а для красоты и однообразия. Ведь иногда и шрифт текста можно бы применить разнообразный, лишь бы он близко походил один на другой, но этого уже и сами рабочие не допускают. Хотя, что грех таить, и это бывает—вдруг в строке вляпается слово совершенно другого шрифта. Шрифт должен быть один, разрядка или выделение фраз совершенно однообразны, на это обрати свое внимание и не считай этого не важным. Вообще, я скажу, в каждом деле, а в нашем в особенности, все должно делаться по установленным правилам и только по ним, только по соблюдении этих непреложных условий работа будет выполнена как следует.

— Даже, если другие и не выполняют этих условий?

— Даже, если и не выполняют, а ты все-таки выполняй, все-таки иди своей дорогой и не порти работы своей небреж-

---

ностью. Только тот, кто привыкнет к аккуратности и, уяснив какие-нибудь навыки и правила, проводит их неукоснительно в практике, может создать себе репутацию хорошего работника и постоянно, при всяких условиях давать хорошую работу... Ну, подойдем к последнему этапу — правке корректуры, которой я, быть может, закончу беседы о работе наборщика. Это тоже один из важных периодов нашего труда, и к нему необходимо относиться с большой тщательностью, так как правка корректуры постоянно производится неправильно, с уклоном в сторону ускорения, зачастую портит самый хороший набор, превращая его в безобразный. Как-то странно, что наборщик, не стремясь к ускорению самого процесса набора, постоянно старается съэкономить время на чем-нибудь другом и больше всего на исправлении корректуры, хотя, в действительности, именно здесь и можно сократить затрачиваемое время, конечно, всегда и неизбежно в ущерб качеству набора: неравномерная разрядка ухудшается при корректуре, буквы портятся шилом, знаки уничтожаются (из точки с запятой делается запятая), пропускаются помеченные ошибки — все это для того, лишь бы поскорее исправить и сбить в верстку, надеясь, что в следующей корректуре, что нужно, будет исправлено, а таких надежд не должно быть. В следующих найдется своего дела, а то, что неправильно, обязаны исправить сразу, когда помечено, а то, что правильно, никто не имеет права портить да еще на таком основании, что так скорее правится корректура. Вот что говорится об этом:

«Если бы все книги печатались в том виде, в каком строки набора выходят из верстатки наборщика, то, пожалуй, многие отказались бы совсем от чтения, или пред-

---

почли бы старинные рукописные книги печатным. Причина тому та, что набор, вышедший непосредственно из рук наборщика, всегда более или менее полон ошибок, искажений, пропусков и прочих погрешностей, нередко совершенно изменяющих смысл текста и даже делающих его непонятным. В виду этого каждый новый набор, прежде чем поступить в печатное отделение типографии, просматривается и исправляется...

«Каждая типография отвечает за исправление всех ошибок, помеченных в последней (подписной) корректуре корректора или автора, и если указанные погрешности не исправлены, то издатель имеет право требовать, чтобы листы были перепечатаны, и никакая порядочная типография, дорожающая своею репутациею, не откажет в удовлетворении этого законного требования заказчика...

«Когда наборщику приходится «править корректуру», т. - е. исправлять в наборе указанные корректором ошибки (против оригинала, правил грамматики или правил типографского дела), то он поступает так: если нужно заменить в гранке всего три, четыре литеры новыми, то гранку можно не развязывать; в противном случае, т. - е., когда исправлений много, набор переносится на уголок и развязывается. Вдоль правой стороны гранки не лишнее ставить марзан или реглет,—это предохраняет концы строк от обсыпания. При замене одной буквы другою наборщик втыкает конец тонкого и острого шила в заплечик литеры, как раз под очком, приподняв ее немного, он переворачивает шило в руке острием кверху и, придерживая его четвертым (безымянным) пальцем и мизинцем, захватывает приподнятую букву указательным и большим пальцами той же правой руки, бросает ее в отделение кассы и, взяв необхо-

---

димую для замены букву, вставляет ее на место вынутой, а затем осаживает вниз плоским концом ручки шила. При втыкании нужно держать шило довольно круто (под углом приблизительно в сорок-пять процентов), чтобы не портить очка литер нижележащей строки. Шило должно быть непременно тонкое и острое, иначе оно с трудом входит в металл, легко из него выскакивает, при попытках приподнять плотно зажатую литеру срывается и портит очко буквы. При замене целого слова или нескольких букв следует прежде всего всунуть шило в пробел около того места, которое подлежит исправлению: литеры подаются вправо, и наборщику удобно вынуть то, что нужно. Если вынимается целое слово (в начале строки), то, держа шило в правой руке на манер пера (при писании), прихватывают им последнюю литеру справа (немного выше середины), а указательным пальцем левой руки упирают в начало строки слева и, зажав таким образом вынимаемую часть строки, приподнимают ее до половины роста литер, нажимая немного книзу. Затем, не давая литерам опускаться, с помощью пальцев и шила, выделяют те, которые подлежат замене, захватывают их, а остальные осаживают на место. После того остается вставить новые буквы или сдвинуть слоги и слова, соблюдая уже указанные правила выключки строк. Вместо части строки (что самое удобное) вынимают иногда одно слово, или несколько слогов, причем указательный или средний палец упирают в литеру слева, в пробел, а справа — шило (в последнюю литеру слова или в середину слова), предварительно отделив, конечно, осторожно, острием шила одни буквы от других. Некоторые русские типографы пробовали, при правке корректуры, заменить шило щипчиками, но принуждены были отказаться от этого.

нововведения, вследствие значительной порчи очка букв, т.-е. именно вследствие той причины, которую желали устранить, заменяя шило щипчиками; тем не менее, в Италии и в большей части Франции правка корректуры производится исключительно с помощью щипчиков.

«Исправляя корректуру, наборщик обязан выполнить в точности все сделанные корректором указания, хотя бы последние казались ему неверными и неосновательными; он должен исправлять, что ему указано, без всяких рассуждений, как машина. Если при наборе ценится наборщик, грамотный, работающий «чисто», т.-е. без пропусков, без грубых ошибок, то еще ценнее тот, который постоянно выправляет все до одной указанные ему опибки, сознавая, что иногда одна пропущенная опечатка (буквенная опибка) влечет за собою большие последствия и неприятности не только для него самого, но также для типографии, для автора, издателя. Хорошие наборщики, набирающие чисто, обыкновенно исправляют корректуру тоже хорошо. Оно и понятно почему: у хорошего наборщика в большой гранке найдется всего несколько опибок, которые ему не трудно и недолго выправить; у плохого же, в такой же гранке — десятки опибок да еще пропуски слогов, слов, а нередко и целых фраз... С плохими наборщиками, аккуратны и точно исправляющими сделанные ими промахи, можно еще иногда мириться в неспешных (книжных) работах, но с недобросовестными работниками нужно поступать строго, не оказывая им ни малейшей поблажки» (П. Коломнин).

«Первую корректуру, читанную корректором типографии, каждый сдельно работающий наборщик обязан исправлять без особой за то доплаты; такой обычай существует не только у нас повсеместно, но и за границей.

«Исправление отмеченных ошибок производится с помощью шила или пинцета (щипчики). Приступая к «правке» корректуры, наборщик переносит подлежащий правке набор с спускальной доски на наборную доску и ставит последнюю или на наборную кассу, или на корректурный стул. Корректурный стул — это остаток от тех времен, когда наборщик сам еще должен был заключать тискаемые формы: форма оставалась заключенною все время, пока все корректуры были исправлены, и тогда уже передавалась печатнику. При первой же корректуре спускальная доска с формою ставилась на корректурный стул, и последний придвигался к тому месту, где работал наборщик.

«Если ошибок немного и притом все они буквенные, т.-е. если нужно переменить только неверные буквы и эта перемена не влечет за собою ни уменьшения, ни увеличения пробелов, то корректуру можно исправить в связанном наборе. Но как только требуется переменить, вставить или выкинуть слова или части слов, то набор непременно следует взять на наборную доску и развязать. Буквы, отмеченные на корректурном оттиске как неверные, наборщик вынимает из набора при помощи шила, острие которого он слегка втыкает в плечико буквы, осторожно поднимает ее и, ухватив пальцами за головку, вынимает из набора. Вставленную на место вынутой нужную букву опускает книзу плоским концом ручки шила, но отнюдь не ударяя по букве, как это часто делают многие наборщики. Чтобы вынуть из набора целое слово или несколько слов, наборщик вытаскивает шилом наполовину первую букву этого слова; к приподнятой букве прижимает указательный палец левой руки, а правую рукою при помощи шила упирает последнюю букву этого слова и вы-

---

нимает его целиком. Шпации и пробелы, вставляемые при корректуре, опускаются сейчас же шилом. При правке корректуры некоторые наборщики пользуются вместо шила пинцетом, особенно при вынимании линеек и украшений.

«Но ни шилом, ни пинцетом нельзя исправить в связанном наборе отмеченных ошибок, находящихся в начале или конце строк. Большие перемены лучше и скорее исправлять, взяв соответствующие строки в верстатку, если ирритом придется строки переключить, т.-е. переставить слова из одной строки в другую, то это можно проделать только в верстатке. Если такой переключки подвергнуты несколько строк под ряд, то их вынимают из набора и ставят на борт наборной кассы по порядку, а отсюда берут по одной в верстатку, вставляя нужное или выкидывая ненужное и выключая правильно каждую строку. Только таким образом при большой корректуре возможно точное исправление отмеченных ошибок, не согрешая против наборных правил, так как корректура не должна влиять на равномерность пробелов между словами в наборе, в котором, по исправлении корректуры, не должно быть заметно произведенных перемен.

«Наборщику следует раз навсегда принять за правило не бросать вышедшие из корректуры буквы и материал где-нибудь на доске или подоконнике, но все должно быть размещено по своим местам, исключая испорченных букв, которые бросаются в гарт» (Ф. Бауэр).

«Набор, в котором правится корректура, должен быть развязан, чтобы легче вынимать из него литеры, назначенные в корректуре к замене другими или совсем к изъятию их из набора. Строки, в которых сделаны изменения, должны быть снова выключены, с соблюдением в них пра-

---

вильной разрядки и выверены, т. - е. приведены в свой формат пункт в пункт. Указанные в корректуре исправления следует исправлять по порядку их следования в тексте, одно за другим, во избежание пропусков» (И. Богданов).

— Как видишь, все эти авторы требуют самого осторожного обращения с набором при его исправлении, а где оно в наборных? Разве не слышишь молодецкые удары ручкой шила по набору? Разве квадратные ящики не наполняются испорченными буквами при втыкании шила? Разве разбивка не портится во время правки какой бы то ни было корректуры, когда вместо вынутой запятой в это же место вставляется равная ей шпация, что иногда увеличивает пробел почти в два раза, и, наоборот, вставляя помеченную запятую, тут, в одном пробеле, сокращают все требующееся для нее место и все это для ускорения. А сколько приходится видеть, как наборщик изошряется вытащить и заменить неправильную букву не только в конце или начале строки, в середине гранки, а на углу ее, под самым шнурком. Это, конечно, удается, но после долгих и совершенно непроизводительных затрат времени, а иногда и после поломки нескольких букв, и так всегда и везде незнание правил ведет не к ускорению, а к непроизводительной затрате времени, и никто не замечает этого, уверенный, что так скорее, хотя и хуже.

— А вы знаете, Дмитрий Андреевич, здесь не всегда виноват наборщик. Посудите сами, если я правлю корректуру и подам записку о затраченном времени, то с меня редко-редко не смажут хотя бы немного, это, конечно, когда правится вторая корректура. Так вот такая смарка и заставляет спешить с правкой, и не будь смарки, не было бы и такой спешки.

— Ты думаешь? Напрасно, дорогой мой. Это скорее всего не твое личное убеждение, а навязанное слышанными жалобами от товарищей. Но попробуй приглядеться, увидишь совершенно другое. Хороший наборщик, работающий аккуратно и быстро, так же работает и над правкой корректуры, и даже при применении различных неправильностей, он все-таки правит все ошибки до одной, и правит скоро, а плохой, которых, к слову сказать, большинство, не только долго, но и скверно. Это медленное исправление вытекает у него непосредственно из дурных привычек, мешающих быстрой работе; и вот у такого всегда бывают смарки, да они и должны быть, они вызываются простой справедливостью. Странно бы было, что за исправление листа одинаковой корректуры хорошему наборщику заплатили, ну, хотя бы три часа, — согласно потраченному времени, а плохому пять часов, получилось бы неслепое положение, а оно и наблюдается в жизни, и чем рабочий медленнее и неряшливее работает, тем издателю дороже обходится издание, и он совершенно зря выбрасывает деньги. Вот именно из этого и вылилось большинство смарок, которые имеют тяготение к тому, чтобы сумма денег, уплачиваемая рабочему за правку, была приблизительно равна, какой бы ни был на правке наборщик, скорый или тихий, и когда вникнешь в дело, то увидишь, что недоразумение выходит именно с плохими, а не с хорошими, и они-то и считают себя обиженными. В действительности же, работая на строках, такой ухитряется в девять часов выработать около 1 — 1 руб. 50 коп., а на корректуре в два или по крайней мере в полтора раза больше, так разве это справедливо?

— Да это, конечно, так. Но тогда надо применить какой-нибудь другой более справедливый способ оценки корректуры, который бы уничтожил кажущуюся несправедливость?

— И такой способ предлагался неоднократно одним из техников и знатоков наборного дела В. Дрессеном, но он не встретил сочувствия, главным образом, среди массы, почувствовавшей в ней основу для искоренения приписок и установления контроля над произведенной работой. Способ этот отменял почасовую плату, а вводил оплату каждого исправления, т.-е. то же самое, что при наборе. Набрал много, и получишь много, набрал мало, и получишь мало, и, кроме этого, как над набором существует контроль, в виде чтения первой корректуры, так и тут был контроль, в виде обязательной сверки и подсчета помеченных и произведенных исправлений. Вот что, между прочим, говорил В. Дрессен:

«Настало время серьезно поговорить об установлении нормальных и добрых отношений между наборщиками и заведывающими, или, в редких случаях, содержателями типографий, при оценке ими труда за исправленные авторские корректуры; а также устранении частых недоразумений, происходящих между заведывающими и заказчиками при расчете за помеченное число корректурных часов в счетах. Подобные явления нельзя считать нормальными, а потому я решился предложить способ восстановить доброе отношение между работодателем и работником, основанное на точном расчете за каждую потраченную минуту при исправлении корректуры.

«Кроме восстановления правильного отношения, этот способ увеличит заработок хорошего, опытного наборщика,

---

так как он основан на плате за известное количество исправленных ошибок, а не на числе потраченных на исправление рабочих часов. По ныне существующему порядку, всегда было выгоднее передавать исправление корректуры опытному наборщику, так как она обходилась дешевле, посредственный же наборщик, хотя и при добросовестной работе, употреблял на ту же корректуру почти двойное количество часов, которые, благодаря часовой системе, так же оплачивались, а впоследствии, при уплате денег за эти корректуры, заказчик страдает от этого.

«Мое предложение не есть праздная фантазия, оно проверено в течение более десяти лет на практике и часто поражало наборщиков своею точностью определения времени, потраченного им на исправление корректуры.

«Точно определилось, что опытный наборщик свободно может исправить восемьдесят буквенных ошибок в час, на этом я и построил свои расчеты. Все буквенные исправления, а также вставки и выкидки отдельных букв или слов и знаков препинания считаются за одну ошибку, но если вставка или выкидка вызывает необходимость переборки, то за каждую перебранную строку считается три ошибки. Например, в корректурном листе пятьдесят разнородных ошибок, и, кроме того, пришлось перебрать в разных местах тридцать строк, то получится, 50 ошибок плюс 30 переборок умножить на три = 90 ошибкам, а всего 140 исправлений: по 24 коп. за 80 исправлений = 42 коп. При этом расчете будут получаться дробь, что и послужит лучшим доказательством точно произведенной расценки. Можно надеяться, что наборы не будут искажаться безобразными разбивками от вставок и выкидок в корректуре, так как все переборки оплачи-

ваются наборщику, и нет никакого основания к небрежной работе».

— Как хорошо, — невольно прервал я его, — ведь действительно это уничтожит смарки и жалобы. Отчего же никто не знает об этом и не применяет такого способа?

— А кого это интересует? В свое время способ этот вызвал массу откликов в специальной литературе, в особенности на страницах журнала «Наборщик». Три раза автор выступал с докладом, говорили, обсуждали, писали, и, что самое интересное, никто не возражал против идеи, и расхождение было только в частностях. Находили большое количество для одного часа. Так поговорили, поспорили, пописали, почитали и попрежнему продолжают одни смарывать, другие плакать. Вот в таком отношении к самым жизненным вопросам и заключается ужас окружающей нас среды — от владельца до самого маленького рабочего. Все недовольны, а никто не решается хотя бы попробовать применить предлагаемое. Здесь повторяется то же самое, на что я указывал, читая о наборе, где тоже все видят недостатки, могут получить подробные сведения в учебниках, и никто не интересуется этими учебниками, никогда их не читали и считают все написанное в них ничего не стоящей ерундой, а между тем недельный опыт даст красноречивое доказательство справедливости каждого указания и примера, приведенных на их страницах. У всех какая-то непонятная ненависть к книге, какое-то упорное и, я бы сказал, злостное непонимание своих собственных выгод. Теперь будем считать законченным разговор о наборщике, отдохнем недельку и потом пойдем дальше. Не забывай читать и усваивать законы техники и упорно применяй их в типографии...

Наслушавшись в короткое время новостей, которых мне не приходилось слышать в течение четырехлетнего ученичества, действительно, требовался хотя и небольшой, но перерыв, чтобы разобраться в них, прочесть книги, повторить сказанное и возможно скорее все, все привести в исполнение.

Практика с новыми познаниями давалась мне, и я продолжал сознавать, что пройдет немного дней, мне уже не придется заглядывать в учебники, за разрешением повседневных вопросов, что в течение этого времени вполне удастся покончить с возникающими недоумениями.

Долго тянулась эта неделя, и в течение ее мне несколько раз пришлось прибегнуть к помощи Иволгина, чтобы не спутаться с избранного пути. Каждый раз, когда на меня обрушивались насмешки товарищей, раздавался его голос, ободряющий и вносящий успокоение в мою душу, но не менее успокоительно он действовал и на других; сначала они все поднимались против моего учителя, но постепенно смолкали, так как ничего не могли, кроме ругани, привести против его спокойных и подкрепленных фактами указаний на громадное значение технической выучки и необходимости знания и применения элементарных правил при работе.

Но и помимо этого, неделя не прошла даром, так как время от времени, чтобы показать полное невнимание окружающих к печатному делу, Иволгин задавал наборной вопросы, на которые отвечать приходилось ему же самому.

— Вот вы десятками лет стоите у кассы, а кто знает, сколько в вашей кассе ящиков?

И сам через минуту отвечал:

— Всего сто десять.

— Когда напечатана первая книга подвижными буквами и где?

— А нам это безразлично, — отвечал один из стариков.

— В жизни многое может быть безразличным, а все-таки вы запоминаете, а это необходимо знать, я вам скажу: Иоганном Гутенбергом в 1440 году, в городе Майнце, и книга эта «Латинская грамматика Элия Доната».

— Когда началось книгопечатание в России?

— При Грозном—это и маленькие ребята знают.

— Да, но когда, в котором году? Не знаете. В 1563 году 18 апреля, а 1 марта 1564 года уже вышел «Апостол», набранный и напечатанный дьяконом Иваном Федоровым.

— Пускай. Может быть и в 1564 году, не все ли равно тебе?

— Когда умер этот первопечатник, имя которого должно быть дорого и священо для каждого, кто кормится и работает в печатном деле? Тоже не знаете — в 1583 году во Львове.

— И знать не нужно. Не много потеряли. Расскажи еще что-нибудь, только повеселее.

— Скифы вы, братцы, вот, что я вам скажу.

— А ты не очень-то расходишь, полегче, пока не влетело.

— Вот это вы можете, на это вас хватит, знаю и верю, только не одобряю, хотя помните кто-то сказал: «у русского народа кулак вместилище ума», и вы хотите дать иллюстрации этих крылатых слов.

— Правда, товарищи, зачем вы сердитесь и ругаетесь, разве можно так поступать только потому, что человек больше знает? — несмело вмешался мой голос.

— И ты туда же. Молод еще, поживешь с наше, не так запоешь. Видали и не таких.

И так почти изо дня в день. Но как бы то ни было, Иволгин продолжал свои вопросы и ответы, и в конце-концов все смолкали: не то им надоело спорить, не то они молчаливо признавали его превосходство и поэтому затихали до следующей вспышки или вызова с его стороны.

Здесь-то я узнал, как отливается в словолитне буква и сколько рук она проходит прежде, чем попасть в кассу наборщика. Познакомился с названиями различных шрифтов; так, например, узнал, что шрифты Эльзвир и Этьен получили свое прозвище от фамилий типографов, создавших их рисунок и применивших их в своих типографиях, первый от Людвигу Эльзвира, бывшего сначала переплетчиком у не менее известного Плантена в 1565—1588 г., а второй от Роберта Этьена, родоначальника целой фамилии типографов в шестнадцатом и семнадцатом веках. Стали понятны мне и наименования кеглей шрифтов, от самого маленького до большого, и все это было так интересно и занятно, что меня еще больше влекло к учителю и его книгам, я уже ясно понимал, что именно в них он находил и почерпал драгоценные сведения, что казавшиеся до сих пор как бы мертвыми книги служили источником, из которого можно долго, всю жизнь черпать знания, что эти печатные стравицы, зажатые в папочные переплеты, могут просвещать и открывать перед человеком такие тайники и проливать такой яркий свет на окружающее и прошлое, что не хватает сил для выражения благодарности создателям их. В моих глазах Иволгин начал представляться каким-то особым существом, человеком не от мира

сего, обладающим способностью знать все и видеть давно скрывшееся. Да не удивятся читатели на такую характеристику, она не преувеличена, а скорее не достаточно точна, иначе и быть не могло, если припомнить, что я попал в типографию из третьего класса уездного училища, провел четыре года в наборной около хорошего человека, но не обладающего любовью к делу и к поручаемым ему детям, его ткнули в руководители, и он руководил нами как мог и объяснял так, как это было ему доступно, как учили его; он, лишенный дара любви к делу, конечно, не мог зажечь таковой и в наших душах. Незнакомый совершенно с технической литературой, он иногда становился втупик, когда его спрашивали: «Как сделать то-то и то-то» и почему именно так. Таких подавляющее большинство, и вот этот Иволгин и отличался своей какой-то болезненной, как мне казалось, любовью к книгам, обладая памятью и огромным знакомством с малейшими изданиями по печатному делу, поэтому-то он и казался каким-то особенным явлением. Позднее мне приходилось задавать ему вопросы, «почему он не возьмет на себя обучение мальчиков», и он, не задумываясь, отвечал, что не находит в себе достаточно познаний и опытности в таком трудном деле, и все мои слова о плохих учителях всегда разбивались о его доводы, что это грех на душах тех, кто сам, не зная ничего, берется учить других, и что поступить так ему совестно. Уж слишком щепетилен и осторожен он был в этом отношении. А когда я указывал ему, что учит же он меня, да и других, то он возражал, что это не учение, а просто товарищеские беседы, которые волен вести с ним или не вести, и что во всяком случае он не несет ответственности за последствия таких бесед, тогда

как с учениками другое дело: там ему вверяется, с одной стороны, предприятием, а с другой — родителями будущее малышей, и вот перед страхом не выполнить ожиданий он отступал, а, откровенно говоря, лучшего учителя вряд ли можно было найти, по крайней мере, у меня, в моей довольно продолжительной работе, другого такого не встречалось, да, вероятно, и другим не попадалось таких, ибо такие — исключение в нашей серенькой и трудовой жизни. Я считаю, что Иволгин делал преступление, не отдавшись преподаванию, так как, помимо знаний, которые он, несомненно, вложил бы в мальчика, он зажег бы в его чистой душе любовь к книге, и этого было бы довольно для оправдания учительства. Но как бы то ни было, Иволгин не был никогда учителем малышей, до самого конца своей работы он не нашел в себе силы взяться за развитие молодежи. Таким он был, когда судьба столкнула его со мною, таким оставался и потом, когда мне приходилось с ним сталкиваться и заводить разговоры на эту интересовавшую меня тему, и когда я обратился к нему со словами:

— Дмитрий Андреевич, как-то вскользь вы упомянули о Гутенберге и Федорове. Расскажите, голубчик, немного подробнее.

Я услышал согласие и увидел блеснувшую радость в его глазах.

— Хорошо, хотя это не так легко. Но что удерживается в моей памяти, расскажу. Личность Иоганна Гутенберга, получившего имя изобретателя книгопечатания, имеет мировое значение, хотя книгопечатание существовало задолго до него, и имя его настоящего создателя затерялось в глубине веков. Если не принимать во внимание печатания цветных рисунков на материях, практиковавшееся

в Италии в XII веке, или применение такого же способа к подкладкам на церковных облачениях в XIII веке, то гравюра «Святого Христофора», имеющая неоспоримую дату «1423», служит подтверждением, что способ печатания был в это время известен и, несомненно, производился с помощью пресса. Правда, печатание гравюр не есть еще печатание книг, но и последнее имеет представителей гораздо раньше Гутенберга, и их насчитывается до 30, получивших название «Ксилографических сочинений» (т. - е. резаных на дереве), и среди них наиболее крупные: «Грамматика Доната», «Книга о небесном откровении Св. Иоанна», «Библия бедных», «Зеркало блаженства» и др., более мелкие; это были уже настоящие книги, напечатанные с досок, на которых целиком вырезались страницы рисунков и текста. Значит, книгопечатание существовало до Гутенберга, и за ним как будто остается честь изобретения подвижных или отдельно изготовленных букв, которые можно употреблять не один раз, для одной определенной страницы, а множество раз, разбирая и снова набирая страницы и книги. Но и это изобретение не является такой новинкой, которую пришлось ему изобретать, так как во II веке до Р. Х. Марк Тулий Цицерон, опровергая систему философа Эпикура, доказывавшего, что мир образовался от случайного соединения атомов, говорит: «Кто считает это возможным, почему не поверит так же и тому, что множество брошенных на землю букв, представляющих 21 знак алфавита и изготовленных из золота или какого-либо другого вещества, могут сами собой при падении расположиться в таком порядке, что образуют легко читаемые летописи Эниды» — ведь это же и есть подвижные буквы, которые применил через много веков Гутенберг.

Кроме того, в Упсале (недалеко от Стокгольма) хранится Евангелие Ульфилы (первый епископ готы), отпечатанное на пурпуровом пергаменте серебряными и золотыми буквами и поэтому прозванное «серебряным кодексом», не вызывавшее сомнения, что оно напечатано не отдельными буквами, хотя и заставляет предполагать, что это сделано способом переплетчиков, при котором каждая буква отдельно наносится на страницу тиснением, а ведь это было в VI веке. Такие данные и документы указывают, что и подвижные буквы не изобретены, а только более широко применены Гутенбергом в печатном деле и, конечно, усовершенствованы,— в этом и заключается настоящая заслуга Гутенберга. Только существованием уже печатания и можно объяснить, что у изобретателя имеются конкуренты— в Голландии— Костер, в Англии— Кекстон, в Италии— Кастальди, которым на родине существуют памятники и праздновались юбилеи. Иоганн Гутенберг первый более широко применил отдельные буквы с очком, обращенным в обратную сторону, составлял из букв слова и целые страницы и получал оттиски на построенном станке; он развил самый легкий, удобный, скорый и дешевый способ, как составлять, даже с наличностью небольшого количества отдельных букв, какой угодно текст и получать с него на печатном станке оттиски в неограниченном числе экземпляров; и вот в этом заслуга его перед человечеством, так как только со времени Гутенберга книга вышла из темных монашеских келий на свет Божий, начала размножаться и насаждать знания. Иоганн Гутенберг родился в Майнце, и год его рождения не зафиксирован, и существуют три вариации 1396 г., 1398 г. и 1400 г. Где провел он юность— неизвестно. Об отце сведений не сохранилось, кроме

одного, что в 1430 году его не было в живых. Мать, рожденная Гутенберг, не желая дать исчезнуть своему роду, прекращавшемуся с нею, и дала своему младшему сыну, Иоганну, фамилию Гутенберг, с которой он и известен как изобретатель книгопечатания, а по отцу его фамилия Гейнсфлейш. В 1420 году имя Гутенберга впервые упоминается: он был в числе изгнанников из Майнца, как последствие борьбы между аристократией и ремесленниками, и, одержав победу, последние заставили представителей аристократии, в том числе и Гутенберга, выехать из города, и вот он в Страсбурге, где протекли первые годы молодости; здесь он узнал бедность и лишения, и житейская школа благотворно повлияла на его характер и вызвала самодеятельность, приведшую к изобретению. Чтобы получить средства к существованию, Гутенберг взялся за ремесло ювелира и, вступив в компанию с другими ювелирами, задумал создать новый способ шлифовки камней, работал над ним, постепенно дойдя до изобретения подвижных букв. В 1435 году он уже занимался каким-то тайным искусством, и, по свидетельству некоторых документов, к нему явился Андрей Дризен, с которым Гутенберг заключает о чем-то договор, но что это было за искусство — неизвестно. Можно только сказать, что у него в связи с изготовлением зеркал, было тиснение металлических рам, для чего имелся особый станок, быть может прототип печатного станка. Несомненно, что идея книгопечатания родилась у Гутенберга в Страсбурге и, как предполагается, — в 1440 году. Видя неудобство печатания с целых досок, он стал разрезать их на несколько частей, а затем дошел и до вырезывания изображений отдельных букв на деревянных столбиках, которые можно было соеди-

---

нять в одно целое. Изготовив буквы и переставляя по своему усмотрению, получал отдельные слова, а из слов составлял фразы, из последних — страницы книги, затем разбирал и составлял новые страницы. Что может быть проще этого способа? Но человечество в течение столетий не могло придумать его. Когда появилось изобретение подвижных букв, неизвестно. Никто не знает, когда, сделав небольшие столбики, по числу букв в азбуке, он на конце каждого вырезал выпуклую букву, поставил их рядом, буквами вверх, связал ниткой, намазал краской и, наложив на них лист бумаги, получил оттиск первой составной печатной азбуки. День, когда это произошло, должен бы быть особенно светлым и ясным, но мы знаем только год, и поэтому запомним хотя его, это — 1440 год, представляющий торжество человеческой мысли. Великое изобретение требовало для своего осуществления еще другой ценности — денег. Изготовленные деревянные буквы были непрочны, ломались, давали плохие и грубые оттиски, а иногда рвали бумагу. Надо было отыскать другой, более подходящий материал, необходимо было продолжить производство опытов и затратить на это дело может быть дни, а может быть годы, и Гутенберг обращается к богатым людям с просьбою вступить с ним в компанию. Его встречает недоверие, насмешки, прозвание мечтателем, ему не верили люди даже тогда, когда он счастливо разрешил мысль о печатании подвижными буквами; и, не найдя поддержки, он переселился в Майнц. Жизнь в родном Майнце с 1445 по 1450 год не оставила следов, — предполагают, что эти годы прошли в различных опытах, и только, убедившись в их успешности, он решился опять приняться за осуществление своей идеи.

Первый, откликнувшийся на призыв, был майнцский гражданин Иоганн Фуст, человек со средствами, которые помещал в различные предприятия; с ним 2-го августа 1450 года и заключил договор Гутенберг, получив от И. Фуста 800 гульденов, при условии, что если между ними произойдет несогласие, то Гутенберг обязан возвратить упомянутую сумму. Кроме 800 гульденов, Фуст обязался давать по 300 гульденов ежегодно на оплату квартиры, рабочих, на приобретение пергамента, бумаги и других необходимых потребностей. Из этого видно, что смета первой типографии была скромная, причем не следует еще забывать, что у Гутенберга был уже готовый запас подвижных букв. Сохранившиеся данные, об условии между Гутенбергом и Фустом доказывают, что идея, орудия производства и труда принадлежали Гутенбергу, а капитал Фусту, и о каком бы то ни было участии последнего в изобретении со стороны Фуста не упоминалось ни одним словом; будь это иначе, такой человек, как Фуст, не пропустил бы в договоре таких важных данных. В маленьком, скромном домике, до сих пор еще сохранившемся в Майнце, открыл Гутенберг первую типографию. К сожалению, дом этот, эта колыбель книгопечатания, не сохранился вполне — он был перестроен в XVII веке, но с тех пор неизменно стоит, составляя достопримечательность Майнца. Совсем недавно, в 1856 году, при расчистке одного из погребов, землекопы нашли четырехугольный кусок дерева, длиною в четыре фута и около $\frac{1}{2}$ фута ширины, с просверленным посреди винтовым отверстием: на нем сохранилась следующая надпись: I. — MCDXLI. G. Очевидно, начало и конец — это инициалы Гутенберга, а в середине — 1441 год — время устройства печатного станка изобретателем. Вместе

с этим куском нашлись и другие, и из них удалось получить целый печатный станок — реликвию книгопечатания. Первое произведение, вышедшее из-под станка Гутенберга, — латинская грамматика Элия Доната, два первых листа которой хранятся в Национальной Библиотеке Парижа. Доказательством же, что это издание напечатано подвижными буквами, служит перевернутое *i* во второй строке и *n* (*u*) в 4 строке. Это издание было избрано Гутенбергом для выпуска в свет новым способом, потому что грамматика Доната имела большой сбыт во всех школах. В том же году и с той же практической целью он принялся за печатание индульгенций. Как известно, в 1453 году папа Николай V объявил отпущение грехов всем, кто пожертвует деньги на войну с турками. Сначала дело шло тихо, но как только великий инквизитор Иоанн Капистран принял за проповедь крестового похода, торговля квитанциями пошла ходко, и к изготовлению их как нельзя более кстати приспособили Гутенбергское изобретение, так как Гутенберг, имея в виду, что упомянутых грамот понадобится много, предложил напечатать их в своей типографии. Работа была простая, легкая, и по сохранившимся экземплярам видно, что они отпечатаны разных форматов и разными шрифтами. Очевидно, изобретатель смотрел на эту работу, как на пробу и на подготовку к более крупному делу. До настоящего времени удалось найти 23 подобных образца, относящихся ко времени с 25 ноября 1454 г. по 30 апреля 1455 года. Капитальным трудом Гутенберга была Библия, заключающая в себе 1762 страницы по два столбца, называемая 36-строчной или Шельхорнской (последнее название присвоено ей от имени человека, долго и энергично отстаивавшего ее подлинность). Сле-

---

дующим трудом — тоже Библия, так называемая 42-строчная или Мазаринская (по имени кардинала Мазарини, в библиотеке которого она была найдена). Обе Библии соперничают до сих пор между собою за первенство, и соперничество это безрезультатно. Год печатания 36-строчной Библии не удалось открыть, но установлено одно, что в 1460 году листы ее употреблялись в качестве макулатуры; она переплетена в два, а иногда в три тома, и для инициалов и вообще заглавных букв в ней оставлены пустые места, чтобы от руки можно было нарисовать эти буквы. В Национальной Библиотеке Парижа, на экземпляре поставлено одним из исследователей ее 1461 год, но это не может служить неоспоримым доказательством ее появления. Первые листы служат доказательством плохой техники печатания, натиск очень силен, приводка не верна, но следующие листы значительно удачнее, что показывает, как быстро улучшал Гутенберг свое изобретение. Библии этой сохранилось девять, отчасти неполных, экземпляров. В России нет ни одного. Все новейшие исследователи единогласно утверждают, что именно эта 36-строчная Библия является первым большим трудом Гутенберга. Вторая — представляет собою книгу в два тома: в первом — 324 листа, а во втором — 317 листов, всего 641 лист = 1282 страниц по два столбца. Заглавные буквы и нумерация страниц отсутствуют в печатном виде и исполнены от руки, на пергаментных экземплярах, которых имеется шесть, — краской с золотом, а на бумажных, которых девять — красные и синие. Есть предположение, что книга напечатана в 100 экземплярах. В России есть один экземпляр на бумаге. В Майнце, на родине изобретателя, нет ни одного экземпляра. Во всяком случае, которая бы из этих

книг ни являлась первой, обе они представляют древнейшие памятники печатного искусства, созданные рукою изобретателя книгопечатания, и обе, одинаково, должны быть признаны реликвиями культурного мира. Во время печатания Библии Гутенберг приобрел помощника в лице Петра Шеффера, человека способного, обладавшего художественным талантом и специально научившегося в Париже раскрашиванию и разрисовыванию заглавных букв. Шеффер улучшил шрифт, сделал его по своим рисункам более тонким и изящным, усовершенствовал способ отливки и сплава букв, представлявший соединение сурьмы и свинца. Практичный Фуст сразу оценил Шеффера и, желая крепче прикрепить его, выдал за него свою дочь замуж. Следует остановиться на эпизоде из жизни Гутенберга, хотя бы потому, что он через сто лет повторился с нашим первопечатником Иваном Федоровым.

Выше говорилось о договоре, заключенном Гутенбергом с Фустом, соединившемся для эксплуатации нового изобретения. Но потому ли, что расходы по эксплуатации были велики, потому ли, что Гутенберг не обладал талантом для успешного ведения дела, новое дело, несмотря на громадные технические успехи, не оправдало ожиданий в смысле финансовом. Фуст подал в суд на Гутенберга и требовал возвращения вложенного в предприятие капитала, в сумме 1.800 гульденов и процентов на него и 10% на проценты за время пользования капиталом, всего 2.026 гульденов. Предполагают, что Фуст нарочно затеял ссору, чтобы избавиться от Гутенберга, бывшего в денежном отношении совершенно в его руках, тем более, что он надеялся с помощью Шеффера устроить вполне самостоятельно типографию и извлекать из изобретения Гутен-

---

берга пользу только себе. Суд присудил уплату этой суммы, и договор был нарушен. Литеры 42-строчной Библии достались Фусту, а 36-строчной — Гутенбергу, лишнее доказательство, что литеры этой Библии были дороги Гутенбергу, и он отвоевал их себе. Лишив Гутенберга почти всего, что он приобрел после стольких трудов и лишений, Фуст и Шеффер рассчитывали совершенно вычеркнуть имя Гутенберга из истории и всецело приписать великую заслугу себе. В этом им много способствовала необъяснимая скромность изобретателя, избегавшего ставить свое имя на своих изданиях. Можно предположить, что он делал это из боязни пред кредиторами, которые могли конфисковать книги, или из опасения вызвать нарекания со стороны своих аристократических родственников, недовольных тем, что он занимается ремеслом, да еще неприбыльным. Но Гутенберг, несмотря на удар судьбы, достал денег на продолжение дела и в 1460 году выполнил последнее крупное издание «Каталикон» (словарь с грамматикой Ивана Бальбуса). Книга содержит 373 листа = 746 страницам, по 66 строк в два столбца, без колонцифр и сигнатур, а также и без инициалов. В конце словаря на букву I на 189 листке напечатано «продолжение на другом листе» и оборот этого листа оставлен чистым, чтобы можно было словарь переплести в два тома. Это издание имеет особенное значение потому, что в конце его Гутенберг, в первый и единственный раз, обращается к читателю, не называя себя, со словами о своем изобретении. Вот эти заключительные слова, и Иволгин, достав книжку, прочитал: «При помощи Всевышнего, мановением Которого ребенок начинает говорить и Который открывает младенцам то, что остается сокрытым для мудрецов, эта превосходная

книга «Каталикон», в 1460 году, вочеловечения Господа, в благословенном Майнце, городе знаменитого немецкого народа, который по Божьей милости из всех племен земли удостоился быть предпочтенным и отличенным дарованием высокого умственного света и свободным милостивым подарком, напечатана и окончена без помощи тростника, палочки или пера, но посредством согласования и соразмерности патронов и форм. Потому Ты, Святой Отец, Сын, и Святой Дух, и единая церковь да прославляйся в этой книге «Каталикон» и да не будет забыто прославление также Марии. Благодарение Богу».

— Издание это найдено в 25 экземплярах. Вот и все печатные произведения, изготовление которых приписывается Гутенбергу. Были предположения об участии его в печатании больших или малых произведений типографского искусства, как, напр., календаря 1457 года (шрифт 36-строчной Библии), часть которого имеется в Парижской Национальной Библиотеке, открытого недавно 18-строчного «Missa la speciale» в 176 листов—352 страницам, и, наконец, в 1901 г. «Служебника» в библиотеке Р. Голике; последняя книга эта, после тщательного исследования ее Э. Гартге, признана произведением Гутенберга. Но все эти издания только приписываются изобретателю, на основании более или менее заслуживающих доверия предположений. В 1462 году Майнц был полуразрушен, и хотя типография Гутенберга уцелела, но самому ему пришлось выселиться, и он перебрался в Альтвилль; здесь он свою типографию отдал в аренду родственникам Генриху и Николаю Бехтермюнце. Умер Гутенберг 24 ноября 1467 года или 24 февраля 1468 года, точно неизвестно, и был похоронен, по всей вероятности, в доминиканской церкви в Майнце.

но она сгорела в 1793 году, во время осады Майнца французами. Интересен факт, что первое предложение поставить памятник изобретателю книгопечатания сделано было французским префектом Жамбон-Сен-Андре в 1804 году, т. -е. через 250 лет после смерти Гутенберга. По мысли Наполеона I, в создании этого памятника должна была принять участие вся Европа. Граждане Майнца вспомнили о своем соотечественнике в 1821 году, когда голландцы в Гаарлеме затеяли празднование 400-летия изобретения книгопечатания, честь которого они приписывали себе. Открытие памятника в Майнце состоялось 17 августа 1837 года, а затем в Страсбурге в 1840 году и, наконец, во Франкфурте на Майне. Вот краткая история Гутенберга, а подробности найдешь в книгах, а о Федорове после.

Прошла неделя моей практики, и я снова был у Иволгина, где после самых коротких разговоров о перерыве беседований, он достал книги и прежде, чем открыть их, заявил:

— Ну, теперь от работы наборщика перейдем к верстке, или работе метранпажа, которая требует помимо знания наборного дела, еще особых навыков, знаний и, пожалуй, большой смекалки. Здесь нельзя относиться как-нибудь, а требуется исключительно серьезное и вдумчивое отношение к каждому поручаемому изданию, так как именно от работы и знаний метранпажа зависит тот вид книги, и даже каждой ее страницы, какой сумеет придать ей метранпаж, в его руках судьба русского печатного дела, и уже по одному этому нельзя каждому, случайно попавшему под руку, поручать такое сложное и ответственное дело, как верстка и руководство изданиями, хотя бы по мнению многих и самыми простыми. Здесь я должен повториться и еще раз и настоятельно заявить, что к каждому

изданию, попавшему в руки метранпажа, он должен относиться с любовью, каждое он должен стараться выпустить возможно тщательнее, и только при соблюдении этого условия может считать себя достойным руководить набором издания и группой более многочисленных порученных ему наборщиков. П. Коломнин, между прочим, так определяет метранпажа: «То лицо, которое верстает полосы, называется метранпажем (от французского выражения «metteur en page» — составитель страниц). Так как верстка полос представляет собою самую сложную и самую трудную из всех типографских работ, то, понятно, она должна поручаться только таким лицам, которые вполне знакомы со всеми тонкостями типографского дела. Метранпажу на каждом шагу встречаются затруднения, которые он должен разрешать самостоятельно, не прибегая к указаниям заведывающего типографией... Метранпаж должен уметь «найтись» всегда и во всех затруднениях... Метранпаж должен быть обязательно человеком со вкусом. Большая ошибка предполагать, что все типографские работы исполняются по известным правилам, по шаблону и не требуют никаких «особенно хитрых» соображений... Помимо вкуса и основательного знания дела, метранпаж должен быть непременно человеком хорошо знающим русскую грамоту и воспитанным, т. е. вежливым, обходительным, терпеливым, предупредительным, внимательным, уступчивым и снисходительным... Со времени получения оригинала в свои руки метранпаж делается почти полным хозяином издания... У хорошего метранпажа наборщики всегда исполнительны и правят корректуру превосходно... Метранпаж должен помнить и поступать при верстке полос крайне обдуманно и осторожно... Все правила набора текста, колонцифр,

---

колонититулов, примечаний, выносок и прочее, вообще все должно быть отлично известно метранпажу... Метранпаж должен быть знаком со всеми тонкостями типографского искусства, так как при верстке книг приходится применять знание не одной только какой-нибудь части, но всех деталей, всех правил и особенностей наборного дела... Из того наборщика, которому совершенно безразлично, какие бы шрифты ни поставить и как бы ни поставить, никогда метранпажа не выйдет». Видишь, как твердо стоит этот автор за то, что поручать верстку можно только знающему работнику, и, когда это будет именно так, дело переместится к лучшему, так как все в метранпаже, все через метранпажа и все от того же метранпажа. К глубокому сожалению, сами метранпажи очень далеки от усвоения приведенного здесь и ограничиваются чисто автоматическим отмериванием полос при верстке и раздачей оригинала наборщикам, очень немногие из них знают, какие тяжелые обязанности возлагает на них их звание и какие строгие требования предъявляются к тому, кто сделался метранпажем, от непонимания которым самых основных правил возникает невероятное количество испорченных изданий, не выдерживающих даже легкой, поверхностной и снисходительной критики. Конечно, я не могу дать тебе исчерпывающих правил и наставлений, ты их найдешь в руководствах и современной технической литературе, многое почерпнешь при обзоре различных попадающих тебе в глаза изданий русских и иностранных, перелистывая которые и приглядываясь к их выполнению, всегда найдешь, что позаимствовать или применить в своей повседневной работе, только не брезгуй просматривать попадающиеся тебе издания, не бойся потратить время на такой просмотр,

---

из него всегда и неизменно извлечешь полезные сведения и быстро усвоишь то, что никогда не пришло бы в голову. Помни «век живи—век учись» или «кто остановился на месте, тот уже отстал». Я скажу тебе только самое простое и элементарное и то только для того, чтобы эти правила, когда ты их будешь читать в книгах, резче и скорее закрепились в твоей памяти и хорошо усвоились к тому времени, когда тебе придется встать на место метранпажа и взять в свои руки руководство тем или иным изданием, а ведь это, конечно, будет, если ты будешь работать над своим усовершенствованием. Будем читать.

— Погодите, Дмитрий Андреевич! Вы хотите говорить мне о верстке, а я хочу перебить вас немного и спросить, почему же вы не сказали ничего мне о наборе выводов и таблиц?

— Да, я пропустил их, и скажу, что сделал это почти умышленно. В мою задачу не входили все виды многочисленных разновидностей набора, и поэтому я старался дать тебе общие правила, пригодные для всякого набора, от простого до сложного. Я только набрасываю тебе схему, по которой хочу толкнуть тебя итти, а уж итти или нет— это твое дело. Поэтому я выпустил выводы и таблицы, говорить о правильном и хорошем наборе которых нужно много и долго, иллюстрировать их необходимо примерами и образцами, все это задержало бы нас и думаю, что утомило бы тебя, а может быть и надоело порядком. Все это, как и многое другое, ты найдешь в тех руководствах, которые теперь у тебя в руках, там десятки страниц посвящены различным видам сложных наборов, там множество примеров тех и других, и вот, когда при изучении встретишь что-нибудь непонятное, милости просим ко мне

за разъяснением, все, что смогу и чем могу быть полезен, сделаю с удовольствием, этим ты меня несколько не затруднишь. А если тебе хочется услышать от меня и об этих видах набора, то я не откажусь прочесть тебе несколько строчек, а потом и займемся намеченной мною версткой:

«Вывод есть следствие, заключение, итог, выведенный из рассуждения или вычисления.

«В типографском быту выводом называется набор, составленный обыкновенно из нескольких столбцов, имеющих самостоятельные заголовки или без них и отделенных друг от друга продольными пробелами, промежутками (а не линейками).

«Вывод, в котором столбцы и заголовки отделяются друг от друга линейками, называется уже таблицей, а не выводом. В этом и вся разница между типографским выводом и таблицей: в первом случае набор делается без линеек, а во втором — с линейками.

«Вывод набирается обыкновенно цифрами и литерами одного кегля со шрифтом главного текста. Разрядка между двумя строками делается та же, что и между строками главного текста. Исключение делается лишь в тех случаях, когда необходимо по каким-либо соображениям увеличить длину вывода.

«Столбцы вывода не занимают обыкновенно всей ширины страницы и располагаются, по возможности, с отступами, как справа, так и слева полосы и с более или менее значительными пробелами или промежутками между самыми столбцами, что зависит исключительно от числа и ширины последних.

«В крайнем случае можно обойтись вовсе без боковых отступов, но пробелы (промежутки) между столбцами не следует делать меньше круглого (в ущерб ясности набора).

«Если формат страницы позволяет, то не следует сдвигать или очень сближать столбцы вывода..

«Следует соблюдать правило, чтобы боковые отступы были несколько больше пробелов между столбцами.

«Набирать вывод шрифтами меньшего кегля, сравнительно со шрифтом главного текста и с меньшей разрядкою допускается лишь в тех исключительных случаях когда столбцы вывода, набранные с разделительными выводами (промежутками) всего лишь в один круглый, все-таки превышают по ширине длину строки главного текста.

«Заголовки вывода набираются литерами приблизительно на 2—3 пункта мельче, сравнительно со шрифтами столбцов. Заголовки могут быть с горизонтальными и вертикальными строками, смотря по месту и удобству набора» (П. Коломнин).

— Видишь и об этом говорится, а стало быть и этому можно научиться. И если ты запомнишь все примеры, в которых показывается, как нельзя делать и как надо делать, то вывода, вышедшие из твоей верстатки, будут правильны и ясны для читателя. Подробностями займись сам хорошенько. О таблицах еще труднее говорить подробно и исчерпывающе, слишком разнообразны их формы и условия, при которых приходится их набирать, но и для них существуют основные правила, которые должны быть положены в основу набора каждой таблицы, и если ты запомнишь их, то для тебя уж не представит затруднения разрешить встретившихся препятствий. Знание правил всегда будет выручать рабочего из всяких затруднительных положений. О таблицах говорится так:

«Табличные работы должно отнести к числу самых трудных среди всякого рода типографских наборов, так

как они требуют от наборщика большего внимания, точного расчета, аккуратности, вкуса, сметки и отлично развитого глазомера, т.-е. способности полмечать «на глаз» без пособия каких-либо измерительных инструментов, малейшие разницы в величине пробелов, линейек и проч.

«Таблицы состоят обыкновенно из двух частей: верхней или заголовка и нижней, заключающей в себе цифры и линейки или (иногда) одни только линейки.

«Графа — есть черта, отделяющая один столбец от другого, но графою принято также называть в таблицах самое пространство, заключенное между двумя чертами (линейками), притом совершенно безразлично — будет ли это пространство заполнено цифрами или нет.

«Самые употребительные при наборе таблиц линейки — тонкие, двойные тонкие, полутупые и рантовые — все на 2 пункта.

«Набор таблиц всегда производится по расчету. Ширина таблиц определяется на квадраты и четверти квадратов. При этом боковые линейки должны заключаться в общем счете.

«Графы не делаются никогда зря, как попало, а соображаясь с числом цифр или букв, заключенных в этих графах, и непременно в определенное и четное число пунктов, наиболее удобное для набора, т.-е. выбирается такой формат графы, который допускает выключку с помощью имеющегося под рукою материала, не прибегая к мелким шпациям.

«Расчет таблиц делается, принимая в соображение ширину заголовков и граф, т.-е. число и длину заключающихся в них строк и цифр. Так иногда: 1) заголовок состоит из одного короткого слова, но в соответствующую

щей ему графе должно быть помещено много цифр; 2) в графе мало цифр, но заголовок над графой широк; 3) и заголовок, и число цифр позволяют сделать графу не широкою, но этого не допускает итог под графой.

«Поэтому-то наборщик, приступая к набору таблицы, прежде всего должен тщательно просмотреть данный ему оригинал и сообразить, по чему делать расчет граф: по заголовку или по числу цифр в столбцах.

«Размер граф делается в определенное и четное число пунктов потому, что нечетный расчет крайне затрудняет наборщика, а иногда и прямо невозможен по неимению нечетных систематических ливеек.

«Рантовые линейки служат лишь для окаймления таблицы, т. е. ставятся сверху и с боков. Полутупыми — отделяются: 1) заголовок от нижней части таблицы; 2) существенно важные графы или отделы граф от других граф и 3) итог от ряда стоящих над ним столбцов (граф). Двойные тонкие линейки отделяют друг от друга отделы или графы второстепенной важности, а также в мелких таблицах заголовки от нижней части таблицы (вместо полутупых). Тонкие линейки ставятся во всех остальных случаях.

«Цифры ставятся: единицы под единицами, десятки под десятками и т. д. Линейка под итогами должна быть всегда целая и захватывать слово «итога» или «всего» (П. Коломнин).

«Набор таблиц принадлежит к тем работам наборщика, которые, относительно аккуратности и тщательности, требуют от него наивысшего внимания. В действительно хорошем табличном наборе должно соединяться практическое, облегчающее чтение распределение, весьма тщательная работа и красивое размещение содержания.

«Таблицу только тогда можно считать соответствующей своему назначению, когда ее отдельные части сгруппированы в легко обозримом порядке и заполнены, притом, равномерно. Систематическая, строго обдуманная работа и тщательная выключка всех даже самых незначительных строк — вот, что наборщик должен постоянно иметь в виду, если он желает, чтобы набранная таблица вышла из печати безукоризненной и чтобы заголовок согласовался с низом таблицы.

«Типограф в каждой таблице отмечает заголовок и низ (хвост, ножки). Заголовок содержит надпись граф и разделен линейками на отделы, ширина которых должна точно соответствовать ширине граф нижней части таблицы. Графами называются пространства между двумя линейками в таблице, которые остаются или незаполненными набором, или же заполняются цифрами и текстом, смотря по тому, какого рода таблица.

«При наборе таблиц с рукописи, наборщик первым делом определяет ширину отдельных граф, или, выражаясь технически, «делает расчет таблицы». Это тем труднее, что в рукописных оригиналах ширина отдельных граф редко согласована относительно таблицы, как это требуется в готовом наборе. Разумеется, что ширина какой-нибудь отдельной графы зависит, главным образом, от количества текста, только с заголовком, что наборщик должен стараться ширину граф распределить так, чтобы в графах было достаточно места для вписывания.

«При наборе сложных таблиц, у которых, кроме того, низ (ножки, хвост) бывает еще заполнен текстом, расчет граф лучше всего делать в верстатке. Для этой цели наборщик заключает верстатку во всю ширину набора и на-

---

бирает в ней для ширины каждой отдельной графы квадраты, круглые или другой соответствующий материал; линейки обозначаются вставлением в нужных местах мелких кусков линеек соответствующих сортов. Цифры нужно набрать из кегля восьмого, если мы хотим, чтобы набор не выступал из пределов формата. Для лучшего вида таблицы важно рассчитать ширину отдельных граф так, чтобы столбцы цифр были по возможности равномерны, а обе стороны таблицы в целом и частностях были бы безусловно одинаковы.

«Первая заголовная линейка в большинстве таблиц употребляется — рантовая линейка большого или меньшего кегля, смотря по размерам таблицы; в редких случаях для этой цели употребляется обыкновенная жирная линейка. Что касается выбора шрифтов, то излюбленное смешивание шрифтов различных характеров можно считать устаревшим; таблица производит только тогда приятное впечатление, когда она вся набрана шрифтами одного характера, в особенности таблица в книгах, журналах и вообще сопровождаемые текстом следует набирать тем же шрифтом, которым набран текст. Но и самостоятельные таблицы производят приятное впечатление, если их заголовки набраны шрифтами одного характера: или только обыкновенным, или эльзвирным, медновальным и т. д. Если же надписи некоторых граф следует выделить против надписей остальных граф, то для этой цели можно выбрать шрифт кеглем больше, но безусловно того же характера.

«Заметим, что цифры набираются различными способами: один наборщик набирает прямо из кассы налево наклоненной наборной доске, не прибегая к помощи вер-

---

статки; другой набирает цифры одной графы в верстатку, начиная с последней строки, а потом уже из верстатки вынимает каждую строку отдельно и ставит на наборную доску, причем цифры, разумеется, ложатся опять в надлежащем порядке.

«Самого серьезного внимания наборщика требует при наборе таблиц разрядка, особенно, если таблица имеет много узких граф, так как в таком случае для разрядки приходится употреблять шпации более или менее мелкого кегля.

«Прибавим несколько слов о разборе таблиц, так как по большей части таблицы разбираются весьма непрактично: разбор по графам, т.-е. разбор каждой графы отдельно, отнимает слишком много времени. Гораздо скорее можно разобрать таблицу, если сперва выдвинуть и разобрать из нее все шпоны, квадраты и линейки, оставшиеся же цифры и шрифтовый набор можно разобрать с подъема, как это делается при сплошном обыкновенном разборе. Если же цифры нужно разбирать в особую кассу, то столбцы разбираются отдельно по себе, а цифровые столбцы сдвигаются вместе и разбираются также по себе» (Ф. Бауэр).

«Набор таблиц, как и набор выводов, производится всегда по расчету, после предварительного размера граф, столбцов, заголовков, составляющих таблицу. Так как таблицы состоят из двух главных частей: верхней, в которой помещаются заголовки, и нижней, заключающей в себе цифры и линейки, то, приступая к набору таблицы, необходимо, прежде всего, тщательно просмотреть данный оригинал и сообразить, как делать расчет граф: по заголовкам или числу цифр в столбцах (графах). Нередки случаи, когда по числу цифр графа могла бы быть узкою, но

большой заголовок над нею этого не позволяет. Размер граф при расчете всегда определяется в четное число пунктов, потому что графы в нечетное число пунктов крайне затруднили бы работу, при которой главным материалом для таблиц всегда служат систематические линейки, рассчитанные на четное число пунктов.

«Линейки в таблицах обыкновенно употребляются четырех сортов: рантовая, полутупая, двойные и тонкие — все на два пункта. Рантовые линейки служат для окаймления таблицы сверху и с боков или ставятся только сверху. Полутупыми отделяются: 1) заголовок от нижней части таблицы; 2) существенно важные графы или их отделы от других граф, и 3) итог от ряда стоящих над ним столбцов (граф). Двойными линейками отделяют друг от друга отделы или графы второстепенной важности, а также в мелких таблицах — заголовки от нижней части таблицы (вместо полутупых). Тонкие линейки ставятся во всех остальных случаях.

«Если таблицы окаймлены линейками, то последние должны входить в общий расчет формата таблицы. В таблицах необходимо наблюдать, чтобы слова или цифры не прилегали вплотную к линейками, а непременно между ними оставался бы пробел не менее двух пунктов» (И. Богданов).

— Вот какое длинное описание только некоторых правил, а все правила, правда, иногда повторяющие одно другое, значительно длиннее, но зато и интереснее. Следует обратить внимание на повторение у всех авторов руководств указаний на настоятельную необходимость тщательности, аккуратности и особой внимательности при производстве набора таблиц — в этом добрая половина

успеха, а если к этому ты присоединишь еще и знание правил, то таблица, вышедшая из твоих рук, будет именно такой, какой ее хотят видеть составители руководств и какой она должна выглядеть: ясной, красивой и технически грамотной, а в действительности таких очень немного в наших наборных, все они делаются неряшливо, заголовки постоянно кривят, цифры прилегают к линейкам, графы или без нужды широки, или, наоборот, узки, итоговых линейка почти всегда составная и поэтому сомкнутая, где-нибудь совершенно зря, кривит и забегаёт, набор заголовков выключается кое-как, и поэтому линейки дают кривизну и мешают печати лезущими в них марашками. Значит, и здесь ты видишь не работу, а чистый и неоспоримый брак, и только небрежное отношение к делу допускает положение, при котором такое «художество» видит свет и, портя наши издания, роняет престиж русского рабочего, и так очень не высокий среди наших зарубежных товарищей. Когда ты присмотришься, то заметишь интересное явление: если наборщик эстонец, латыш или как их называют немец, то в его работе уловишь требуемую аккуратность, конечно, не всегда, так как «семья не без урода», но в большинстве это будет так, они, получив более правильное техническое образование, усвоив необходимую дисциплину, всегда являются наиболее аккуратными и даже знающими. Объясняется это, помимо учения, еще и постоянным стремлением к чтению технических книг и журналов, которые стараются выписывать из Германии, где такая литература имеет большое распространение и спрос, тогда как у нас, среди русских, никакого спроса и поэтому миниатюрное предложение. Встретить рабочего с значительной тягой к технической литера-

туре — это редкость, почти то же самое, что увидеть белую ворону, в этом и заключается корень зла. Могут дать тебе, пожалуй, еще несколько маленьких советов. В таблице заголовок должен занимать приблизительно одну десятую часть всей длины ее и не больше половины во всяком случае, впрочем, это уже крайность, встречающаяся обыкновенно в мелких табличках, разбросанных среди текста. При наборе заголовка нельзя набирать все его части, в особенности в двухэтажном и трехэтажном заголовке, одинаковыми шрифтами, так как каждый этаж имеет особое значение — один больше, другой меньше, все равно как надписи, встречающиеся по несколько строк одна под другой, да в сущности это и есть надписи над графами, помещенные в клетки, поэтому некоторые из них должны быть крупнее и не зря, а в зависимости от их значения. На практике наборщики руководствуются часто не значением, а длиной фраз, и набирают короткую фразу в широкой графе — крупно, а длинную — мелко, хотя значение их в таблице обратное, и нужно думать, а не валять, как попало, лишь бы набрать поскорее. Применение линеек опять неясно и возлагается на личный вкус наборщика. Можно, конечно, сделать красиво таблицу с тупыми и тонкими линейками, точно так же, как с двойными и тонкими, поэтому все авторы и дают только общие указания, и предвидеть каждый отдельный случай не могут — это даст тебе практика, наблюдательность и твое чутье красивого, которое ты должен в себе выработать. Но мы заболтались, дорогой мой, и очень далеко отошли от той темы, которую наметили на сегодняшний день, но все-таки, хотя и много потратили времени, но нельзя сказать, что бесполезно. Лично я считаю, что какой бы

разговор ни вести о печатном деле, иногда и хорошо всем известном, в нем всегда можно почерпнуть известную пользу. Теперь я не успею рассказать о верстке, да ее в один раз и не охватишь даже в самых общих чертах, и поэтому отложим разговор о ней на будущее, а сейчас о формате вообще:

«Объем книги определяется числом листов в известную долю. Так, говорят: объем книги — 25 листов в восьмую долю большого формата, или книга в десять листов небольшого формата — в шестнадцатую долю и прочее.

«Если сложить листы бумаги пополам, то получим две части, которые и называются долями листа. Если сложить лист еще раз, получается уже четыре части, четыре доли, которая вдвое меньше прежних частей или долей. Так можно сложить лист неопределенное число раз и притом разнообразным способом, и число долей и размер их может измениться в зависимости от нашего желания.

«Размер печатного листа, в зависимости от числа столбцов, а следовательно, и в зависимости от числа долей, называется форматом листа. Формат листа и формат книги в типографском быту — выражения однозначные. Причина тому простая: если листы сложены так, что каждый из них образует восемь долей, то, понятно, книга, составленная из таких листов, размером своим будет равняться восьмой доли. Отсюда выражения: формат книги в восьмую долю, во вторую долю и т. д., т. е. листы книги. сложены так, что образуют восемь долей, две доли и т. д. В прежнее время, когда печатали еще с помощью деревянных прессов, фабриканты выделявали бумагу почти

исключительно одного и того же размера — приблизительно 56×44 сантиметра. Сгибаемая (складываемая) листы известным порядком, получали постоянно одинаковые форматы: во вторую долю (в две доли) — *in folio*, в четвертую долю (в четыре доли) — *in quarto*, в восьмую долю (в восемь долей) — *in octavo*, в двенадцатую долю (в двенадцать долей), в шестнадцатую долю (в шестнадцать долей), в восемнадцатую долю (в восемнадцать долей).

«Название форматов: во вторую, в четвертую, в восьмую долю и т. д. сохранилось и до сих пор, но так как фабриканты выделывают в настоящее время бумагу (т.-е. листы) различных размеров, то, понятно, даже одноименные форматы отличаются между собой размерами полей. Самые употребительные форматы в настоящее время в восьмую долю (3 сгиба) и в шестнадцатую (4 сгиба). Не следует смешивать доли со страницей. Страница — это отпечатанная половина или сторона доли. В каждой доле — две страницы; листок, отпечатанный с двух сторон, есть доля (листа). В типографской технике страницу принято называть полосой» П. Коломнин.

«Под словом формат типограф подразумевает, во-первых, величину печатной бумаги; во-вторых, величину набора; в-третьих, распределение страниц на бумаге, т.-е. определение пространств между страницами; и даже материал, употребляемый для заполнения этих пространств, также определяется словом «формат». Хотя наборщика касается, главным образом, формат набора, но тем не менее мы думаем, что ему небесполезно иметь понятие, хотя вкратце, о формате вообще.

«Обратимся к величинам или форматам печатных бумаг. Нужно заметить, что на практике чаще всего

употребляются следующие форматы: двухдольный или фолио (folio), обозначаемый цифрой 2°, четырехдольный или кварт (quart) — цифрой 4°, восьмидольный или октав (octav)—цифрой 8°. Форматы эти получаются, если сложить (сфальцовать) целый лист один раз пополам так, чтобы образовались два листа, то получится формат двухдольный (фолио); сложив целый лист два раза, образуется четыре листа и получается формат четырехдольный (кварт) и, наконец, сложив целый лист три раза, получается 8 листов, и такой формат называется восьмидольным (октав).

«До 1903 года в России не было установлено общепринятых форматов печатных бумаг; почти каждая писчебумажная фабрика имела на складе свои собственные форматы, а типографы и издатели требовали форматы бумаг по своему усмотрению. Только в вышеупомянутом 1903 г. союз писчебумажных фабрикантов, совместно с обществом печатного, выработали и установили следующие форматы печатных бумаг». (См. табл. стр. 93.)

«В своем циркуляре союз писчебумажных фабрикантов выразил надежду, что «введение в практику постоянных форматов печатных бумаг принесет большое удобство всем, соприкасающимся с изданием и печатанием книг. Издатель и типограф будут знать, что бумага этих форматов имеется всегда в запасе на фабрике. Писчебумажной же фабрике без опаски можно будет работать бумагу установленных форматов на склад».

«Причислить какой-нибудь формат книги к октаву или малому кварту, к кварту или малому фолио—это довольно затруднительно определить по взгляду. Старые книги, печатанные на бумаге ручной отливки, легче определить,

№	Нормальная величина листа.	Величина во 2-ую долю.	Величина в 4-ую долю.	Величина в 8-ую долю.
	в с а н т и м е т р а х.			
1	47 × 62,5	31 × 47	23,5 × 31	15,5 × 23,5
2	47 × 74	37 × 47	23,5 × 37	18,5 × 23,5
3	49 × 77	38,5 × 49	24,5 × 38,5	19 × 24,4
4	50 × 70	35 × 50	25 × 35	17,5 × 25
5	53,5 × 70	35 × 53,5	26,5 × 35	17,5 × 26,5
6	54 × 82	41 × 54	27 × 41	20,5 × 27
7	56 × 77	38,5 × 56	28 × 38,5	19 × 28
8	56 × 86	43 × 56	28 × 43	21,5 × 28
9	57 × 79	39,5 × 57	28,5 × 39,5	19,5 × 28,5
10	58 × 84	42 × 58	29 × 42	21 × 29
11	58 × 90	45 × 58	29 × 45	22,5 × 29
12	58,5 × 86	43 × 58,5	29 × 43	21,5 × 29
13	62 × 88	44 × 62	31 × 44	22 × 31
14	62 × 91,5	45,5 × 62	31 × 45,5	22,5 × 31
15	63 × 80	40 × 63	31,2 × 40	20 × 31,5
16	64 × 102	51 × 64	32 × 51	25,5 × 32
17	66 × 96,5	48 × 66	33 × 48	24 × 33
18	68,5 × 102	51 × 68,5	34 × 51	25,5 × 34
19	74 × 76	38 × 74	37 × 38	19 × 37

а именно, смотря по водяным линиям: при октаве и фолио линии вертикальны, при кварте горизонтальны» (Ф. Бауэр).

— Вот как много пришлось прочесть о формате бумаг. К сожалению, и после этой меры, форматы бумаги очень разнообразны, так что практического значения она почти не имела, но, будем надеяться, современем привьется: так как, действительно, от нее получим удобство. Наш мир, как я тебе уже говорил, удивительно косный, и в этом деле, казалось бы, затрагивающем его общие интересы и дающем удобства, он остался верен себе и сохранил за собой свободу форматов и существование путаницы. Если тебя интересует бумага, ее выделка, распространение, то могу рекомендовать целый ряд хороших книг, которыми могу снабдить тебя для прочтения и ознакомления. И в этом деле существуют интересные сочинения, которые откроют много нового и поучительного, прочитав их ты не будешь таким слепым и получишь знакомство с бумажным делом, так близко связанным с типографией, а если современем тебе удастся побывать на бумажной фабрике и посмотреть производство бумаги, которое распадается на множество сложных процессов, тебе станет все ясным, а то попробуй спросить своих товарищей, спросить, как изготовляется бумага, из чего она делается, и увидишь, что их это никогда не интересовало, и это производство представляется им чем-то неведомым. Не подражай им, будь любознательным, старайся проникнуть в тайны всех производств, соприкасающихся с типографией, и такое знакомство сделает тебя не только лучше образованным, но и незаменимым работником.

На этом мы разошлись. Я не взял книг о бумаге, отложив изучение писчебумажного производства до окончания бесед о наборе и верстке, так как боялся разбить свои впечатления при одновременной погоне за двумя зайцами, и когда высказал это соображение Иволгину, то он только одобрил мое намерение, назвав его «благим», и согласился, что надо все проводить постепенно, одно за другим, и что, действительно, только в систематическом обучении залог успеха, причем закончил свои соображения при расставании следующим выражением: «кто из ничего не сделает ничего, тот не стоит ничего и не добьется ничего». Я записал эти слова у себя в своей книжке и в течение жизни нередко в тяжелые минуты прочитывал их, и моя упавшая энергия и силы становились упорнее и бодрее, мне легче становилось переносить различные неудачи, и в конце-концов стремление добиться желательных результатов во что бы то ни стало приводило к намеченной цели, и тогда я с чувством благодарности вспоминал моего Иволгина, умевшего так хорошо и кстати вклеить в свою речь меткое словечко.

— Перейдем к верстке полос или страниц метранпажем. Здесь самое широкое поле для проявления вкуса, умения и, главное, знания дела, причем последнее заключается не только в заучивании правил, изложенных в учебниках, но и в постоянной наблюдательности, которая должна заставлять метранпажа неустанно следить за изменением некоторых правил в лучших образцах книгопечатного искусства, не упускать ни одного случая просмотреть вновь вышедшую книгу русскую или иностранную, и только такой постоянной работой над самосовершенствованием метранпаж будет соответствовать взятой на

себя задаче. Надо перестать относиться к верстке «как-нибудь» и смотреть на некоторые работы, как на несостоящие внимания и тщательности. Каждая из них, попавшая к тебе в руки, должна получить ровный и красивый по своей простоте вид, причем нельзя ограничиваться ролью человека, отмеривающего страницы по шаблону, забивающего произвольно шпону между абзацами или надписями, или вынимающего их где попало под руку — все должно быть согласовано между собою, и каждую надпись, разбивку, примечание, все это необходимо сделать так, чтобы при просмотре книги сразу чувствовалась опытная и любящая дело душа работника, с возможной для него тщательностью и аккуратностью относящегося к книге. Только при таком отношении всякая книга, изготовленная в самой скверной типографии и при тяжелых условиях, все-таки вызовет своим видом и аккуратностью хорошее чувство у сверставшего книгу и у тех, кто любит и ценит ее. Но во-круг делается иначе: нет знаний, аккуратности, и отсутствует любовь, то-есть то, что постоянно вкладывалось старыми типографами в выходившие у них издания, что заставляет нас и теперь, через целые столетия тянуться к старым образцам и с восхищением перелистывать их иногда истрепанные страницы. Там была любовь, тщательность, повсюду сквозило желание дать хорошо выпущенную книжку, которой можно было бы гордиться и за которую не приходилось бы краснеть, а ведь все они имели самые примитивные материалы и оборудование по сравнению с теми, которыми обладаем мы, и если бы при отношении да наши приспособления, то из их мастерских вышли бы чудесные книжки. Придется читать много из учебников о верстке, хотя и с громадными пропусками,

---

в моем чтении ты, конечно, заметишь и разнородные иногда советы и указания, и это еще лучше подтвердит тебе высказанное мнение, что недостаточно метранпажу заучить по учебникам правила, и конец... Нет, он их должен постоянно развивать и совершенствовать, и вот развитие и подтверждение этого взгляда ты и услышишь в чтении, так как между двумя солидными учебниками лежит период в полтора десятка лет, и это не могло не оказать влияния на указания и советы их авторов, жизнь и техника идет вперед и увлекает за собой тех, кто следит за ней и ловит ее неизбежные изменения. Метранпаж, как молодой профессор, блестяще иногда сдавший свою диссертацию, должен учиться и учиться. Ведь профессор, остановившийся в дальнейшем развитии приобретенной науки, сейчас же делается отсталым, устарелым и уже безусловно неинтересным, и потому-то все они исповедуют «век живи—век учись», только в этом залог успеха в своем деле.

«Полосы бывают чрезвычайно разнообразны: на одной помещен сплошной текст, на другой—текст разных кеглей, на третьей—текст в два столбца и т. д. Полосы могут быть с надписями, примечаниями, выносками, рисунками, украшениями (заставками, инициалами), выводами, формулами, таблицами и т. п.

«Получив в свои руки оригинал, метранпаж прежде всего удостоверяет, все ли в порядке, т. е. все ли страницы рукописи (или печатного текста) налицо, равно как и необходимые клише, инициалы и прочее.

«Страницы оригинала метранпаж большей частью перенумеровывает известным карандашом лично, не полагаясь на нумерацию автора или редактора издания.

«Прежде, чем приступить к верстке полос, метранпаж делает себе мерку (так называемую «полосную мерку»). Для этого он ставит на наборную доску колонцифру с пробельною строкою, отсчитывает назначенное количество строк текста, затем берет совершенно прямую и не очень толстую, обыкновенно деревянную, а иногда гартонную линейку, прикладывает ее вплотную к верхним концам строк и, нажимая эти строки левою рукою, для того, чтобы набор «не пружинил» (т. - е. просто, сближая, сдвигая как можно плотнее строки между собою), отмечает на линейке точную длину полосы и на этом месте делает потом зарубку (мерку).

«Мерка нужна метранпажу: без нее нельзя сверстать полос книги. Она указывает точную длину полос, а в сплошном тексте без примечаний, надписей и проч. заменяет счет строк, т. - е. на много ускоряет и облегчает работу верстки. Сделав полосную мерку, метранпаж приступает к верстке.

«Прежде всего подбираются необходимые корректурные оттиски и проглядываются для того, чтобы не сделать какого-либо пропуска и сообразить в общих чертах верстку, т. - е. нужно ли верстать стачно или, наоборот, можно допустить пробелы в надписях и пр. пошире, чтобы избежать очень коротких или полных концевых полос и так далее.

«В общих чертах верстка полос заключается в следующем: метранпаж берет наборную доску и помещает ее на кассе вдоль борта. Затем переносит несколько гранок набора, с таким расчетом, чтобы заготовленных строк хватило на 3—4 полосы. Перенесенные гранки развязываются, излишние шпоны в начале или конце гранок вы-

---

нимаются, и затем все гранки сближаются, образуя одну длинную гранку.

«На наборную доску ставится к правому борту колонцифра и пробельная строка и к ним придвигается весь набор (т. - е. вся длинная гранка). Метранпаж прикладывает сверху полосную мерку и по зарубке определяет необходимое ему число строк; излишние строки (остатки длинной гранки) затем отодвигаются (верстка на четыре) в строку, влево. К отдельным в полосу строкам прикладывается нижняя пробельная строка (с нормою и сигнатуркою пли без них), опять прикидывается мерка, полоса сильно нажимается левою рукою, чтобы сблизить плотно строки, и, если длина полосы несколько не совпадает с зарубкою; то метранпаж вставляет столько шионов, сколько нужно, чтобы дополнить длину полосы до определенного точного размера, а если полоса вышла немного длиннее назначенной—поступает совершенно наоборот, т. - е. один, два, три шпона (смотря по надобности) вынимает.

«Шпоны вынимаются или вставляются только в пробелах, но где именно, — указать определенно нельзя: в пробелах между строками надписей, между надписями и текстом, сверху и снизу, между текстом и цитатами, между текстами и рисунками и проч., одним словом, во всех тех пробелах, где всего удобнее.

«В каждом наборе должно быть соблюдено непременно единообразие и симметрия: нельзя в одном месте между надписями сделать широкие пробелы, а в другом месте такие же надписи сблизить, на одной странице отделить примечание от текста небольшим пробелом, а на следующей полосе — наоборот. Метранпаж должен это постоянно помнить и поступать при верстке полос крайне обдуманно

и осторожно, не рассовывая и не вынимая шпонов, как говорят, зря,—в первом пробеле, что попадетя под руку. Напротив того, он должен тщательно проглядывать полосу и уменьшать или увеличивать один или несколько пробелов так, чтобы это было незаметно и ни в каком случае не выглядело некрасиво.

«Все полосы в книге должны быть одной и той же длины. Очень коротких концевых полос метранпаж должен всегда избегать, равно как и полных. Лучше всего, если концевая полоса окончится пробелом не менее $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$, причем можно поставить кончик или линейчку.

«Пробел между текстом и первую строкою примечания бывает различный, в зависимости от длины полосы, но никогда не должен быть меньше кегля шрифта, которым набирается текст, лучше делать его больше.

«Если между примечанием и текстом нет линейки, то пробел может быть шириною в 2 строки: во всяком случае, пробел этот должен быть настолько велик, чтобы резко отделять примечание от текста.

«Линейка ставится посреди пробела, отделяющего примечание от текста, или пункта на два ближе к тексту, чем к примечанию. Последнее правильнее, так как назначение линейки—показать, что строки главного текста кончились и далее следуют строки второстепенного текста, который не должно смешивать с первым. Линейка в этом случае играет как бы роль «кончика», который, без сомнения, должен ставиться ближе к предыдущему тексту, чем к последующему. Можно обойтись и вовсе без линейчки, которая ставится никак не для красоты, а именно для более резкого отделения двух текстов» (П. Коломнин).

— Вот краткое изложение взглядов и условий верстки по Коломнину, на этом можно бы кончить и перейти к другому, более позднему автору, сочинение которого ближе к сегодняшнему дню, но я прочитаю тебе еще несколько строк о некоторых особенностях, напр., о верстке стихов.

«Обыкновенно между строфами и куплетами остаются пробелы. Можно принять за правило делать их равными одной строчке набора с принятыми для разрядки шпонами. Так, если стихи набираются цигеро, на двойные шпоны, то пробел будет равняться тринадцати пунктам».

— Я скажу скорее, что между строками строф будет пятнадцать пунктов, это тебе будет яснее, которые слагаются так: строка цигеро в одиннадцать пунктов и два шпона по два пункта сверху и снизу ее. Автор здесь недостаточно ясно определил пробел, так как он учитывал только то, что будет добавлено к тому шпону, который уже поставлен наборщиком между строками, и строил это на одиннадцатипунктовом цигеро, который почти не употребляется, а заменен двенадцатипунктовым, носившим раньше название «гробе цигеро».

«Я делаю это указание для «будущих» метранпажей, так как простому наборщику нет никакого дела до пробелов между куплетами, строфами и отдельными стихотворениями: он набирает все строки, одна за другою, без всех промежутков. Это дело метранпажа разбить строки на куплеты и строфы и отделить их друг от друга пробелами. Хотя я определил здесь, так сказать, нормальный интервал или промежуток между отдельными частями стихотворений, но должен добавить, что при верстке полюс встречаются зачастую такого рода обстоятельства, которые

вынуждают изменить форму набора, увеличив или уменьшив пробелы в сверстанной уже полосе. Так, напр., поступают нередко в тех случаях, когда необходимо выгнать или вогнать несколько стихов».

— Но этого следует избегать, потому что пробелы, равные строке с разрядкой, ставятся для того, чтобы достигнуть при печатании листа совпадения строчек на страницах, лежащих одна на другой, и при достижении этого совпадения уничтожается некрасивый вид печатной страницы просвечивающих между строками, при совпадении же такой недостаток уничтожается, и, попадая одна на другую, строки дают чистую и хорошо читаемую книгу.

«Следует избегать деления и переноса части строф и куплетов на другую полосу. Одна строка ни в каком случае не может быть отделена от других. Если две первые строки куплета заканчиваются точкой, точкой с запятой, вопросительным или восклицательным знаками, то следующие строки куплета могут быть смело перенесены, так как вышеприведенные знаки препинания никогда не ставятся на полуфразе, а всегда заканчивают известное целое предложение или законченную мысль. Точно так же можно переносить две строки куплета, следующие за двоеточием.

«Верстаются стихотворения всегда посредине полосы; поэтому, если на одной и той же странице помещено несколько отдельных стихотворений различного формата, то у всех у них должны быть различные отступы».

«К сожалению, очень многие метранпажи пренебрегают этим правилом, и вовсе не редкость встретить (особенно в полных собраниях стихотворений какого-нибудь поэта) страницы, на которых одно стихотворение выклю-

---

чено, приблизительно, посредине, а другое — в край, или же все отдельные стихотворения отнесены к одной строке».

— Это о стихах, а вот о формулах, с которыми хотя и значительно реже, но все-таки приходится иметь дело метранпажу.

«Перенос одной строки формулы на следующую страницу не допускается. Надо сжать набор и избегать переноса. Иногда для того, чтобы выгодать необходимое место, приходится сжать набор на нескольких предыдущих страницах. Переносить формулу на следующую страницу можно только тогда, когда остающаяся на полосе часть и переносимая состоят из нескольких строк.

«Страница может начинаться формулой только в крайнем случае, когда этого избежать положительно невозможно, иначе формуле должен предшествовать всегда текст, хотя бы одна строка».

— О надписях этот автор говорит следующее :

«Надписи ставятся всегда ближе к тому тексту, который за ними следует, чем к тексту, стоящему сверху. Принято делать верхний пробел, над надписью, по возможности, вдвое больше нижнего (под надписью).

«Если надпись состоит из нескольких строк, то в этом случае пробел между последнею строкою (надписи) и текстом должен быть меньше пробела, отделяющего верхнюю строку надписи от стоящего над нею текста. Во всяком случае, пробел сверху должен быть больше, чем снизу. Если многострочная надпись стоит в начале страницы, то верхний пробел, считая его от колонцифровой строки до первой строки надписи, должен быть непременно больше пробела между последнею строкою надписи и следующим за нею текстом.

«Для надписей следует выбирать шрифты различных кеглей, но приблизительно одного и того же характера, т.-е. шрифты более или менее сходные между собою по начертанию очка. Всякого рода вычурные шрифты для надписей в книгах непригодны.

«Просматривая рукопись, всегда можно заметить, что некоторые надписи в ней имеют большее значение, другие — меньшее, третьи — еще меньшее и т. д. Сообразно с этим, и набирать надписи нужно более или менее крупно, причем надписи одного и того же достоинства или значения должны быть набраны во всей книге одним и тем же шрифтом. Промежутки или пробелы между строками надписей во всей книге должны быть, по возможности, одни и те же.

«Если надпись случится в конце полосы, она должна сопровождаться не менее, как двумя строками текста. Если этого сделать нельзя, нужно перенести надпись на следующую страницу» (П. Коломнин).

— Приходится Ф. Бауэра отложить до следующего раза, а то сразу перепутается все, и толку не будет.

Как далеки были наши метранпажи от всего того, что я услышал, и еще более от того, что я сам нашел по вопросу о верстке в этом учебнике. Действительно, можно с уверенностью сказать, что они никогда не читали тех правил, которые изложены на страницах «Кратких сведений по типографскому делу», правил, несмотря на название кратких, занявших около 600 страниц убогистого шрифта, а сколько же страниц заняли бы не краткие, а подробные сведения по печатному делу! Впрочем, к чему еще более полные, если и эти краткие никто не читает, всем кажутся скучными, несмотря на их огромный интерес, и только

поэтому вся работа наших типографий выходит какой-то никчемной или зрящей, один делает так, другой иначе, причем как тот, так и другой оба неправильно. Я занялся просмотром книг, валявшихся на окнах и реалах нашей типографии, и, Боже мой, какие безобразия открыл на их страницах: ни одной нет, хотя сколько-нибудь приближающейся к основам, изложенным в руководстве, а между тем они вышли из рук пожилых метранпажей, казалось бы, обладающих запасом практических знаний, а в действительности не имевших никаких, а просто отмеривавших полосы, пихавших шпоны и пробелы куда попало, не следивших даже за тем, чтобы надписи или выделения слов были однородны на всех страницах. И это, к сожалению, оказалось не исключительной принадлежностью нашей типографии, а всех, так как в своей жизни мне пришлось переменить их порядочно, и повсюду, за редким исключением, я находил одно и то же. Пробовал со многими начинать несмелые расспросы о способах верстки, но никогда не получал таких или приближающихся к тому объяснению, которое давало руководство. Всегда говорили, что так принято, что так верстали еще до них предшественники и что, конечно, изменить привившиеся правила нельзя, издатели не позволят. Вспоминается при этом наборщик - старик, руководивший нами во время моего ученичества, как он, получив оттиски какой-нибудь работы с печатного оригинала, шел к окну, и, положив оттиск с оригиналом один на другой на оконное стекло, проверял, точно ли по оригиналу сделана разбивка между строк и слов, и горе тому, кто «козлодумствовал», как он выражался, и поступил вопреки оригинала, который, как бы он ни был безобразен и неправилен, представлялся ему непреложным законом и

отступать от которого никак нельзя. Помню, как сокрушался он, узнав, что шрифт, которым набрана одна из строчек, давно уж брошен в гарт, и поэтому приходилось изменить строку уже в силу необходимости; но и тут он обыкновенно не сдавался, а рассылал нас с записками по своим товарищам в различные типографии, отыскивая необходимый ему шрифт, и как радовался, когда доставал таковой, и, наоборот, опечаливался, когда это не удавалось. В этом случае он терял свою обыкновенную шутливость и с беспокойством ждал, что вот-вот пришлют обратную работу, и ему влетит за недосмотр, причем старался возможно чаще говорить нам и втолковывать, что отступать от печатного оригинала, в особенности, если он выполнен в нашей же типографии, «никак невозможно»; в его голове не укладывалось развитие дела и стремление к изменению своих внешних форм, он упорно хотел сохранить на десятки лет один и тот же вид работы, доказывая необходимость этого тем, что к такому-то шрифту бланка привыкли и сразу узнают его, он даже не задумывался над тем, что и там меняются люди, не только их вкусы, и что, конечно, бланки должны меняться, если этого требуют существующие условия, ему хотелось сохранить и выгнутую строчку и рябенький шрифт — все это было так дорого этому старику, что, вспоминая его теперь, и зная, что он тоже никогда и ничего не читал по технике, приходится простить плотно усевшееся в нем заблуждение. Точно такое же отношение проявлялось вокруг меня почти всегда — придержаться оригинала, правда, это много легче, чем создать что-нибудь самому более лучшее и красивое, по оригиналу — это значит без дум, без усилий: переходить от одной кассы к другой и набирать с печатного, но, с дру-

---

гой стороны, это такой застой, что ужас может охватить каждого, задумавшегося над нашим положением, это именно осуществление изречения Б. Рескина, из номера в номер повторяемого в заголовке «Наборщика» — «жизнь без труда — воровство, труд без искусства — варварство». Подумать только, что если бы все люди делали только так, как до них делали, и не старались бы ничего изменить, ведь мы оказались бы еще в пещерах и одевались бы еще в звериные шкуры. Но в своей жизни никто не поступает по такому застою рецепту, и тот же старик менял костюм, потому что такой удобнее, и пил пиво «Бавария», потому что находил его вкуснее того, которое употреблял раньше. Если бы подобные ему ознакомились с технической литературой своевременно, следили бы за ней, они, безусловно, отрешились бы от старого и пошли бы новыми путями, они поняли бы, почему надо делать иначе, чем они делают, и тогда все приняло бы совершенно другой вид, почувствовалась бы любовь или, как говорят, «искра Божия» в труде, и самый труд оправдал бы слова, сказанные кем-то, что «труд — есть наслаждение», а сейчас, при царящих условиях и привычках, конечно, труд не может дать наслаждения, так как слишком уж он однообразен, слишком условен и лишен самой главной цели — стремления к красоте, развитию и совершенствованию, и когда придет другое времячко, при котором техническая литература заменит пинкертоновщину и сделается насущной необходимостью каждого рабочего, тогда только отойдет в область предания работа по старине, как-нибудь и с примеркой на стекле, а на ее месте появится разумная, и русская книга примет вид, в котором ей не стыдно будет лежать на одном окне книжного магазина с иностранными.

Следующая беседа, затянувшаяся до поздней ночи, была посвящена первопечатнику. Иволгин, видимо, любил эту историческую личность и болел душой за перенесенные гонения, так как без любви нельзя было говорить так, как говорил он, изредка пользуясь двумя книгами для справок.

— У нас на Руси книгопечатание появилось почти через сто лет после введения его в Европе, и это не было следствием отсталости, а скорее неузости печатных книг, за наличностью их в большом количестве в писаном виде. Предшествующая введению на Руси книгопечатания эпоха, ознаменовавшаяся быстрым распространением печатных книг повсюду, как будто совершенно не затрагивала нашу родину, а между тем спрос на книги в ней был не меньше европейского; в ней книгописная деятельность получила необыкновенное развитие, и такое развитие неоднократно приводило в изумление иностранцев, и один из них, Коль, живший в Москве (1729 г.), писал: «Русские всегда прилежно переписывали книги, ими сочиненные или переведенные с другого языка. Этим они много заменили как недостаток типографий, так и книг. Нет, кажется, ни одного народа, который бы так много занимался и трудился над переписыванием, как русские». А известный князь Курбский в одном месте говорит: «Во оной земли многие заботятся о своем спасении, тянутся к науке, хотя навязать писанию». Может быть и не дословно, но мысли их изложены так. Конец XV и половина XVI века в особенности должны быть отмечены ревностью к собиранию книг, и оно как бы завершилось митрополитом Макарием, хотевшим «собрать все книги, читаемые в русской земли». Книгописная деятель-

---

ность была так велика, что в уделевших расходных книгах Печатного приказа, начиная с 1620 г., постоянно упоминается, что рукописными книгами на пергаменте оклеивали тимпаны и рашкеты. Поэтому-то в наших сказаниях о поводах к книгописанию нигде не говорится о недостатках книг, между тем как юго-западные всегда жаловались на таковой, что и вызвало у них более раннее введение книгопечатания. Привычка к рукописям, которые писались каждым по своему вкусу и желанию, в которых изливались мысли из различных сочинений, и создала положение, которое и после появления книгопечатания продолжало стеснять его распространение. Шлецер, удивленный богатством нашей древней письменности, замечает, что «этот обширный труд над книжным переписыванием приносит истинную честь нации». Но рукописные книги хотя и расходились в достаточном количестве, при всей своей иногда удивительной красоте страдали огромным недостатком. То по оплошности, то по незнанию или своемудрию переписчиков, в них постепенно нагромождались ошибки, разногласия, вставки и пропуски, что делало книгу уже вредной, и такая порча в особенности усилилась в XVI веке, когда образовались особые писцы-промышленники; это и дало повод Максиму Греку, рассматривавшему книги в библиотеке Ивана Грозного, сказать, что «в них столько неисправностей и заблуждений против самых догматов веры, что можно подумать, будто книги эти вышли из рук еретиков»; он же и указал на причину такого сильного «растления книги», гнездившуюся «во mnogой грубости и нерадении переписующих, ненаученых сущих и неискусных в разуме и хитрости гражданской». Вот это-то состояние наших

книг и было одной из главных причин, вызвавших появление книгопечатания. Мысль о пользе и необходимости такого явилась у Иоанна III, но переговоры с любенским типографщиком Варфоломеем окончились неудачей, так как Варфоломея отговорили от поездки в русскую землю, и Иван Грозный, вступив на царство, делает новую попытку насадить искусство книгопечатания. Последний толчок этого нового дела, каким являлось книгопечатание, дало завоевание в 1553 году Казанского царства, после которого приступлено было к постройке множества церквей, и среди книг, приобретенных для них на торжищах, оказалось, что очень немногие годились к употреблению, а большинство, по причинам, указанным М. Греком, совершенно не годились. Этот случай и встреча царя в Сергиевской лавре с Максимом Греком, указавшим на необходимость устроить типографию, как единственное средство, могущее исправить книги, заставили царя задуматься. Вернувшись в Москву и посоветовавшись с митрополитом Макарием, который, занимаясь обширнейшими трудами по книжному собиранию и исправлению, больше чем кто-нибудь другой мог видеть весь вред, причиняемый книгам тогдашним невежественным переписыванием, сказал, «что с великой радостью благословляет царя и его намерение», и «что мысль о книгопечатании внушена царю Богом и что это дар, свыше сходящий». Иоанн, выяснив в общих чертах хозяйственную сторону этого нового дела, отдал приказ «приискивать мастеров типографского искусства». С свойственной ему энергией и живостью, царь приступил к выполнению замысла, приказав строить дом для печатни в самом центре Москвы, на Никольском крестце, в соседстве с Никольским греческим монастырем, где в ста-

---

ричу было место крестного целования для присяги. В последовиях первопечатника не упоминается место Печатного Двора, но в документах типографского архива за 1620 год ясно указывается такое словами, что «Печатный Двор существовал здесь издревле». Предполагая, что на Руси не может быть книгопечатников, царь поручает немцу Шлитту найти у себя «в немецкой земле разных мастеров и художников, а в том числе и типографщиков». Но попытка окончилась неудачей. По сохранившимся сведениям, Шлитт хотел взяться за дело и навербовал в Германии штат рабочих, достигавший 120 человек, но вместо Руси попал в тюрьму по распоряжению любенских сенаторов, что некоторые объясняют боязнью немцев перед просвещенней Россией. Продолжая стремиться к намеченной цели, царь просит датского короля Христиана III дать ему типографщиков; а приехавший мастер Ганс Миссингер, вместо организации печатного дела, занялся пропагандой лютеранства. Этот типографщик привез с собою письмо Грозному, в котором предлагалось ввести лютеранство в его стране. Король Христиан, между прочим, писал: «Посылаем тебе искреннего нами любимого Ганса Миссингера и Библию с двумя другими книгами, в коих содержится сущность нашей (лютеранской) христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, митрополитом, патриархом, епископом и прочим духовенством наше предложение (принятие лютеранства) и две книги вместе с Библией, то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык». — В этом было отказано; видимо, царь не захотел менять веру на книгопечатание. Во время хлопот по присканию типографщиков

оказывается, что в самой Москве объявились люди, знакомые с этим, казалось, невиданным у нас делом, и, кроме этого, люди не только знали искусство печатания, но, по словам современников, и «возлюбили его всем сердцем». Человек, которому было поручено Иоанном Грозным новое дело, не убоившийся такого подвига, — иначе нельзя назвать приступа к печатанию книг в то далекое от нас время, — был дьякон церкви Николы Густынского Иван Федоров да еще некто Петр Тимофеев, прозванный Мстиславцем, вероятно, от места его родины. Во всех сведениях об этих деятелях печатного дела на первом месте ставится в качестве главного мастера И. Федоров, или Федорович, как он потом назывался за границей. Точных сведений о его прошлом почти не сохранилось, или по крайней мере не найдено. Одно предание упоминает, что он родился около 1520 года в Лихвинском уезде Калужской губ., в селе Николы - Густыни, и некоторое время, до 1553 года, дьяконствовал при кремлевской церкви того же Николы Густыни. Название Москвитин, которое он придавал себе в своих книгах, печатаемых за рубежом, привело К. Калайдовича к выводу, что Федоров был уроженцем Москвы или ее окрестностей, так как подобные названия, указывающие на место рождения, прибавляли другие мастера печатного дела: Онисим Михайлов Радিশевский (Вольнец), Никита Федоров Фофанов (Псковитин), но эти приведенные имена скорее объясняют не города, где они родились, а место или губернию, и вероятнее всего Федоров словом Москвитин хотел объяснить, что он с Руси, как Радিশевский с Волыни. Он был вдовцом, что и послужило поводом к оставлению места дьякона, и хорошо знаком с сочинениями Максима Грека и князя Андрея

Курбского, что видно из частого заимствования им некоторых мест и выражений. Начал он явно заниматься печатным делом в тридцатилетнем возрасте, и вся его жизнь вполне оправдывает название типографщика-энтузиаста, которое дал ему Карамзин. Вся его жизнь была самоотвержением и бескорыстием. «На восхищение не жалах, — говорит он в послесловии своей книги, — богатства яже и много стекалось, не прилагал тамо сердца, но паче изволих всякие скорби и беды претерпевати, да множая умножу слово Божие»; этим стремлением только и объясняется, что он успел довести славянскую печать почти до совершенства, пред тем не виданного, как указывает и самая надпись на его могиле: «Друкарь книг пред тым не виданных». Чем, как не совершенством, можно объяснить это выражение.

— Второй из деятелей — Петр Тимофеев или Тимофеевич Мстиславец — был все время лицом второстепенным и помощником первопечатника. Последнее прозвище печатник объясняет как указание на свое происхождение из Мстиславля, Могилевской области, входившей в XVII веке в состав Польского государства. Как он попал к Федорову, не выяснено. По одним сведениям, он был приглашен в Москву, когда там задумали постройку типографии, по другим — приехал по собственному желанию; знал ли он печатное дело, или научился в Москве — тоже неизвестно, хотя один из историков, Гатцук, высказывает предположение, что именно Мстиславец и был учителем Федорова, а если ему не отводилась главная роль, то только потому, что он выходец из Польши, а Федоров — русский, а также и потому, что ему, как лицу не духовному, нельзя было поручать исправления книг и поэтому главенствует везде

Федоров; но ведь если нельзя исправлять, то печатать можно, а они именно печатали; только благодаря познаниям Федорова, он взял на себя труд и исправлять вкравшиеся ошибки, стремясь опять-таки к тому, чтобы вышедшее из его рук было хорошо наружно и внутренне. Несмотря на то, что на постройку дома, получившего название «Печатного Двора» и ставшего колыбелью русского печатного искусства, царь не жалел издержек, дело постройки тянулось ровно десять лет, и только 19 апреля 1563 года оказалось возможным открыть двери первой русской типографии. В это время первопечатник, руководя созданием «Дворы», вероятно, занимался резьбой пуносонов, изготовлением матриц и отливкой шрифта для своих будущих работ. И в этом вопросе существуют различные мнения: Флетчер, живший в Москве при Федоре Иоанновиче, говорит, что «Великая Русь обязана своим книгопечатанием Польше, откуда — по его словам — были привезены в Москву типографский станок и литеры». Так ли это на самом деле? Если присмотреться к Федоровскому шрифту, то можно увидеть, что чисто московский пошиб его во всех буквах и знаках определенно доказывает, что так сделать шрифт можно было только чисто русскому, и все иностранное дало бы уклон к своему, что и видно по последующим изданиям, в которых принимали участие иностранцы, напр., на выходном листе «Учение и хитрость ратная»; схватить дух шрифта не так просто, как это казалось Флетчеру. Имя первопечатника Ивана Федорова должно быть увековечено на-ряду с другими именами великих сынов Руси, поэтому следует хранить в памяти образ человека, смело положившего начало великой культурной работе на пользу нравственного и умственного

развития нашей родины. Если мысленно перенестись в далекое уже от нас царствование Грозного царя Иоанна IV, то каждого охватит жуткое чувство. Грозный царь, отсутствие грамоты и просвещения, страшная разбросанность городов и селений, отрезанных один от другого безграничными непроходимыми лесами, бездорожие, совершенно беспросветная тьма, — все это покажет, как трудно было делать тогда то новое, но необходимое дело, за которое взялся Иван Федоров и которое является почти единственным светлым лучом из времен царствования Грозного. Царь, решив создать книгопечатание, устройство типографии, как сказано выше, вверил Ивану Федоровичу и его товарищу Петру Тимофееву Мстиславцу, как людям, бывшим уже достаточно опытными в печатном деле. Наука до сих пор придерживается самых разнообразных мнений по вопросу о том, кто познакомил и научил Федорова печатному искусству и преподавал ему основы этого дела. Наиболее распространенное и достоверное мнение приписывает эту честь Максиму Греку, который, живя в Сергиевской лавре до 1563 года, напечатал будто бы тайно несколько книг, но без указания, где и когда они напечатаны. Книг, о которых можно бы уверенно сказать, что они выпущены до Федорова, неизвестно, но существует предположение, что они были и что печатал их именно Максим Грек, хорошо знакомый с знаменитым Альдо Мануцием, и на родине которого искусство книгопечатания было уже распространено. К напечатанным раньше постройки Печатного Двора книгам можно отнести «Триодь постную», хранящуюся в Воскресенском монастыре; в ней нет выходного листа, но имеется надпись «1562», и в особенности учебную «Псалтирь», вполне достоверное и точ-

---

ное указание на которую нашел арх. Леонид в «Описной Книге Церкви Княгининского у. Нижегородской губ.» 1672 года, но экземпляра этой «Псалтири» еще не найдено, а между тем этот исследователь считает именно эту «Псалтирь» первой печатной книгой московской XVI века. В Сергиевской лавре, по всей вероятности, и приобрел свои познания Федоров, так как он показал себя тонким знатоком всех отраслей печатного дела и умел не только набирать книги, не только печатать их, но и вырезать пунсоны, делать матрицы и отливать литеры. Подтверждением того, что познания в деле книгопечатания приобретены Федоровым у Максима Грека, служат принадлежностности печатного дела, названные первопечатником итальянскими именами, а не немецкими. Наконец, можно допустить, что наши мастера сначала печатали книги с целых досок неуклюже и мало, а потом уже, переняв подвижные буквы Гутенберга, принялись за новое печатание, так как существуют рукописные книги, но с печатными заставками. Если бы приемы книгопечатания приобретены были у немцев, то откуда же пришли и привились итальянские названия, а в смете типографии 1612 года все термины изложены от итальянцев. В той же смете существует указание, что наши первопечатные станки строились по образцу станков итальянских «на фряжское дело», а фряжское, несомненно, однозначуще с итальянским и отличалось от немецкого, что видно из слов той же сметы: «4 пуды стали свисаго немецкого железа». Влияние итальянцев сквозило и в украшениях первопечатных книг, а самое послесловие к «Апостоуду» прямо связывает начало нашего книгопечатания с итальянским; в нем говорится, что царь прежде всего обратился мыслью к итальянскому книго-

---

печатанию, что совершенно понятно в связи с Максимом Греком: начат помышляти, како бы изложити печатные книги, яко же в Греках и в Венеции и во Фрагии, — а так как в Греции книгопечатания не было, а она пользовалась Венецией, то и это указывает на итальянское влияние. Но кто бы ни печатал книги до Федорова, именно он, а не кто-нибудь иной должен считаться родоначальником русского книгопечатания, честь эта должна принадлежать ему и никому больше, как честь изобретения книгопечатания принадлежит Гутенбергу, несмотря на указания существования книгопечатания у китайцев за целое тысячелетие до него. Федоров из тайного сделал искусство книгопечатания — явным. Иоанн Грозный, построив Печатный Двор и пригласив первопечатников, старался обеспечить их материально и заботился о их спокойствии: «повелѣлъ царь, — говорится в одном сказании, — нещадно даяти отъ своея царскія казны на содѣлованіе тѣмъ мастеромъ Иоанну и Петру и прочимъ клеветомъ ихъ, изобразити ихъ, повелѣлъ имъ даяти упокоенія много зѣло». Печатный Двор представлял собою большое каменное здание, в два этажа, с слюдяными окнами, кровли и другие пристройки деревянные, типографский двор окружен был острым частоколом, причем на Никольскую улицу выходили деревянные ворота с кровлей. В марте 1564 года выпущен был «Апостол», заключающий в себе 267 листов = 534 страницы, по 25 строк в каждой. Он напечатан шрифтом, близким к полууставу XVI века, с небольшим наклоном в правую сторону, прописные буквы вдвое больше строчных, очко, т. е. величина букв, всюду одной меры, так что строчки выглядят совершенно ровными, расстояния между буквами одинаковы и сами буквы отлиты так отчетливо, что ни одна из

них не кривит и не косит набора, расстояние между строками равномерно, некоторые отдельные слова, в подражание рукописям, не отделены, а набраны вплотную, знаков переноса нет, оглавление статей, счет зачал, прописные буквы в тексте, вставки в тексте и на полях напечатаны красной краской. Украшения, вязь, заставки и начальные буквы подобраны в одном стиле и оригинальны. Тщательное исследование первопечатного «Апостола» дало возможность знатокам типографского дела определить, что весь шрифт, которым отпечатана эта книга, не был привезен из заграницы или из какой-нибудь другой, хотя бы и славянской земли, а был изготовлен в самой Москве, по особому, отличающемуся от современных ему славянских шрифтов, образцу и сохраняющему «строгую чистоту и правильность московского пошиба письма во всех буквах и знаках».

— Историк так говорит об этой книге: «Чистота, отчетливость букв и красота в книгах первой печати нашей поразительны». Когда подойдешь к «Апостолу» с нашей современной практикой, то можно указать, что самый набор страдает недостатками в виде неравномерных пробелов между словами, в нем часто встречается по несколько слов, стоящих без всякого разделения, но это искупается достоинствами, которых гораздо больше, чем недостатков: верстка тщательная, строки страниц везде представляют безукоризненно прямую линию, приводка красных букв и строк равномерна и тщательна, оттиски равномерны повсюду, что и теперь не так часто встречается, хотя работающие имеют удивительно разнообразный материал для подгонки. Текст «Апостола» долго не был исследован и долгое время обыкновенно ограни-

---

чивались указанием «текст и правописание вообще не исправны», или «греческим текстом не поверяли славянского»; но время показало, что это была напраслина, и если тщательно сравнить «Апостол» первопечатный с нынешним, то составится совершенно другое мнение и как раз обратное. Что в нем существуют неправильности и ошибки, это верно, но где их нет? Но что в нем их было немного, доказывается тем, что, дойдя почти в девственном виде до патриарха Никона, он получил очень незначительные изменения. Исследование «Апостола» показывает, что первопечатник имел в руках и пользовался многими славянскими списками разных редакций, руководствовался ими и иногда вносил свое разумение, и последнее всегда очень удачное, что приблизило первопечатный «Апостол» к современному нам. Язык первопечатного «Апостола» сильно очищен от устаревших и инославянских форм и слов и приближен к нынешнему церковно-славянскому языку, точно так же и орфография; в особенности он близок к совершенному употреблением надстрочных знаков, и только применение знаков препинания отстает от нашей орфографии; «Апостол» знал только три препинания: точка малая, стоящая у подошвы букв, употребляемая еще в древних рукописях, иногда заменяет запятую, точка большая посредине между буквами, имевшая значение нынешней, и запятая. В следующем 1565 году вышел «Часовник» в 172 листа—344 страницы, по 13 строк. Напечатан и он тем же шрифтом, что и «Апостол»; как об этом указывает и сам первопечатник впоследствии к «Часовнику». Заставки, состоящие из переплетающихся линий, иногда сочетаниями лстков или цветков, очень близко повторяют рисунок и изящную резьбу некоторых

венецианских заставок того же рода, встречающихся, например, в венецианском «Молитвословии» 1547 г., что опять доказывает влияние Максима Грека. В этой книге впервые «Символ Веры» изложен согласно постановлению Стоглавого Собора, словами «и в Духа Святого истинного и животворящего», и слово «Господа» выпущено. Между 1564 и 1568 г.г., как доказано в 1883 году наместником Троице-Сергиевской лавры арх. Леонидом, было напечатано «Евангелие» в 388 листов—776 страниц, по 15 строк. Оно, как и предыдущие издания, напечатано с кивоварью, причем заставка перед Евангелием Иоанна взята из «Апостола», а фигуры на полях и цветки те же, что применены в позднейшем Евангелии, которое никогда и ни у кого не вызывало сомнений в том, что оно московской печати. Арх. Леонид, основываясь на типографских и философских данных, доказывает, что это Евангелие является произведением Ивана Федорова, а не южно-русской печати, как это предполагали до 1883 года. Благополучное выполнение великого подвига—явление первых печатных книг, во множестве экземпляров заменивших рукописные книги, удобство и легкость чтения должны были показаться для современников чудом или колдовством. И как ни было хорошо выполнено дело, как ни был талантлив его создатель, оно принуждено было прерваться, подвергшись гонению. Первое, с чем пришлось встретиться первопечатнику, была зависть. Есть мнение в наших летописях, указывающее, что появление печатных книг вызвало против себя неудовольствие, главным образом, со стороны переписчиков, которые будто бы увидели в них своих врагов, подрывающих заработок; но трудно признать это мнение справедливым, и вот почему: переписчики пред-

---

ставляли собою людей разрозненных и не имевших никакого влияния на лиц, имущих власть, и поэтому вряд ли они могли так тесно объединиться для борьбы с первопечатниками, да и сам Иван Федоров в одном из своих послесловий указывает на тех, кто были его завистники, от кого ему пришлось потерпеть невзгоды. «Не от царя шло озлобление», говорит он, подтверждая этим благоволение Иоанна Грозного к книгопечатанию. Завистниками первопечатников были целые организованные тогда сословия и самые влиятельные люди: начальники, священноначальники и учителя. Начальники—это, очевидно, начальники приказов, которые должны были завидовать тому, что ни один приказ не пользовался таким вниманием и милостями царя, как Печатный Двор, и что новое великое Государево Дело поручено какому-то никому неизвестному дьякону, и не успев в клевете перед царем, они подожгли Печатный Двор сами, или через подговоренных людей, не все ли равно. Книга в древней Руси считалась драгоценностью и по материалу своему и по своему назначению. Люди были до фанатизма верующими, и поэтому Евангелие, Библия, церковно-богослужебные—вот преимущественно книги тогдашней Руси. Люди относились к книге с уважением и каким-то священным страхом: уронить лист из такой книги на землю считалось большим грехом, и поэтому книги, пришедшие в ветхость, не бросались, а сжигались, как сжигались и старые иконы. А так как в то старое время достаточно было обвинить человека в еретичестве или колдовстве, чтобы сгубить его, то этот-то способ, видимо, и употребили сильные завистники Федорова, распуская слухи о том, что изготовление книг печатным способом—не что иное, как колдовство. Только

что созданный Печатный Двор был подожен и сгорел, а с ним вместе погиб и первый русский печатный станок. Кое-как удалось спасти только матрицы и резные доски для украшений, которые и сослужили в дальнейшем хорошую службу в странствованиях Федорова. Чтобы избежать костра, уже рисовавшегося в воображении первопечатника, ему ничего не оставалось, как последовать совету своего товарища Петра Мстиславца и бежать в Литву, где, по мнению Мстиславца, паны и духовенство были просвещеннее и добрее московских бояр и духовных властей, а потому и жизнь их безопаснее. Сам Федоров так рассказывает о первых шагах своей деятельности: «Друкарня составила в Москве в 1563 году. Мы подвержены были там беспрестанно всяким озлоблениям, не от самого государя, а от многих начальников, духовных и светских, которые из зависти умышляли на нас многие ереси, намеревались благо превратить во зло и погубить в конец Божье дело. Так обыкновенно поступают невежды, люди злонаправленные, неискусные в разуме, ненавыкшие грамматической хитрости, т.-е. чуждые духовному разуму. Понапрасну, всеу, пронесли они злое слово. Вот она зависть и ненависть—сама себе не верующая, не понимающая, что делает и на чем утверждает. Она выгнала нас из земли нашей, из отечества и из рода нашего, она переслала нас в незнакомые страны». При чтении этих простых и бесхитростных строк встает величавый облик нашего первопечатника, печалующийся, что так недолго пришлось поработать над насаждением книгопечатания на родине, и что работа должна была прекратиться не за отсутствием умения или энергии, а из зависти и злобы, которые вызваны были его исключительным талантом.

В Литве наших первопечатников приютил гетман Ходкевич; он поручил им в своем имении Заблудовье Гродненск. губ., Белостокск. уезда, как «людям наученным, устроить верстак друкарский», снабдил их разными потребами, пищею и одеждою, а Ивану Федорову отдал даже целую деревню (село) для спокойствия его. Здесь, в 1569 году, они напечатали «Евангелие Учительное» в 407 листов—814 страниц по 28 строк, с киноварью и черной заставкой. В этой книге опять употреблена та же азбука и те же украшения, что и в первопечатном московском «Апостоле», и это подтверждает предположение, что первопечатники привесли с собою в Заблудовье спасенные от пожара в Москве пунсоны шрифта и украшения. На обороте заглавного листа этого Евангелия помещен герб гетмана Ходкевича. Федоров расстается с Петром Мстиславцем, который по приглашению друзей Курбского Заведких и Мамоничей уходит в Вильну, устраивает типографию, прославившуюся множеством изданий и существовавшую около 50 лет под фирмою «Друкарня в дому Мамоничей». Из этой типографии с именем Мстиславца связаны две первые книги: «Евангелие напрестольное» на 9 и 395 полулистах (808 стр.) с изображением четырех евангелистов, начатое печатанием 14 мая 1574 г. и оконченное 30 марта 1575 г., и Псалтирь на 249 полулистах, вышедшая в 1575 или 1576 году. Примененная в этих изданиях азбука послужила основой для так называемых «евангельских шрифтов», которые устраивались по ее образцу. Дальнейшая судьба Мстиславца остается совершенно неизвестной. В 1570 году напечатаны «Псалтирь с Часословцем» в 293 листа—586 страниц по 17 строк, той же московскою азбукой с фигурно-прописными буквами и заставками.

но, к сожалению, полного экземпляра этой книги еще не найдено. (Единственный, но не полный экземпляр хранится в Публичной Библиотеке.)

— Но если в Москве, где он блестяще преодолел технические трудности нового дела, пришлось так плохо первопечатнику, что он, спасая жизнь, а с нею и свое искусство, бежал, то и здесь пребывание было постоянно борьбою за свое призвание, за печатное искусство, и выдерживать эту невозможную борьбу ему помогало только воодушевление и взгляд на свое дело не как на ремесло, а как на подвиг, как на задачу, решению которой необходимо отдать жизнь. Закончив эти издания и уверенный, что нашел тихую пристань «рассеивать слова Христа по вселенной», он хотел приступить к новым работам, как Ходкевич, обласкавший первопечатника, вероятно, возбудил против себя неудовольствие в католическом духовенстве и шляхте своим покровительством какому-то московскому печатнику и славянскому (следовательно, православному) книгопечатанию. Это и побудило богатого вельможу оставить хлопотливое дело, после того, как он уже удовлетворил своей прихоти и честолюбию и напечатал две указанные выше книги. Ходкевич думал, что и Федоров будет рассуждать точно так же и, конечно, предпочтет спокойное житье и занятие хозяйством в своей деревне хлопотливому и тяжелому занятию печатным искусством, и поэтому, наградив его землей, приказал оставить печатное дело, а заняться хлебопашеством в своем селе. Но в этом идеалисте и страстном приверженце печатного дела Ходкевич встретил неожиданный отпор. Иван Федоров остался, как и прежде, стойким борцом за просвещение и распространение книгопечатания. Жутко было Федорову, когда

перед ним встал роковой вопрос: принять ли доброе предложение Ходкевича и заняться спокойным трудом на земле, или, во имя своей великой идеи, «распространять просвещение», пойти опять в новые, чужие места и там искать работы, отвечающей его призванию. Решившись на последнее, он говорит: «Если я от его милости пана Григория Ходкевича и был снабжен всякими телесными потребностями, и пищею, и одеждою, я не дорожил этим, неправды не позволял, хищения не желал, если и много стекалось богатства, не прилагал я к нему сердца своего, но готов был терпеть всякие скорби и беды, да множае умножу слово Божие и свидетельство Иисус Христово. Предложил мне пан Григорий Александрович заняться «земледелием» в подаренном мне селе и обещал мне всякую поддержку, но не мне заниматься сохой или сеяннем семян; призвание мое вместо сохи действовать художественным орудием и, вместо житных, сеять по всей вселенной семена духовные. Грех мне зарывать в землю талант, данный мне от Господа. Размышляя о том в своем сердце, горько я плакал: в своем уединении, множицею слезами моими постелю мою омочах». И вот он бросает все,—и обеспеченное положение, и «не малую деревню», забирает свой типографский запас и, нагрузившись дорогими ему орудиями своего дела, отправляется в Галицию, где Львов служил передовым постом православно-русской народности в борьбе с польщиною; здесь при Успенской церкви с давнего времени существовало братство и, как можно предполагать, и книгопечатание, прекратившиеся ко времени прихода Федорова. Утомителен и не легок был этот новый путь первопечатника. «Много скорби и беды обретоша мя на пути»,—говорит он в одном из своих послесловий, и что

особенно затрудняло его—это «презельное моровое пове-
трие, смерти тень окружила». Вот он в Львове, и все
скорбь рассеялись, как дым, и в сердце его любовь Божия
снова разгорелась духом святым, данным ему». Обращаясь
к Богу, он в трогательных словах говорит: «Податель хри-
стианам истинной премудрости, вразуми меня, и испытаю
закон Твой. Не отними от уст моих словес истины, ради
братий моих и ближних моих». Для нас, его последова-
телей, должна быть поучительна эта тяжелая нравственная
борьба Федорова за свое призвание, его удивительная
и непоколебимая стойкость среди всяких житейских невзгод
и соблазнов. В сравнении с его великим духом, как малы
и ничтожны кажутся те, кто высокое служение науке
и искусству скоро и легко меняют на другие, более выгод-
ные в материальном смысле карьеры. В Львове он встре-
тил новое испытание. Здесь пришлось выдержать борьбу
с общественным равнодушием. На устройство новой
печатни у него не было средств, и, чтобы достать их, он
ходил по домам «богатых и благородных людей», умолял
их о помощи, «творил метания, касаясь колен, кланяясь
ниц, припадая к лицу земному, каплющими слезами обмы-
вая их ноги», но все было напрасно, и глухи были к его
просьбам. Сердца большинства людей, окружавших его,
были черствы, и только несколько священников в храмах
своими проповедями-воззваниями призывали богатых при-
хожан поддержать своими жертвами новое дело—книго-
печатание. Но и эти проповеди не принесли пользы.
«И плакал он горькими слезами, что не нашел милующего,
ниже помогающего»; и откликнулись на эту его слезную
просьбу только «неци в перейском чяву, и инии не слав-
ний в мире, не от избытка, а от лишения своего». Надо

думать, что ему оказало серьезную помощь местное православное Успенское братство, что подтверждается грамотой короля Сигизмунда III, относящей основание типографии в Львове к 1572 году, то-есть к тому времени, когда туда как раз прибыл Федоров. Здесь, среди всяких скорбей и бед, им напечатан в 1574 году «Апостол Львовский» — в 278 листов — 556 страниц по 25 строк, с киноварью, по образцу Московского, той же азбукою, с теми же заставками и заглавными буквами. Издание это, за исключением предварительных статей на первых 14 полулистах и послесловия, совершенно не отличается от первенца русской печати — «Апостола» 1564 г., и даже рамка, окружающая изображение Евангелиста Луки, оттиснута Московскою доскою, хотя самое изображение и вырезано вновь, каким-то неизвестным, скрывшимся под инициалами W. S. В конце «Львовского Апостола» напечатан герб города Львова и знак типографа, с подписью внизу: «Иоанн Федорович, друкать Москвитин». В послесловии же, озаглавленном «Сия убо повесть изъясляет откуда начаса и как совершился друкарня сия», рассказывается, как и почему типографский станок из Москвы принужден был переселиться в Литву. Целые пять лет, кое-как перебиваясь, влачил он свое жалкое пребывание в Львове вместе со своим сыном Иваном, который был переплетным мастером. В конце-концов он дожил до такой крайности, что по архиву Львовского еврейского уезда, разбивавшего его дело, он принужден был заложить все напечатанные книги и принадлежности своей типографии за 411 злотых еврею Израиллю Якубовичу. Некоторые исследователи полагают, что здесь Федоров выпустил еще и другие книги, и основываются на документах Львовского Ставропигийского братства, а именно: 1) на вышеупо-

---

мянутом решении еврейского суда, где говорится о 140 книгах, заложенных Федоровым, и 2) на грамоте о книгопечатании епископа Гедеона Болобана к пастве, где говорится: «которого устроенного письма друкарского благодатию Божию показались церквам Божиим на потребу и православным христианам ко науке книг не мало». Но какие это книги, неизвестно. Очень может быть, что эти предположения вытекают из некоторых сведений о выпуске Федоровым «Львовского Апостола» вторично около 1576 года, но отличающегося от первого набором текста и картиною Евангелиста Луки и приложенной в конце королевской привилегией за подписью Василия Острожского и скрепою Герасима Даниловича, поэтому М. Максимович замечает: «это-то издание и заложил еврею Израилю в 1579 году». В 1580 году мы видим его на Волыни, в гор. Остроге, во главе большой типографии, устроенной там знаменитым князем Константином Острожским. Здесь Федоров в том же 1580 году, в виде пробы, напечатал в одной книге «Псалтирь» и «Новый Завет» на 494 листах = 988 страниц по 30 строк с черными заставками разных рисунков, с киноварью в надстрочных надписях и некоторых заглавных буквах, с гербом князя Константина Острожского и с знаком «печатника Москвы». К этой книге приложено предисловие, в котором после вступления с цитатами из Евангелия от Матвея и Луки, первопечатник обращается к князю и просит его принять это «рукоделие, яко первый овощ от дому печатного своего, Острожского». Затем, он приступил к печатанию своей знаменитой «Библии», которую и окончил 12 июля 1580 года; она состояла из 628 листов = 1256 страниц в 2 столбца по 30 строк. Эта книга, представляя собою совершенство

в печатном деле того времени, включала в себе впервые полную Библию на славянском языке. Следует заметить, что все шрифты, все заставки и типографские украшения этой книги были изготовлены и отлиты самим Иваном Федоровым и что внешняя красота книги вполне соответствовала тщательности и внутренним достоинствам ее текста. В Острожской Библии встречается текст различных шрифтов: 1) мелкий славянский (основной шрифт), 2) такой же величины греческий, 3) почти вдвое меньший славянский, 4) такой же греческий, 5) московский первопечатный и 6) крупный устарелый, заимствованный из тип. Мамоничей. По красоте выполнения шрифтов эта замечательная книга может быть смело сравниваема с лучшими изданиями еврейских типографий того времени. Можно предположить, что Острожская Библия набиралась и печаталась около пяти лет (1575—1580). Издание Острожской Библии было в свое время величайшим благодеянием для всех сынов русской церкви, не только западной, но и восточной, не имевших дотоле печатной славянской Библии, и поэтому оно остается до наших дней драгоценным памятником, так как было напечатано по списку, присланному из Москвы, и московским печатником, положившим начало книгопечатанию славянских книг для православной церкви не в одной московской, но и в западной Руси, и, вероятно, поэтому князь Константин, Острожский, посвятил ее величеству Божию («Величеству неизреченныя славы Твояе сие дело предлагаю»). Спустя 80 лет, эта Библия послужила оригиналом и образцом в типографском отношении при печатании первой Библии в Москве в 1663 году. В некоторых библиографических указателях упоминается еще 2-е издание этой Библии в 1581 году, в котором и буквы, и предисловие,

---

и расположение текста оставлены совершенно без изменений, и только выходной лист имеет пометку 1581 г., да в конце книги помещено маленькое послесловие. Но до сих пор остается все-таки нерешенным, было ли это действительно новое издание Библии, имеющей 1256 страниц, или же только некоторые изменения были внесены одновременно с перепечаткою выходного листа в одно и то же издание, и последнее предположение надо признать ближе к истине, так как слишком мало времени приходилось на вторичное печатание этого огромного издания. Третьим Острожским изданием, которое приписывается Ивану Федорову, была «Хронология», в 1 лист = 2 страницы одна против другой. Закончив этот труд, первопечатник, по причинам совершенно неизвестным, снова перебрался в предместье Львова Подзамче, из которого ему уже не удалось выбраться до самой смерти. Последние годы его жизни состояли из ряда непрерывных лишений. Нравственные муки сменялись материальными неудачами, и все крепче затягивалась мертвая петля долговых обязательств, достигших с процентами уже суммы 1.500 злотых. Мучимый гонениями и лишениями, но до последней минуты не бросивший любимого искусства, Федоров, заброшенный и бедный, окончил свою многострадальную жизнь, скончавшись 5 декабря 1583 года, и похоронен на кладбище Львовского Онуфриевского монастыря. В 1584 году решением Львовского еврейского суда все типографские вещи и книги, заложенные Ив. Федоровым, присуждены в собственность Израиля Якубовича. Из грамоты Львовского епископа Гедона Болобана видно, что после смерти первопечатника являлись какие-то покупатели книгопечатни, чтобы увезти ее в Москву, но львовские граждане, увлеченные Болобаном, устроили денежный

сбор, выкупили у Якубовича за 1.400 злотых имущество и этим положили основание знаменитой впоследствии Братской типографии.

И жертва зависти, презельных озлоблений,
И слуг невежества, он кончил нищетой,
Едва найдя могилу от гонений
В стране не нашей, но родной.
Изгнанник родины, нуждавшись даже в крове,
С сумой и посохом, усталый и в пыли,
Он все-ж почил в Славянском Львове
На лоне Галицкой земли.

Вот как кончил жизнь труженик, завещавший нам свое искусство, — труженик, редко вспоминаемый потомством за самоотвержение, с которым сумел провести свое дорогое печатное дело чрез все представлявшиеся ему препятствия и гонения. Но, к глубокому сожалению, невзгоды, преследовавшие Ивана Федорова при жизни, не оставили его и после смерти: могила его не сохранилась, так как кладбище при церкви св. Онуфрия упразднено; по упразднении кладбища, монастырь употребил надгробные камни на выстилку пола и на внутреннюю облицовку стен церкви. Среди камней, попавших на выстилку пола, был один длиною почти в сажень, продолговатый, четырехугольный, с подписью по краям: ... «друкаръ москвитин, который своим тщанием друкованіе занедбалое обновил, преставися в Львове року 1583 декабрь...». Посредине же «...упокоения воскресения из мертвых чаю. Друкаръ книг пред тым невиданных...» Между полустертыми надписями оказался и тот знак, который Иван Федоров ставил на своих львовских и острожских изданиях: река в поле, по

бокам которой начальные инициалы Федорова (И. Ф.); только вместо креста, увенчивающего верхнюю часть герба Федорова в первопечатных книгах, здесь помещен знак, похожий на угольник. Этот угольник, составляющий необходимое орудие для размера при изготовлении печатных букв, вероятно, служит здесь эмблемой типографского искусства. Камень этот находился в церкви еще в августе 1883 года, но не долежал всего несколько месяцев до 300-летия смерти нашего первопечатника, и когда, в связи с юбилеем, вспомнили о нем на нашей матушке Руси, то оказалось, что осенью того же года, при ремонте церкви и перестилке пола, лом каменщика разбил в кусочки этот наглядный памятник о замечательном русском человеке и талантливом первопечатнике. Так погиб, благодаря нашему равнодушию к родным великим людям, и памятник о Иване Федорове.

Пусть злая ненависть сломала
Плиту надгробную, лежавшую над ним,
И по распутьям гневно разметала
На радость пастырям чужим.
Печатный Двор в Москве, с печатнею во Львове,
Где Федорова дух невидимо царит, —
Они стоят, они в своей основе,
Прочнее всех могильных плит.

Таким образом, Иван Федоров не оставил после себя ничего, кроме книг. Имя его только изредка встречается в летописях, холодно упоминающих, что когда-то там-то страдал «мастер печатных дел» Федоров. Но даже и в этих отрывочных, кратких, сухих документах, как живой, встает перед нами чистый и светлый образ нашего

печатника, — образ, поражающий силой воли и ума; даже в этих отрывках мы видим, что всю жизнь, проникнутую сознанием выпавшего на его долю долга, он отдал новому и трудному искусству, встречая только неприязнь, явную вражду и недоверие, до последнего вздоха не пал духом, а бодро, с надеждой исполнял свое славное историческое назначение, — и вот в этом его главная заслуга перед родиной и потомством. Первопечатник принадлежал к категории тех скромных, молчаливых людей, которые, усвоив цель жизни, идут, не сворачивая, избранным путем к своей заветной цели. О них мало говорят, в суете житейской их иногда совсем не замечают, а если и заметят, то безжалостно гонят. Но зато такие люди, свершив свой жизненный путь, оставляют неизгладимо яркий след. Воспоминания об их трудах счастливо минуют века, переходя из уст в уста, слагаются в легенды, и для дальних потомков доходит их образ, быть может фотографически неточный, но все же правдивый и светлый. Первопечатник не был только простым исполнителем официального почина, он не был просто обыкновенным, хорошим работником, а представлял собою вдохновенного, полного энергии и любви мастера своего дела. В его сознании — печатное искусство являлось могучим орудием просвещения, поэтому он и отдал ему свою жизнь. «Слово Божие по всей вселенной рассеивати, всем раздавати духовную пищу», — вот его идеал, к которому были направлены его желания, все его стремления, и этому идеалу, несмотря на все невзгоды и превратности судьбы, он следовал неуклонно всю свою жизнь. Все труды его одухотворены одним заветным желанием: «да множае умножу слово Божие и свидетельство Иисус Христово». С его именем связана

целая серия книгопечатен, образовавшихся и в Московской, и в Белой Руси, и в Галиции, и на Волыни. В настоящее время образ многострадального первопечатника увековечен в стенах той Москвы, в которой началась его великая деятельность, и «друкарь книг, пред тым невиданных», стоя на одной из ее площадей таким же простым, каким рисуется в летописях, напоминает нам, как надо любить родное искусство, с каким мужеством надо переносить невзгоды, помня, что печатное слово — святыня, великое средство нашего просвещения и могучее орудие борьбы с тьмой. Да и, кроме этой бронзовой фигуры, каждая печатная книжка, каждый клочек бумажки, на котором тиснута хоть одна буква—все это представляет собою, несомненно, памятник нашему первопечатнику, и, пока будут встречаться клочки напечатанной бумаги, до тех пор будет жить и имя Ивана Федорова.

И в долготу веков на Руси необъятной, —
Покуда будет жив один хоть славянин,
Покуда льется свет науки благодатной
И топит мрак невежд в пучине безвозвратной, —
Во веки не умрет диакон Москвитин.

Невольно вспоминается надпись на одном из венков, принесенных к подножию памятника, на котором четыре слова как нельзя лучше характеризовали его жизнь. «Первому мученику русской печати» — вот эти слова, и каждый согласится, что, действительно, он был истинным мучеником науки и страдальцем за русское печатное искусство. Вот, дорогой мой, о нашем первопечатнике. Трудно сразу запомнить все, но не забудь хотя бы одного, что в день 5-го декабря, в предместье Львова, умер в нужде, лишенный

насущенного хлеба, старик, которого граждане города раньше знали за прилежного типографщика и о котором говорили, что он родом из Москвы. Этот бедный старик, умерший в нужде, в долгах, за которые у него отняли дорогие для него орудия: ставок печатный и шрифт, — был Иван Федоров, первый русский печатник, применивший в России великое изобретение И. Гутенберга. Человек, оказавший огромную услугу родине, положивший начало русскому просвещению, способствовавший умственному и нравственному росту своих братьев, умирает далеко от родины, лишенный средств, полуголодный. В награду за великое дело он получил жизнь, полную гонений и лишений, которую один из наших историков описал в нескольких строках: «Учился, трудился, старался, успел напечатать первую книгу в Москве, принужден был бежать, искал везде средств делать свое дело, кланялся, томился, плакал, становился на колени, падал на землю, унижался, подвергался всем гонениям, лишениям, терпел нужду, не заботясь ни о каких житейских выгодах и удобствах, лишь бы печатать, печатать, печатать, как можно более распространить слово Божие, свет Христов; скитался из места в место Христовым именем с своим художеством, из Москвы в Литву, из Литвы в Галичину, во Львов, из Львова на Волынь в Острог, где и имел счастье, через 15 лет после своего удадения из Москвы, напечатать, наконец, полную Библию; напечатал и ушел опять во Львов, где вскоре и сложил свои кости, опочив от трудов, славный друкарь книг невиданных». Правда, к стыду человечества, все люди, решившиеся взяться за первые опыты книгопечатания, испытывали гонения и неудачи, и чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы И. Гутенберга; все они терпели преследования,

---

всех обвиняли в том преступлении, которое тогда считалось самым ужасным — в ереси, все они принуждены были переселяться из родных мест и в этом переселении искать себе спасения и приюта, но у них это было как бы временное гонение, возникавшее от непонимания их деяний массами. Кто внимательно вспомнит прошедшее, тот не станет удивляться искреннему благоговению, которое мы должны питать к первой нашей книге «Апостолу», и как она должна быть дорога каждому русскому, и особенно типографу. Да не только первая книга, но и вся жизнь Ивана Федорова, со всеми ее невзгодами, как истинного бескорыстного борца за идею,—жизнь, полная страданий и бедствий, должна вызывать удивление и поклонение. Вспомни ту ее страницу, которая относится к пребыванию в Заблудове— это одна из прекраснейших страниц его жизни. Там он напечатал знаменитое «Евангелие» и получил приглашение заниматься хлебопашеством. Разве человек, не так сильно преданный своей идее, смог бы устоять против искушения, когда, с одной стороны, предстояли лишения, голод, с другой — спокойная, вполне обеспеченная жизнь в собственной деревне, и постарайся запомнить слова, что сказал он в эти тяжелые дни испытания: «Непристойным мне показалось заниматься плугом и хлебосеянием, когда в руках моих художество книжное, когда вместо книжных семян я должен сеять семена духовные по вселенной, раздавать всем духовную пищу. Но более всего меня страшило истязание Владыки моего Христа, непростанно вопившего ко мне: лукавый и ленивый раб, зачем не отдал серебра моего торжникам, дабы по пришествии я мог собрать свое с лихвою. В таких мыслях, оставаясь один сам с собою, я не раз слезами моими постелю свою

омочал и помышлял со страхом, как бы не скрыть в землю таланта, вверенного мне Богом». Разве мог так говорить человек, не предугадавший значения своего великого дела? Их мог сказать только тот, чье имя должно быть произносимо с благоговением всеми, кто не только является продолжателем дела первопечатника, но и понимает все могущество и значение печатного слова. Не забывай, что Федоров бросил спокойное Заблудово для того, чтобы переселиться во Львов и там со слезами вымалывать себе средства на продолжение своего дела. Даже и в настоящее время, когда мир пересечен железными дорогами, когда расстояния сократились благодаря всевозможным изобретениям, не много найдется людей, которые пойдут по стопам дьякона—словолитца, наборщика, корректора, метранпажа-печатника, фальцовщика. С той поры, как умер Иван Федоров, наша родина расцвела, выросла, покрылась тысячами типографий и насчитывает десятки тысяч последователей первопечатника, его деревянный станок превратился в машину, печатающую тысячу листов в час; нет мало-мальски значительного городка, в котором не было бы продолжения дела Федорова; тысячи периодических изданий, в миллионах экземпляров ежедневно разносятся по стране в самые отдаленные и, казалось бы, заброшенные уголки, книжная литература обогащается, ежедневно, все новыми и новыми произведениями по всем отраслям искусства и знаний, растет число школ, библиотек, читален. Одним словом, неудержимо развивается просвещение, и всему этому первый толчек дан Иваном Федоровым, все это начало его — простого дьякона Никологустынской церкви в Москве. Нет в живых Ивана Федорова, но живо его дело, и хотелось бы думать, что имя этого человека известно

его сородичам, что они знают, помнят и чтут его деяния. Увы, не только просвещенные сородичи в своей массе, но даже и те, кто являются его непосредственными учениками, совершенно не знакомы ни с жизнью, ни с трудами своего великого учителя. Что слова эти не являются преувеличением, доказательством может служить хотя бы открытие памятника этому человеку. Как было стыдно, глядя на 65 депутатов, насчитать среди них только 13, принадлежащих к печатному миру, и это при тысячах периодических изданий, типографий, издательств и книжных магазинов, эти 13 были высланы многочисленной армией людей и предприятий, которая продолжает его дело, и, конечно, они утонули среди археологических комиссий, которым оказался ближе и дороже страдалец за русское печатное дело, так как они явились в гораздо большем числе. Памятник открылся без мира печатного дела, но и с открытием его продолжается тот же культ нелюбви к нашему прародителю. Растет просвещение, растет самосознание, но с этим вместе гораздо быстрее растет и забвение такого, кажется, близкого и дорогого имени, как первопечатник. А забвение его очевидно. Нигде нет ни бюстов, ни портретов, ни биографий — все в памяти немногих людей, занимающихся историей, но не печатным делом.

— Да, это верно. А какая славная хоть и тяжелая жизнь, даже в ваших отрывочных словах. Она тянет к изучению подробностей и людей.

Когда я пришел к Иволгину для продолжения науки, он разложил передо мною с десятков красивых книг, представлявших из себя роскошные издания, вышедшие в последние годы, ласкавшие глаз своими переплетами и бумагой, и, перелистывая их одну за другой, сказал:

— Видишь, какие чудные издания—это работа русских типографщиков, но они, лаская и привлекая своей наружностью покупателя, обманывают его, они напоминают собою румяное яблоко, свалившееся с дерева, там тоже красота, но как только разрежешь его и посмотришь в середину, там черно, червь съел уже половину, и приходится разочароваться, и казавшееся таким вкусным яблоко предстает в своей неприглядной красоте. Так и эти книги. Вид хорош и соблазняет, так и хочется сказать, какая прелесть, как чудно выполнено, но взгляни внутрь на ее страницы, и там найдешь то же, что в яблоке, тоже наполовину никуда не годится, черви незнания, неаккуратности и технической безграмотности произвели в ней разрушение, и издание, взявшее много денег, в действительности оказывается выполненным самым варварским образом, набор так же безобразен, как в каждой листовке, верстка неряшливая, печать то заваливающая текст, то почти без краски, листы, после того, как раскрыл один раз книгу, вылезают из нее, только обложка и иллюстрация привлекают своим исполнением и обманывают покупателя. А ведь все могло быть хорошо, все правильно и аккуратно, если бы не это незнание элементарных правил техники. Посмотри хорошенько и не делай так, как в них сделано. Как редко попадается книжка, где с радостью видишь любовное отношение к делу, но такие вообще редки в наше время. Смотри, и пойдем дальше, прочтем из другого руководства, где указания верстки изложены еще подробнее и иногда значительно отличаются от предыдущего, что объясняется, главным образом, тем, что издание значительно позднее, и стало быть в нем учтено многое, что не было установлено прежде, а еще и тем, что составлено оно предста-

---

витеlem нации, наиболее аккуратно и тщательно относящейся к своей работе и широко пользующейся литературой.

«При определении формата набора по данному формату бумаги нужно иметь в виду два условия: смотря по содержанию книги, оставляют более или менее широкие поля вокруг полос. В книгах для практических целей, как, например, научные и технические сочинения и учебники, бумага используется больше, чем в книгах беллетристического содержания. Согласование ширины и длины полос не может быть ни в том, ни в другом случае произвольно, и если опытный типограф без помощи и правил и вычислений почти всегда находит верный размер, тем не менее определение ширины и длины полос и отношение их величины к величине бумаги основывается всегда на эстетическом правиле, которое всегда можно наблюдать как в произведениях искусства, так и в природе. Это правило, называемое золотым сечением, основывается на делении прямой линии, по которому меньший обрезок относится к большему обрезку, как больший к целой линии».

— Это мне не понятно, не ухватываю, в чем дело и как применить такое правило.

— Да сразу кажется, что правило непонятное, но в действительности совсем не так. Когда ты ознакомишься с ним по книге, где помещен пояснительный чертеж и приведен расчет, устанавливающий ширину и длину, то тебе сделается ясным золотое сечение, я же могу определить тебе его так: ширина относится к длине как 3 к 5, т.-е. если ширина 3 квадрата, то длина будет 5 квадратов, ширина 4 с половиной, то длина 7 с половиной квадратов, я нарочно беру такие разные цифры, чтобы тебе понятнее

было. Потом, когда покончим с чтением, я покажу тебе прибор, с помощью которого скоро и просто находить длину к какой угодно ширине. Да, здесь я скажу тебе, что в четырехдольном формате ширина полосы относится к длине, как 3 к 4, т.-е., если ширина 6 квадратов, то длина будет 8 квадратов. Ясно тебе?

— Теперь, конечно, ясно. Понял основательно.

«Ширина полосы обыкновенно назначается управляющим или фактором типографии, а длина указывается числом строк в странице; но если длина не указана, то метранпаж, по правилу золотого сечения, может ее установить сам. В тех случаях, когда приходится печатать какое-нибудь совершенно новое издание, то сначала набирается пробная страница и представляется на утверждение как управляющему типографией, так и автору и издателю.

«Для ясности и красоты книги весьма важно толковое и целесообразное размещение и набор надписей, глав и других подразделений.

«Большинство сочинений разделены на рубрики, т.-е. на главы, отделы и прочие подразделения, смотря по особенностям сочинения; надписи таких рубрик должны быть набраны более или менее крупным шрифтом, согласно их значению. Задача метранпажа—заботиться, чтобы надписи различных подразделений ясно отличались одна от другой, смотря по значению последних, и чтобы они набирались во всей книге безусловно одинаковым шрифтом.

«При выборе шрифтов для надписей рубрик можно руководствоваться правилом, что для обыкновенных надписей нужно брать шрифт, как самый подходящий, на две единицы больше, чем текстовой. Так, например, если сочинение набрано корпусом, то для надписей можно взять

обыкновенный миттель или терция, или полужирный цигеро, или жирный корпус; если текстовой шрифт петит, то для надписей употребляются или обыкновенный цигеро, или полужирный корпус, или жирный петит; наконец, для цигеро текстового надписи могут быть набраны обыкновенным терция, или полуторным миттель, или жирным цигеро. Какой из этих трех шрифтов когда нужно применить, это зависит от того, какой набор. Если набор разбит на шпоны и растянут в длину, то для надписей нужно взять шрифт на две величины больше, чем текстовой, но обыкновенного рисунка; если же набор, хотя и разбит на шпоны, но не растянут в длину, то надписи набираются шрифтом на одну величину больше текстового и полужирного рисунка; наконец, для сплошного и не разбитого набора выбирается жирный шрифт того же кегля, как и текстовой.

«Пробел над и под надписью зависит от того, какого кегля строка надписи. Хороший результат получается, когда промежуток между последней строкой предыдущей рубрики и надписью равняется двум строкам надписи, а промежуток между надписью и первой строкой новой рубрики — одной строке надписи. Линейка, отделяющая последнюю строку от надписи, должна находиться немного выше середины промежутка, т. е. ближе к последней строке. Но так как место, занимаемое надписью и промежутками, должно равняться известному числу строк текста, то разницу можно разделить над и под линейкою, увеличивая, таким образом, промежуток. Наконец, очень важно, чтобы промежутки были во всей книге одинаковы.

«Шрифты для двойных надписей определяются таким же образом, как и для предыдущей, обыкновенной надписи,

---

но только для главной надписи берется шрифт следующей, высшей величины. Так, например, если текст набран корпусом, то для главной надписи самым подходящим будет обыкновенный терция, а для второй надписи — дабы получилось чередование светлых и черных шрифтов,—полоторный цигеро. В сплошном, неразбитом на шпоны наборе вышеперечисленные шрифты могут быть заменены полужирным миттелем и жирным корпусом. Если надписи главная и второстепенная следуют непосредственно одна под другой, то промежуток (пробел) между обеими строками должен равняться переходной величине между обоими шрифтами; так, например, между терция и цигеро - строками пробел должен равняться миттелю (кегель 14), между миттель и корпус-строками — цигеро и т. д. Надписи рубрик не принято набирать шрифтами более крупных кеглей, чем выше указано, даже если, кроме второстепенной надписи, была бы еще надпись. В таких случаях очень часто третья надпись набирается кеглем меньше, чем текстовой шрифт полужирного или жирного рисунка, например, если текст набран корпусом, то такие надписи набираются полужирным или жирным текстом. Действительно, эти надписи должны не очень выделяться от текста, так что их можно иногда брать и обыкновенным курсивом, не больше текстового шрифта, или же разбивать на шпации тот же текстовой шрифт. Если три надписи рубрики различной величины стоят непосредственно одна под другой, то выглядит лучше, если между двумя из них поставить тонкую разделяющую линейку.

«В научных сочинениях, а также, вообще, в лучших изданиях надписи рубрик чаще всего набираются из прописных различных величин текстового шрифта. В данном

случае наборщик должен стараться не нарушать распределением разбивки надписей целость характера всего набора.

«В учебниках (хрестоматиях) и т. п. изданиях надписи обыкновенно мельче и разбивка уже; первое делается потому, что рубрики следуют одна за другой, а второе — с целью сберечь место. В журналах же всегда возможно придерживаться рекомендованных величин надписей и разбивки между строками рубрики.

«Остается еще вопрос, как поступить с такими надписями, которые не помещаются в одну строку и которые поэтому необходимо набирать в две или еще более строки. Если в каком-нибудь сочинении такие надписи встречаются часто, то на это обстоятельство надо обратить внимание уже при выборе шрифтов, которые в таких случаях могут быть на одну величину меньше. Разбивка таких многострочных надписей зависит от того, разбит ли текст на шпоны и на какой кегль; во всяком случае промежуток между такими строками должен равняться величине очка буквы, но если они набраны прописными буквами, то промежуток должен равняться приблизительно двум третям величины очка данного шрифта.

«Что касается набора в современном вкусе, главный принцип которого — спокойный вид печатной страницы, то в нем надписи рубрик набираются по совершенно иным правилам, чем в вышеприведенных примерах. Здесь строки надписей не должны выделяться от остального текста ни черного рисунка шрифтом, ни очень большими промежутками между строками. Некоторые авторы вытесняют совершенно все надписи в странице и помещают их на крупных полях страниц, набранными мелким шрифтом

в виде боковых выносок. Начало же новой рубрики в тексте они или вовсе не обозначают, или обозначают инициалом.

«Если надписи рубрик помещены в тексте, то их выключают во всю ширину набора, заполняя, если нужно, неполные строки кусками орнамента или бордюра; разбивка бывает весьма незначительная, например, место, занимаемое одной строкой надписи и верхним и нижним промежутками в лист взятое, равняется только двум строкам текстового шрифта.

«Еще один из излюбленных приемов современного набора — ставить строки надписей впереди текстов. Надпись в таком случае набирается из шрифта, тождественного по рисунку с текстовым, но более крупным по кеглю, или полужирным, а когда и прописными, и ставится впереди двух-трех строк; такой способ весьма удачен, так как он несколько не нарушает спокойный вид страницы».

— Сколько разнообразия приемов указывает это руководство, просто голова идет кругом, Дмитрий Андреевич. Снова делается боязно, что не запомнишь и не выучишь всех этих премудростей.

— Пустяки. Не пугайся попусту. Как только начнешь работать по этим указаниям, то, сверстав одно, много два издания по одному из перечисленных примеров, привыкнешь и не запнешься в следующих. Понятно, чтобы не напутать, на первых шагах проверяй свои действия по книжке, ищи в ней ответов на возникшие вопросы и разрешения затруднений, и дело пойдет, такие ли по трудности науки даются человеку, а это-то поддается, только не робей и не бойся отступить от той чисто механической работы, которую видишь вокруг себя, и современем будешь

так же быстро, только несравненно лучше верстать, чем, например, верстает наш Квадратов. Но ты отвлек меня. Материалу на сегодня еще много, и давай спешить вперед:

«Как сверстать первую (начальную) полосу текста, зависит от того, как набраны надписи рубрик. Первый вопрос заключается в том, какой величины должен быть отступ сверху первой страницы в книге, а второй— как она вообще должна быть сверстана. Но как раз относительно этих вопросов мнения бывают различны. Если мы просмотрим двадцать книг, то едва ли найдем две, которые в этом отношении были бы исполнены одинаково. Установить правила, которые пригодны были бы при разных случаях определения отступов, невозможно уже потому, что отступ зависит, как мы уже сказали, от надписей, а также и от того, какого рода издание. Но, вообще, в последнее время заметно стремление к уменьшению отступов в начальных страницах; особенно это можно сказать про книги, издаваемые в современном вкусе: в них нередко начальная полоса начинается наравне с остальными, совсем без отступа, даже и в тех случаях, когда отсутствуют надписи. Но, тем не менее, в таких случаях начало набора должно быть отмечено по меньшей мере инициалом, так как такое «тупое» начало противоречит всем правилам хорошей верстки и набора.

«Можно принять за правило, чтобы в начальной полосе текст начинался на высоте линии деления по золотому сечению, а надписи рубрик и частовка заполняли бы свободное место, находящееся выше этой линии. Заставка, помеченная вверху начальной страницы, должна начинаться на том же месте, где находятся первые строки остальных полос. Надпись в таких случаях ставится так, что между

заставкою и надписью промежутков, равный двум строкам надписи, а между текстом и надписью — равный одной строке надписи. Во всяком случае, промежуток между заставкою и надписью не может быть больше, чем верхнее поле бумаги, считая поле после обреза при переплете; даже при щедро разбитом на шпоны наборе это недопустимо, так как заставка принадлежит к тексту, во всяком случае, составляя украшение его.

«Если в начальной полосе, не имеющей никакой надписи, нужно поставить заставку, то и в данном случае промежуток между заставкою и началом текста не должен превышать ширину верхнего поля бумаги: лучше всего, если промежуток равняется двум третям его. В современных изданиях заставки отделяются от надписи весьма незначительным промежутком, равняющимся самое большое одной строке текста.

«Все вышесказанное относится и к инициалам, или начальным буквам, которые употребляются также для украшения начальных страниц. Но так как инициалы бывают различных рисунков и форм, то, понятно, строго определенных правил к их применению нет и не может быть. Опытный наборщик или метранпаж должен обладать некоторою долею вкуса, чтобы самостоятельно разобраться, как в данном случае лучше выключить инициал. Кроме того, существующие правила иногда настолько расходятся, что прямо противоречат одно другому.

«Концевую полосу, особенно если она не полная, принято заканчивать линейкою или концевую заставкою. В простых изданиях, не имеющих ни инициалов, ни заставок, ни других каких-либо украшений, в концевой полосе после текста ставится обыкновенная тонкая линейка или

не слишком вычурная узорчатая линейка. Но если в начале книги и в начале глав применялись заставки, то и в концевой полосе, конечно, если она не полная, ставится концевая заставка, рисунок которой должен гармонировать с рисунком заголовочных заставок. Для постановки этих концевых заставок и кончиков можно опять пользоваться правилом золотого сечения, и именно таким образом, чтобы они помещались на высоте линии деления. Остроконечные концевые заставки ставятся так, чтобы их точка тяжести пересекалась линией деления.

«Примечания или подстрочные выноски набираются шрифтом первой или второй меньшей величины, чем текст, но безусловно того же характера. Примечания отделяются от текста тонкою линейкою. Линейка выключается в начале пробельной строки и помещается на одинаковом расстоянии как от текста, так и примечания. Пробельная строка должна равняться строке текста. Отступ первой строки примечания должен быть такой же, как в тексте; так, например, если текст набран корпусом с отступами в полтора круглых (15 пунктов), то и первые строки примечаний, набранные петитом, должны быть с отступом в 15 пунктов, а не полтора круглых петита, как часто делается.

«Если текст разбит на шпоны, то и примечания должны быть разбиты, но только на шпоны, соответствующие величине шрифта, т. - е. на более тонкие, чем употребляли для текста.

— Вот уж этого я и не замечал никогда, а всегда делают отступ в примечаниях из расчета круглых: одна круглая в тексте, значит и в примечаниях тоже одна, а действительно, это некрасиво, ведь в одной и той же

странице получаются различные отступы и всем как будто невдомек.

— В том-то и дело, что невдомек. Скажу больше, иногда, да и нередко, в самом тексте различной величины отступы, и появились они там такими потому, что каждый наборщик устанавливает их по своему разумению, а не общему правилу, и такое безобразие мне приходилось видеть на страницах по наружному виду изящных изданий. Когда ты будешь читать книгу Ф. Бауэра, обрати внимание на ее верстку, и она послужит тебе, помимо своего внутреннего содержания, еще и видом своих страниц, тщательно сверстанных, хорошим руководителем; так, в ней отсутствуют переносы слов с одной страницы на другую, и это покажет тебе, что, при желании, можно добиться многого, если не всего, и что требования руководств о выполнении выставляемых ими технических правил вполне выполнимы.

— Неужели нет ни одного, а мне и не заметно было, когда я смотрел ее, хотя и заметил, что страницы издания выглядят красиво.

— Не заметил от того, что и не знал такого правила, а когда узнал, то теперь будешь замечать. Поэтому-то я и советую приглядываться к каждой книжке, и когда ты будешь поступать так, то у тебя скоро создастся опыт, и глаз будет быстро и легко усваивать вкравшиеся неполадки, а такое улавливание сделает тебя знающим работником. Затрагивая вопрос о самой полосе, ее правильности, Бауэр говорит:

«Что в одной книге все страницы должны быть одинаковой длины и что все страницы должны иметь одинаковое число строк, должен знать, мы думаем, каждый наборщик. Но придерживаться на практике этого правила

не так просто, как оно кажется при поверхностном взгляде отпечатанной книги, и часто бывают случаи, которые могут заставить метранпажа изменить ему. Так, например, нередко случается, что после того, как в полосе помещено определенное число строк, остается еще концевая строка, или последняя строка какого-нибудь абзаца. Начинать такой строкой новую полосу не принято ни под какими обстоятельствами, а если иногда по незнанию или по небрежности метранпажа такая строка все-таки перенесена на следующую полосу, то типографы называют ее весьма не лестным именем. Итак, концевая строка должна быть помещена или в ту же полосу, или перенесена, но только вместе с предыдущей строкою на следующую страницу. В первом случае в полосу нужно «вогнать» одну строку, что достигается уничтожением какой-нибудь короткой, из двух-трех слов состоящей, концевой строки, помещая слова в предыдущих строках; во втором случае нужно одну строку «выгнать», т. е. увеличить пробел между словами и переключить несколько строк в таком абзаце, который оканчивается полною, или почти полною концевою строкою так, чтобы из последней можно было отнять несколько слов, сколько нужно для новой концевой строки. Если в последней сверстанной полосе не найдется таких абзацев, то добросовестный метранпаж просмотрит по порядку все предыдущие полосы, нельзя ли в них вогнать или выгнать одну строку; тогда, конечно, приходится все последующие после такой полосы страницы переверстать. Наконец, в крайнем случае, можно обратиться к автору книги с просьбою помочь выйти из этой беды, вычеркивая или прибавляя несколько слов. В наборе хотя сколько-нибудь порядочной книги место отсутствующей строки

нельзя распределять вставкою лишнего шпона между концами и началами абзацев, так как этим портится не только картина отдельной страницы, но — при частом повторении этого приема — и вся книга. Даже нормальные пробелы между надписями не могут быть ни увеличены, ни уменьшены.

«Так же не должно быть места обычаю делать в вышеуказанных случаях полосу просто на одну строку короче или длиннее, и порядочный метранпаж никогда этого не допустит. Сюда же относится признанный некоторыми наборщиками взгляд, что, при верстке двух или много столбцовых полос, последний столбец может быть на одну строку короче, если общее число строк не делится без остатка на число столбцов. Метранпаж, который любит порядок и относится к своему делу добросовестно, найдет выход как в первом, так и во втором из этих случаев или уничтожением, или прибавлением одной строки; он даже не поленится переверстать уже некоторые сверстанные полосы, если только думает, что этим может устранить упомянутые затруднения.

«В сколько-нибудь хороших изданиях также недопустимо, чтобы на последней строке полосы начинался новый абзац. Во-первых, отступ в последней строке нарушает прямоугольную форму полосы, а во-вторых, концевая строка, предыдущая первой строке абзаца, почти всегда бывает не полная; этот пробел, вместе с отступом в последней строке, портит весь вид страницы. Таким образом, первую строку абзаца нужно перенести или в новую полосу, или — если ее оставить в конце полосы — прибавить к ней по крайней мере еще одну строку. Чтобы этого достичь, метранпаж поступает как выше

сказано, т.-е. вгоняет или выгоняет одну строку. Старинные типографы считали отступ в последней строке полосы столь же тяжким преступлением против хорошего вкуса, как и нахождение концевой строки в начале полосы.

«К юстировке полос относится также внимательное систематическое вычисление пробелов над надписями и под ними, а также отступы сверху в начальных полосах и заполнение неполной концевой полосы. При верстке полос раньше пользовались деревянной полосною меркою, на которой длину полосы отмечали зарубкою. Но так как такая мерка весьма ненадежна, то ее следует совсем вытеснить из употребления. Выше, как шрифты, так и весь остальной материал отличны и изготовлены вполне систематично, так что при верстке гораздо надежнее высчитать размер данного пробела в пунктах, как пробельные строки сверху и снизу полосы, так и промежутки между сторонами надписей должны равняться известному числу строк текста, тогда и длина полос всегда будет одинакова. Но для ускорения и облегчения измерения длины полос можно употреблять полосную мерку, составленную из марзанов или крупного кегля линеск.

«Когда полоса сверстана на требуемую длину, то внизу приставляется нижняя пробельная строка, т.-е. после последней строки текста прикладывается реглетта, но если пробельная строка составляется из квадратов, то между нею и последнею строкою текста непременно нужно для большей устойчивости набора проложить шпон; такая пробельная строка предохраняет набор от рассыпания последней строки текста во время развязывания и приготовления формы в машину. Какого кегля квадраты или реглетты должны быть поставлены в пробельной строке,

---

зависит от следующего обстоятельства. Дабы облегчить обкладывание формы форматом для подготовки ее в машину, полосы следует верстать длиною, по возможности, в полное число квадратов. Хотя по большей части принято пробельную строку ставить в 12 пунктов или из квадратов такого кегля, которого имеется большее количество в типографии».

— Уловил ли ты разницу между Коломниным и Бауэром? Первый допускает верстку полосы на одну строку длиннее или короче, а второй совершенно исключает такие положения. Кто же прав из них, может явиться вопрос, и поэтому я хочу высказать тебе свое мнение об этом разногласии. Прав, конечно, Бауэр, так как его советы сохраняют красоту страниц книги, но он требует работы головой и известного рода смекалки; Коломнин, идя навстречу затруднениям метранпажа и желая облегчить задачу, позволяет удлинить или укоротить. Но где же будет единство страниц, если в ней несколько страниц будет длиннее, несколько короче, и вся она предстанет пестрой длиной своих полос. Представь себе вид раскрытой книги, и перед глазами две различной длины страницы — разве это красиво будет выглядеть? Безусловно нет, а если нет, то и нельзя допустить такой погрешности.

— А если никак нельзя избежать таких удлинений или укорочений?

— Всегда можно при желании, это же ерунда, когда говорят подобные фразы. Надо найти выход, и снова я отсылаю тебя к книге Бауэра, выдержанной от начала до конца в следовании и применении тех указаний, которые изложены на ее страницах. Наконец, почему можно делать две рядом стоящие страницы различными по их ве-

---

личине, а необходимо соблюдать одинаковые шрифты надписей и разбивки — это всегда отстоит дальше один от другого, и, конечно, не будет замечено читателем. Да так и поступают иногда в изданиях, так называемых «для народа». Но где же тогда единство? У нас привыкли давать народу издания не только скверные по своему содержанию и скверно составленные, но еще и безобразные по типографскому выполнению: «ен все съест» — вот как можно определить такое отношение. А между тем в этом отношении к дешевой книге и заключается слабое развитие художественного чутья у читателя в его массе. Получая в руки безграмотную и отвратительно выполненную книгу, он не может оценить ее прелести, комкает или швыряет ее как попало, тогда как тот же читатель, получив в руки красивую книгу, уже бережно укладывает ее на надлежащее место, он уже говорит своим детям: «не пачкайте, не бросайте, видите какая красивая книга». Правда, неряшливость таких народных, да и массы не народных изданий всегда пытаются объяснить и оправдать необходимой дешевизной, — грустное заблуждение. Неряшливости следует и можно избежать, и должно во всяком издании избегать, считая, что книга есть всегда прежде всего книга, и, как таковая, служащая проводником просвещения и культуры, должна по виду быть вполне культурной, как по содержанию просветительной, и достигнуть своего назначения она может любовным отношением к ней работника, из рук которого она выходит. Ну, несколько слов того же автора о стихах, и, кажется, конец.

«Чтобы набор стихов выглядел хорошо, нужно набирать так, чтобы строки, несмотря на их различную длину, находились, по возможности, на середине формата.

Если дело идет о наборе целого собрания с стихотворениями разного рода, то набор и верстка полос требуют особенного вкуса и опытности, так как почти каждое стихотворение имеет особую ширину.

«Если стихи разделены на строфы, то между отдельными строфами оставляются промежутки, из которых каждый равняется кеглю того шрифта, из которого набирается текст, когда же набор разбит на шпоны, то промежуток увеличивается еще на кегль шпона, так, например, если стихи набраны петитом и разбиты на двухпунктовые шпоны, то промежуток между строфами должен равняться двенадцати пунктам.

«При верстке стихов не всегда полоса оканчивается полною строфою. Очень часто приходится строфу делить и переносить часть ее на следующую полосу. Но переносы не могут быть делаемы произвольно, на любой строке. Во-первых, одну строку какой-нибудь строки нельзя ни переносить в следующую полосу, ни оставлять в предыдущей. Далее, нельзя делить две или три строки, составляющих какое-нибудь целое предложение» (Ф. Бауэр).

— На этом остановимся пока. Я старался взять самое главное и простое, остальное найдешь сам.

— А вы хотели сказать что-то насчет золотого сечения, если немного, то уже не откладывайте, Дмитрий Андреевич.

— Это всего несколько слов. Давеча я говорил тебе, что всякое издание не может быть признано совершенным с точки зрения печатного искусства, если в нем недостаточно соблюдены пропорции размеров, и поэтому, как бумага, так и набор, должны быть в соответствии один к другому. Естественный закон пропорции, встречающийся:

повсюду в природе и в нашем теле, получил название «золотого сечения» или «золотой пропорции», производит деление одной линии таким образом, чтобы меньшая часть относилась к большей так, как большая к меньшей. Как рассчитать по меркам длину, ты слышал, но для более легкого определения пропорций деления следует применить так-называемый «золотой циркуль» доктора А. Герингера: короткие ножки этого циркуля соответствуют 5 частям, длинные — 8 частям. Любое раскрытие его показывает посредством коротких ножек меньшую часть пропорции, а посредством больших — большую часть. Такой циркуль можно легко изготовить из старых и испорченных линейек или из полосок толстого картона; для этого возьми то или другое в 13 квадратов, и, отмерив пять квадратов, соедини линейки каким-нибудь шпильком, получится нечто вроде ножниц, и тебе при помощи такого прибора будет легко находить нужную величину. Скажем, набор в 6 квадратов, приложить раздвинутый циркуль меньшим концом к строке в 6 квадратов и раздвинутые большие ножки дадут длину. Вот взгляни, как у меня устроен этот циркуль.

И он достал из стола небольшую коробку, вынул и показал циркуль, сделанный им из картона, и тут же на книжке продемонстрировал его применение, и оказалось, что те три книги, к которым он приложил циркуль не соответствовали золотому сечению.

— Это оттого, что опять-таки никто не знает о существовании и назначении золотого циркуля, и никогда его не видел, и когда я как-то принес и показал его нашему Квадратову, то над «машиной для верстки», как он назвал его, только посмеялись мои товарищи, и с тех пор он ле-

---

жит в моем столе без употребления. Ты молодой и с будущностью, сделай себе такой же и, когда потребуется, применяй циркуль, и увидишь, как облегчится твоя работа и какой приятный вид примут страницы, сделанные по его раздвинутым концам.

— Неужели и все, Дмитрий Андреевич, и наши беседы кончились?

— Нет, отчего же, будем еще может беседовать, но из книжек, я, кажется, все прочитал тебе, теперь, как говорится, тебе и «книги в руки», иди дальше.

— Ну, а насчет титулов или акциденции вы не скажете ничего, когда-нибудь.

— Если хочешь, скажу и об акциденции, но только, дорогой мой, в другой раз.

Когда я ознакомился со всеми этими правилами и с возможной для меня тщательностью стал присматриваться к тому, как верстается у нас в типографии, то еще лишний раз убедился, что все делается кое-как, главным образом наглаз, наощупь. Теперь мне сделалось понятным постоянное мучение с марашками при печатании форм на машинах, эта неизбежная почти кривизна. Я наблюдал, как Квадратов запикивал между надписью или в абзацы шпоны, усердно постучав по боку набора крупным марзаном, связывая полосу, и считал это версткой. Один раз я попробовал вызвать его на разговор о правильности верстки, но получил такой энергичный отпор, сопровождаемый самыми отборными ругательствами, что у меня отпала охота подходить к нему с такими разговорами, мне пришлось сознаться в душе, что он неисправим. Мне было тяжело, стыдно за свое бессилие бороться с такими людьми, но что делать, меня губила моя молодость, и я по-

---

корялся. Помню, как, получив для исправления сверстаный лист с довольно большой корректурой и наткнувшись на уничтожение одной строки в полосе, я спросил Квадратова:

— Скажите, пожалуйста, придется переверстать эти полосы, так как здесь убывает одна строка.

— Еще чего придумал — переверстать. Как вы любите зря время тратить — разбей по абзацам шпонками.

— Да ведь это не хорошо, обезобразим страницу.

— А ты не учи старших, побольше тебя понимаем. Делай, как говорят, и все тут.

И пришлось делать, хотя и сознавая, что заведомо безобразжу издание. Это самое тяжелое. Вспоминались слова «счастлив, кто спит», кто с спокойной совестью творит дело, которое не понимает, ему легко и ничто не тревожит душу, другое дело те, кто уже понимает окружающее, этим тяжело, их мало, и они бьются, как птички в силках, бессильные разорвать их и вырваться на свободу, к сознательному труду.

Когда мы снова сошлись с Иволгиным, он с своей милой улыбкой, встречая меня в своей квартирке, сказал мне:

— Что, друг мой, не везет тебе, и враги наши энергично отстаивают свои заблуждения, даже и не пытаюсь задуматься над вопросом, не ошибаются ли они действительно и не прав ли тот, кто задает им недоумные по их мнению вопросы. Но продолжай, продолжай, не уставая, учись, в будущем извлечешь пользу, и, кто знает, может быть тебе еще удастся обратить кого-нибудь в нашу веру. Я не питаю такой надежды, стар и слаб, ты молод и, не смотря на кажущуюся слабость, все-таки силен, хотя бы,

---

именно, этой самой молодостью. Когда понакопишь побольше знаний и смелости, то сделаешь хорошее дело. Сейчас достанем книжку и читаем об акцидентии. Это сочинение А. Вальдова в обработке известного тебе уже Ф. Бауэра, хотя и в читаемых нами руководствах найдешь много интересного по этому вопросу.

— Как, разве и такой есть? Какое же название вашей книги?

— Название такое: «Учение об акцидентном наборе», выпущено в 1900 году и тоже не получившее распространения. Вальдов подробно останавливается и разрабатывает предмет, которому посвятил свой труд. Издатель книги так говорит в своем обращении к читателям: «будучи сам акцидентным наборщиком, я всегда наблюдал слабую подготовку своих товарищей по делу; думая, что немаловажной причиной этого печального явления служит отсутствие специального сочинения по акцидентному набору на русском языке, я задумал перевод и издание этого сочинения, считающегося в Германии одним из лучших. Будем больше читать, и тогда мы сумеем поднять и у себя в России прекрасное типографское искусство», из этого ты видишь, что и этим издатель пришел к выводу; «что царит слабая подготовка», но он, найдя причину, не смог дать средства, могущего увеличить подготовку, так как «учение» осталось без учеников-читателей, которых не нашлось, за исключением единичных явлений, для интересного издания. Автор в предисловии тоже обращается к читателю (правда, немецкому) с такими словами: «может показаться по меньшей мере неблагоприятной задачей писать учебник по акцидентному набору, и отчасти это верно; но только отчасти, потому что, с другой стороны,

---

сюда подходит и следующая поговорка: «пусть все находится в вечном движении, в нем царит спокойный дух». В акцидентном наборе этим «спокойным духом» являются известные правила, которые с течением времени сложились и были точно установлены при всяких переменах формы шрифта и украшений. Знакомство с этим основным учением не только облегчает акцидентному наборщику задачу, но оно составляет также основу всякого самостоятельного творчества. Видишь, автор определенно утверждает, что правила установлены вне зависимости от шрифта и украшений, изменения которых все-таки не меняют правил, оставляют их неизменными, и следует прочно усвоить их; это, конечно, труднее, чем правила о наборе и даже верстки, но и они усвояемы, в особенности, если применение их будет развиваться практическими работами. Будем читать.

«Не всякий наборщик способен к акцидентии, даже если в своем деле он является выдающейся силой. Пост акцидентного наборщика с выгодой для дела может быть доверен только тому, кто является во всех отношениях точным и исполнительным наборщиком, детально знаком с выключкою строк и юстировкой (правильное выравнивание линий) в своем наборе. Он должен обладать восприимчивостью и наблюдательностью также и в том, что не так близко касается его области, точнее ко всему прекрасному.

«Акцидентный наборщик должен беспрестанно упражняться в рисовании, если он хочет творить самостоятельно и произвести что-нибудь оригинальное.

«Почти каждая акцидентная работа, в объеме, представляет нечто новое и самостоятельное. Поэтому-то

и невозможно установить соответствующие правила для каждого случая. Хотя следующее правило одинаково относится ко всем видам титульного набора, но особенно надо его соблюдать при выборе шрифта для книжного титула: шрифты должны быть одной резьбы. Даже при самых свободных акцидентных наборах надо исключить соединение «рактур и антиква, как самых больших крайностей в нашем шрифтовом материале. Чем больше мы употребляем стилевые шрифты (медиаваль, готик, швабахер), — тем больше лежит на нас долг единства в их выборе.

«Задача наборщика раньше всего вдуматься в содержание манускрипта, подлежащего набору, затем разделить строки сообразно содержанию, чтобы читатель с первого взгляда усвоил мысли, высказанные в титульных строках. Выполняя набор, он раньше всего должен отделяться от главной строки, в большинстве случаев самой большой и широкой, так как характер ее шрифта часто оказывает решающее влияние на выбор шрифта для остальных строк.

«Надо принять в соображение один технический обычай в титульном наборе, служащий специально помощником при достижении хорошего расположения строк: это разбивка шпациями отдельных титульных строк. Мы желали бы, чтобы основным правилом было: титульные строки вообще не разбивать шпациями. Потому-то ведь во всех случаях разделение шпациями служит красивым пластырем, которым закрываются слабые места, будь то недостаток шрифта или недостаточная ловкость наборщика в выборе шрифта. Узкие шрифты, вообще, не должно разбивать, разве только для встраивания некоторых неправильностей; средние шрифты — только в случаях величайшей важности или когда надо сделать несколько реже

строку плотной резьбы. Следует избегать в титульном наборе помещения двух разбитых строк одной под другой.

«При выключке титульных строк с сокращенными словами, где благодаря точке уже образовался промежуток, надо следить, чтобы после нее повтому находилось большее пространство, чем между словами, не сокращенными. Добросовестный наборщик будет придерживаться этого правила и в строках меньшего размера.

«На-ряду с выбором известного характера шрифта и определением расположения строк надо упомянуть обстоятельство величайшей важности: это распределение свободного пространства между строками в титульном наборе или разрядка — как это сокращенно называют, это распределение вовсе не прихотливо; оно основано на правиле, гласящем, что пространство между различными главными строками, как и группами строк, должно быть одинаково (не принимая во внимание маленькие междустрочные слова «и» «в»).

«Каждый вид книжного титула требует особых приемов. Выполнение обыкновенного титула сочинений требует таких же приемов, как само сочинение. Если в последнем соблюдено строгое единство шрифтов, то к тому же должно стремиться и в наборе титула; если же рубрики набраны различными шрифтами, то подобное же смешение допустимо и в титуле» (А. Вальдов).

— Здесь я набрасываю только некоторые мысли, даю только основы этого интересного сочинения, имеющего почти полтора ста страниц, с многочисленными наглядными примерами и образцами. В самой книге найдешь все, что тебя интересует, и так как я не могу указать, где ее можно приобрести, то дам в пользование мой экземп-

---

ляр, который, надеюсь, сохранится в том же виде, в каком он у меня. Я страшно не люблю пачканных книг, и прошу беречь это руководство. Держать же его можешь столько времени, сколько потребуется тебе, спешить не к чему. Чтобы тебе легче было усваивать технику этой отрасли, и так как до сих пор все сведения, передаваемые тебе, я брал из двух руководств, то наберись терпения и послушай, что говорится в них по этому вопросу.

«Набор титула или обложки зависит от вкуса наборщика, от его умения выбрать подходящие шрифты и способности расположить разнообразные строки набора так, чтобы они производили красивое впечатление. Если наборщик не обладает вкусом, т. е. чувством изящества и красоты, если для него безразлично какое бы то ни было сочетание линий или цветов, то сделанный им титул или обложка представляет лишь нестройное и беспорядочное соединение самых неподходящих шрифтов, украшений и проч.

«Развитой наборщик, взглянув на оригинал, сразу поймет и оценит относительное значение и важность тех или других строк и сообразно с этим станет подбирать подходящие шрифты.

«Следует избегать расположения строк титулов и обложек конусом или пирамидою, основаниями вверх или вниз — безразлично — это некрасиво. Гораздо лучше придавать всем строкам различную длину и чередовать их между собой.

«Не следует выбирать для обложек и титулов фантастических и вычурных шрифтов; особенно должны быть просты обложки и титула серьезных сочинений. По возможности, следует выбирать шрифты одного характера, т. е.

более или менее сходные между собою по очертанию очка» (П. Коломнин).

— Специально об акциденции этот автор говорит очень немного, ей он отвел всего одну страницу, где, между прочим, высказывает.

«Никаких определенных правил для акцидентного набора нет и не может быть, так как здесь все зависит от личного вкуса наборщика, необходимо, чтобы сочетание набранных строк между собою, а также вместе с украшениями производило красивое впечатление на наш глаз. Из одного и того же набора материала можно сделать и хорошую и дурную работу, глядя по тому, как распорядиться этим материалом. Акцидентный наборщик в некотором роде архитектор или музыкант-композитор. Он должен, как и они, обладать живою фантазиею, вкусом и особою способностью представления».

— Значительно больше времени уделяет титулу и акцидентным работам Ф. Бауэр в своем руководстве, в предисловии к которому его переводчики на русский язык В. Анисимов и Т. Шиварс, затрагивая вопрос об акциденции, пишут: «Глава об акцидентном наборе изложена только в основных чертах, так как под словом «акциденция» подразумеваются столько особых, друг от друга резко отличающихся видов набора, что для изложения всех сюда относящихся правил требуется самостоятельное руководство, «Учение об акцидентном наборе» Александра Вальдова. Эту, поистине, классическую книгу необходимо приобрести каждому акцидентному наборщику, каждому желающему стать таковым — вот указание, которое когда-нибудь будет принято наборщиками, и тогда, ознакомившись с этой книжкой, они поймут, как много потеряно ими

только потому, что никто не понимал значения технической литературы, никто не слушал тех одиночных голосов, которые раздавались время от времени, проповедуя необходимость знакомства с техническими правилами по печатному делу. Но все-таки в книге Бауэра не мало сказано, и между прочим вот что:

«Набор главного титула требует от своего исполнителя прежде всего хорошего вкуса, которым, к сожалению, обладают немногие наборщики. В виду этого набор титула нередко поручается выполнить акцидентному наборщику, которых у нас в России чрезвычайно мало, хотя присваивающих себе это название чрезвычайно много. Казалось бы, каждый книжный наборщик должен уметь и считать честью набирать хорошие титулы, но, к сожалению, таковых нет у нас.

«Что касается до подбора шрифтов, то при этом нужно руководствоваться характером текстового шрифта. Книга, текст которой набран обыкновенным шрифтом, требует и титул из обыкновенных шрифтов, но только больших кеглей. Для книг научного содержания самым красивым и подходящим будет титул, набранный целиком из прописных букв.

«В том главным образом состоит искусство титульного набора, чтобы при всяком данном тексте и данном характере шрифта суметь найти красивое расположение строк. А что касается их расположения, то наборщику, одаренному вкусом, открыто столько дорог, что он всегда может найти удовлетворительный выход из всякого положения.

«Исходя из того, что книжный титул должен быть рассматриваем как свободно висящий оригинал, пришли

к заключению, что строки, соединенные в одну группу, выглядят лучше всего, если они расположены в следующем виде:

Эту форму нужно использовать главным образом при расположении главных строк титула, а потом, по возможности, повторить в различных ширинах при расположении остальных строк. Что касается ширины строк, то всего лучше, если они суживаются равномерно во всем титуле.

«Пробелы между главными строками, равно как и между маленькими группами строк или—как типограф говорит—разрядка, должна быть обдуманно распределена во всем титуле: весь титул должен быть расположен на странице так, чтобы последняя была заполнена гармонично во всю свою величину. Первая строка титула должна начинаться на такой же высоте, как первая строка в тексте.

«Из общих правил, которых следует строго придерживаться при наборе титула, отметим еще, что сокращения слов не допускаются ни под каким предлогом, исключением являются только общепонятные сокращения профессии или звания под фамилией автора. Также недопустимы в наборе титулов переносы слов, которых нужно избегать при наборе титулов в современном вкусе, как в главных строках, так и во второстепенных. Говоря короче, сокращения и переносы слов в наборе титулов безусловно недопустимы.

«Набирая титулы прописными буквами, что бывает чаще всего, нужно строго следить за выравниванием рас-

---

стояний между буквами, особенно в строках из круглых шрифтов. Хотя такое выравнивание в общем хорошо сделано уже словолитнями при отливке шрифта, но тем не менее при некоторых совпадениях букв наборщик сам регулирует расстояние вставлением шпаций и кусочков бумаги, или же спиливанием и подрезкою некоторых букв. Например, в шрифтах буквы НИ, ПЕ, ТИ, НЮ и проч. стоят слишком близко одна к другой, напротив, ГА, ТА, АЧ, РА и проч. слишком далеко одна от другой. Чем крупнее шрифт, тем заметнее неровности расстояния между буквами» (Ф. Бауэр).

— Самому акцидентному набору тот же автор снова посвящает несколько страниц, стараясь кратко передать сущность этой интересной и трудной отрасли наборного дела, и так определяет его отличительные свойства: «Основное различие акцидентного набора от книжного и газетного состоит в том, что почти каждая акциденция носит свой самостоятельный, личный характер, между тем, как в книжной, а особенно в газетной печати одна и та же форма повторяется, в последней даже годами, изо дня в день» — вот суть акциденции. О технических правилах говорит:

«Акцидентный наборщик отличается от своих коллег, главным образом, тем, что он должен больше остальных заботиться о художественной стороне своей профессии. Акцидентный наборщик должен уметь найти и воспринять все красивое и стремиться неотступно к своему дальнейшему развитию, притом он должен быть в высшей степени технически способным и практически опытным; он должен уметь выполнить свои работы не только внешне красиво, но и набрать их по всем техническим правилам.

Звание акцидентного наборщика выделяется от всех остальных званий трудящихся в графических искусствах тем, что оно требует известную разносторонность познаний.

«Главное правило для набора строк в акцидентных работах следующее: строки должны быть в таком расположении, чтобы при первом взгляде на печатное произведение становилась понятной цель его. Стремясь достичь красоты картины, не должно затуманивать смысл печатного слова: какое-нибудь наружно, быть может, и «красивое» печатное произведение стоит мало, если не удовлетворяет своему практическому назначению.

«Простому деловому объявлению лучше всего соответствуют простые шрифты обыкновенной и ясной резьбы; для набора зазывающей рекламы самыми подходящими будут шрифты крепкого, энергичного начертания и притом различных величин; для извещений о радостных событиях в семейной или общественной жизни, равно как и для разных увеселительных приглашений, будут на месте нежные, красивые шрифты; напротив, серьезные и траурные извещения требуют шрифтов самого простого и серьезного начертания. Чтобы выбор шрифтов вышел удачным, наборщик должен обладать, кроме вкуса, еще и особым чувством изящного.

«Если наборщик желает с честью выполнить каждую данную ему работу, то он, с одной стороны, не должен во всем упрямо цепляться за старые технические правила, а с другой — не придерживаться также исключительно каких-нибудь новых приемов.

«Будет излишне повторять, что акцидентному наборщику необходимо знать, что такое симметричное расположение строк, имеющее основную форму трехстрочное

расположение, так как оно для большинства акцидентных работ является самою подходящею формою для размещения текста.

«Старое правило титульного набора: «каждая строка в титулообразном наборе должна быть особой длины, чем все остальные строки» можно бы перефразировать так: «симметричные группы со строками различной длины должны стоять попеременно с группами строк равной длины; ширина же строк последней группы должна, по возможности, равняться длине одной из строк первой группы». Следование этому правилу придаст всей наборной картине более спокойный вид, чем это бывает в наборах со строками различной длины. С другой стороны, это правило предохраняет титулообразный набор от того оцепенения, которое в известной степени характеризует наборы, состоящие сплошь из строк одинаковой длины.

«На пост акцидентного наборщика годен только такой наборщик, который вполне умеет преодолевать все технические затруднения или который, по крайней мере, обладает желанием научиться овладеть ими. Акцидентному наборщику для успешной работы необходимо содержать шрифты, орнаменты и линейки в страшнейшем порядке и опрятности, притом не столько оттого, что названный материал является наиболее ценным в типографии, но главным образом для того, что только с опрятным, хорошо сохранившимся материалом возможно безупречное исполнение акцидентных работ» (Ф. Балзэр).

— Если ты внимательно прислушивался к прочитанному, то, конечно, не упустил главной мысли всех этих извлечений, красной нитью через которые проходит требование аккуратности, тщательности, развитого вкуса изящ-

---

ного и знаний техники, и вполне тебе должно быть ясно, почему так мало работ достигают той цели, к которой должно быть направлено выполнение акцидентных работ—к красоте, так как не одно из предъявляемых требований не присуще нашим наборщикам, я не говорю об исключениях, они есть, но это не может приниматься во внимание. Часто видишь, как метранпаж потеет над самым обыкновенным титулом и в конце-концов дает его все-таки безобразным, или называющий себя «акцидентом» над какой-нибудь мелочишкой, и тоже выходит безвкусица, да еще отнимающая массу времени. А наши объявления, на них просто страшно глядеть, настолько они отвратительны в своем большинстве, что просто ужас, и все это следствие отсутствия технической выучки и стремления к совершенствованию. Часто самые незначительные изменения в наборе, вроде более правильной разбивки между буквами или разрядки между строками, придают совершенно другой и гораздо лучший вид работе, и вот это-то и говорит за техническую безграмотность наборщика, его неаккуратность и неряшливость. Вот у меня есть маленькая коллекция различных акцидентных работ, сейчас я достану и покажу тебе, и ты убедишься в правоте сказанного и в падении наборного дела, а когда будешь знакомиться с акциденцией по руководствам—прочти и небольшую брошюрку П. Коломина «Беседы о наборе титула», в которой автор много разъясняет, подходя с критикой к некоторым положениям.

Иволгин полез на шкаф, достал оттуда пачку и, развязав, разложил передо мною собранные им работы, очень тщательно наклеенные на желтый картон. Я с удивлением глядел на перекладываемые листы и удивлялся на

мелькавшие перед глазами образцы, среди которых было много прелестных работ.

— Посмотри на эти листы, здесь наклеены работы старых, вымерших уже наборщиков, все они относятся к семидесятым годам прошлого столетия, сколько труда и любви вложено здесь почти в каждую, с какой тщательностью сделана каждая из них—это потому, что тогда было выше образование, больше было любви и главное желание сделать что-нибудь особенное. Люди не жалели времени, копошились над каждой мелочишкой и поэтому-то до сих пор работы поражают того, кто их осматривает, а ведь тогда технические средства были неизмеримо плоше, и все-таки они умели достигать хороших результатов. Их учили более правильно, так как учителя знали дело не по наслышке, не с кондачка, а так сказать досконально. Во главе типографий и метранпажами были знатоки дела, и вот из их учеников выходили знающие люди, а в наше время типографией управляет Бог знает кто, неизвестно откуда пришедший, все достоинства которого заключаются только в том, что он зять владельца, но ведь этого так мало для руководства предприятием, обслуживающим такое важное дело, как книга, метранпажем тоже самая заурядная посредственность, отличающаяся только от массы окружающих наборщиков громким голосом и сюртуком, в котором ходит на работу, как будто в зычности и состоит дело, нужно знание, а не костюм. Сами типографы развели элемент, роняющий все ниже и ниже искусство, и еще недавно я помню, как по длине бороды в одной петроградской типографии устанавливался размер жалованья. Ты смеешься и думаешь, что я шучу. Напрасно, дорогой мой—это горькая истина. Дело в образовании, как общем,

---

так и техническом, дело в постоянном стремлении к совершенствованию и к основательному изучению техники дела, которую не так трудно приобретать, с одной стороны, с помощью руководства, с другой — практикой, согласованной с этим руководством. Смотри, это работы немецких наборщиков. Я не поклонник их системы, слишком тяжелой и какой-то неповоротливой, но нельзя же отказать им в удивительной тщательности и аккуратности, с которыми выполнены эти работы, видно, что каждая прошла через руки техника — знатока своего дела, и к ней не подкапешься, все по правилам, даже слишком.

— Где вы собрали такую массу этих образцов и почему не покажете их другим, хотя бы нашим же наборщикам, ведь здесь целое откровение, это какой-то музей?

— Напрасно думаешь, что назначение их лежать на моем шкафу. Нет, я пробовал показывать, приносил в типографию, даже развешивал на стену. Ну и висели, пылились, выцветали, иногда случайно на них бросали печальный взгляд и этим ограничивались, а когда я начинал говорить, что вот как надо работать, то мне отвечали: «это можно у них, а не у нас, там есть шрифты, а у нас нет». Но ведь это же ерунда, шрифты есть и у нас, но у нас нет желания, нет умения и только поэтому мы не можем сделать так, как делают они. Приходилось ли тебе видеть работы одной из типографий старыми шрифтами, которых и в словолитнях трудно найти, и вот из этих-то работ и можно получить подтверждение, что виноваты не шрифты, не те или другие условия, а сами люди, так как и из старых, давно вышедших из моды, шрифтов можно сделать красивый титул или объявление, если есть знание и желание.

Действительно, меня удивлял иногда красивый вид некоторых книжек, и когда я всматривался в название фирмы, то постоянно читал одно и то же, всегда как бы подделка под старину выходила, красиво и технически грамотно, значит дело не в шрифте, в этом я согласился тотчас же с Иволгиным, но самому мне казалось трудным создать нечто подобное, и я высказал эту мысль ему здесь же.

— Мне кажется, Дмитрий Андреевич, что я, например, не сумею добиться хороших результатов в акциденции?

— Напрасно пугаешься, вспомни пословицу «не боги горшки обжигают». Каждый может научиться всему, чему пожелает, только учись и будь внимателен к поручаемой работе и окружающему. Теперь конец нашей беседе и продолжение ее будет уже чтение самостоятельно технических книг. Следи за ними, не жалея денег и приобретай, когда услышишь о выходе какой-нибудь в свет, не брезгуй ничем, и будешь знать и понимать многое, о чем еще не слышал и чего тебе не придется увидеть. Выписывай журналы, если можешь и иностранные, они даже без знания языка принесут тебе огромную пользу. Не думай, что какая-то книга вероятно ерунда и не стоит внимания—это неправда, в каждой найдешь крупицу знания, а понемногу так приобретенные знания будут накапливаться и, слившись в одно место, сделают из тебя хорошего работника.

Здесь обрываются мои воспоминания. Правда, в течение еще нескольких месяцев мне приходилось прибегать к Иволгину за советами и разъяснениями того, что было для меня непонятно в руководствах, в это время, между прочим, он посвятил меня в то, что первая стачка в России была при Екатерине II, и тогда уже писатель Козловский доказывал необходимость восьмичасового труда, выставя

и отстаивая формулу: 8 ч.—работы, 8 отдыха и 8 сна. Я старался идти намеченным путем, читал, учился и по книгам и на практике и с удовольствием убеждался в правоте его взглядов, основанных на необходимости расширения и укрепления технического образования, основанного не на случайностях, а на систематизации тех или других званий.

Последним штрихом под его беседами пусть будет разговор об ученичестве, во время которого он дал сведения, освещающие прошлое, конечно, как они сохранились в памяти.

— Технические погрешности набора, — те же книжные опечатки, те же фальшивые звуки, и не один дирижер не станет держать в оркестре музыканта, который фальшивит, а вот типографские оркестры почти исключительно состоят из артистов, которые постоянно фальшивят, а их дирижерам до этого и дела нет. Технически неграмотных изданий у нас сколько угодно, и от грубых ошибок не избавлены и все так называемые «роскошные издания». Какие требования в старину предъявлялись желавшим получить звание мастера, показывают некоторые правила из постановлений, касающихся типографчиков: 1) никто не может держать типографии и пользоваться званием типографа, если ему не исполнилось 20 лет, если он не был признан палатой наблюдающих мастеров, для чего нужно предварительно пробыть четыре года учеником и не менее трех лет подмастерьем; 2) если он недостаточно знаком с латинским языком и не умеет, по крайней мере, читать по-гречески, что должно быть удостоверено ректором университета; 3) желающие получить звание типографщика обязаны подвергнуться экзамену по всем отраслям печатного дела; 4) для получения искомого звания необходимо

получить две трети голосов из числа всех экзаменаторов; 5) новые мастера приносят установленную присягу. Существуют указания, что все наборщики, по истечении четырехлетнего пребывания в «учениках», обязательно подвергались экзамену. Поэтому-то между наборщиками XV и начала XVI столетий встречались настолько образованные люди, что могли набирать по-гречески и латыни прямо под диктовку, не заглядывая в оригинал. Во главе почти всех первых французских типографий (XV и XVI ст.) стояли не только образованные типографы, но прямо ученые, нередко выходившие победителями из споров с профессорами. Набирая почти всегда с латинских оригиналов и имея постоянное общение с корректорами и хозяевами, объяснявшимися между собою исключительно по-латыни⁴ естественно, что и наборщики, «по наслышке» изучали этот язык, а в некоторых случаях и греческий. Сами типографы занимались с учениками языками и техникой, и знаменитый типограф Этьен, в предисловии к одной из изданных им книг говорит, что отец его собрал при своей типографии группу в десять человек из ученых разных национальностей, говоривших на всевозможных языках. Они исполняли обязанности корректоров и объяснялись на общем для всех языке — латинском. Первые типографы были вообще, за немногими исключениями, люди образованные в полном смысле этого слова, ученые, знавшие до тонкости технику печатного дела, отсюда и вытекало совершенство большинства произведений их рук. С развитием типографского дела, постепенно, типографам не представлялось возможности заниматься, как прежде, со своими сотрудниками, вследствие чего качество работы наборщиков и других типографских рабочих начало понижаться,

---

и к концу XVI столетия раздаются жалобы на недостаточное образование и плохое знание дела наборщиками. Таким образом, если мы удивляемся совершенству первопечатных изданий, то должны помнить, что этим обязаны тем лицам, которые стояли во главе типографии—это были главные рабочие, совмещавшие в себе одновременно ученого корректора, наборщика, знавшего свое дело до мельчайших подробностей, мастера-печатника и, зачастую, гравера и словолитчика. Хороший, опытный мастер и с плохими помощниками может добиться прекрасных результатов. Доказательством тому могут послужить некоторые современные русские типографы, ухитряющиеся с плохим рабочим персоналом выпускать отличные издания. Первые типографы старались держать побольше учеников и самое ограниченное число наборщиков. Это объясняется тем, что ученики представляли собою тесто, из которого типограф лепил все, что хотел. Справляться с ними было легко, тогда как наборщики неохотно подчинялись каким-либо правилам. В настоящее время, когда в типографиях число наборщиков превышает сотню, управляющему, даже самому добросовестному, немислимо знать способности каждого наборщика, а метранпажи заботятся только о том, чтобы наборная работа шла как можно скорее, чтобы не задерживалась верстка полос и листов. Разумеется, при таких условиях только строгий и продолжительный экзамен, по технике и грамотности, мог бы до известной степени обеспечить добропорядочную работу наборщиков.

Падение знаний техники вызвало много забот лучших типографщиков, в то время как другие, думавшие только об эксплуатации труда и прибыли, разводили техническую неграмотность, установив полугодовой курс обуче-

---

ния, по окончании которого отпускали на все четыре стороны своих питомцев для разноса заразы повсюду, а сами брали новых, опять выпускали, и снова брали — отсюда пошло еще большее засорение наших типографий. Орудием борьбы с этим разъедающим злом было признано техническое образование, и как результат этого явилось создание школ печатного дела, и, как это ни странно, создались они на средства частных лиц, тогда как правительство упорно отказывало им в помощи.

— А действительно, Дмитрий Андреевич, школы приносят пользу и могут научить всему тому, о чем так хорошо говорится в книжках?

— Ну как же ты не дитя нашего времени. Ты еще сомневаешься в пользе школы. Именно школа, и только школа может поднять упавшую технику. В мастерской, даже при хорошем метранпаже, обучение идет как попало, без всякой системы, так трудно устоять от соблазна поручить ученику работу, которая требует скорого исполнения и при которой говорится «пожалуйста поторопитесь, не копайтесь», и ученик торопится и привыкает к «кое-каканию», а потом уж и не отстать. Результаты ты видишь вокруг. Никто не знает, почему он делает так, а не иначе. В школе другое. Там в основе обучения лежит система. Там все последовательно и вытекает одно из другого, создаются навыки медленно, но зато правильные и устойчивые. А сколько вынесли ученики школ от окружающих насмешек — не перескажешь, и иногда они, к сожалению, не встречая поддержки, сбивались на быстроту, конечно, только на кажущуюся, но что же делать, — они тоже люди и со слабостями.

— А много у нас школ таких? Где они? Кто же именно их создал?

— Три. Технического общества и А. С. Суворина в Петербурге, да В. С. Кульженко в Киеве ¹⁾.

— Ведь это, пожалуй, маловато.

— Конечно мало, но лучше что-нибудь, чем ничего. В Германии их целый ряд: низшая, средняя и академия. Когда у нас поймут пользу технического образования и не пожалеют денег, которые, впрочем, снова возвратятся с лихвенными процентами, в виде повышенной производительности и улучшения техники, тогда и наши издания перещеголяют заграничные. Я верю в это.

И я, слушая, поверил вместе с ним, что только со школой изменится наша работа. Меня тянуло ближе познакомиться с постановкой школ.

Бывал на уроках в школе печатного дела; слушал лекции преподавателей, беседовал иногда подолгу с окончившими эту школу и пришел к выводу, что в большинстве случаев эти юноши, окончившие курс в школе, значительно выше по своим познаниям, чем наши старики, гордые своим опытом. В особенности я находил знания среди учеников Суворинской школы, и Иволгин доказывал, что это есть следствие единства школьного и типографского преподавания. Может быть и так, но факт остается фактом.

---

¹⁾ Впоследствии создались: Школа печатного дела в Харькове, Техническая школа, Техническое училище и Полиграфический факультет, но в настоящее время они прекратили свое существование. Вместо них устроена 1-я государственная учебно-показательная школа-мастерская.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Прошло порядочно лет, и я воочию убедился, что при тщательной работе, выполняемой технически правильно, не требуется лишней затраты времени, она берет столько же, но зато как вознаграждает нас своим видом. Иволгина уже нет, и это один из главных толчков, давших мне возможность описать все, что припомнилось. Конечно, в стенах наших типографий и сейчас трудятся другие Иволгины, носящие иные фамилии и имена, такие же скромные, незаметные и иногда не любимые и даже гонимые — они делают свое хорошее дело, так как им нужно именно дело, им хочется сдвинуть с мертвой точки печатное дело, так прочно и основательно засевшее в ужасной разрухе, не современной только, вызванной войной, но разрухе вообще, прививаемой в течение целых десятилетий. Виновных в ней много, можно сказать все, начиная от владельцев и кончая маленьким рабочим, все они приложили свою руку к этой разрухе, все приложили в придании ей большей разрушительной силы свои способности, и результат налицо.

Очень хотелось бы, чтобы собранные здесь беседы толкнули нашу молодежь к чтению и изучению технической литературы, как когда-то толкнули меня. Страстно хочется, чтобы голоса и указания еще живущих Иволгиных не оставались «гласом вопиющего в пустыне», а будили бы и толкали любознательных наборщиков к свету и науке.

Д. А. Иволгин в другой стране вылился бы в выдающегося руководителя и учителя, а у нас он захирел и был засосан окружающей тиной. Сил не хватило для постоянной борьбы, но это не упрек его памяти; он делал, что мог, и если бы каждый из нас делал только то, что может, мы создали бы огромное дело и стояли бы в первых рядах создателей хорошей книги, и во всяком случае не находились бы в хвосте, как это наблюдается теперь в громадном большинстве случаев.

Кого не удовлетворяют сведения, приведенные в брошюре, тот пусть возьмет самые учебники, и тоже с благодарностью будет вспоминать **Иволгина**, хотя и не видел его в жизни, да последнее и не требуется. Мертв человек, но жива его идея, и попробуйте, кому попадут на глаза эти строки, претворить ее в жизнь, и почувствуете ее благотворное влияние на свою повседневную работу.

• Учебники, упоминаемые в издании:

1. **И. Коломнин**. — Краткие сведения по типографскому делу.
2. **Ф. Бауэр**. — Руководство для наборщиков.
3. **И. Богданов**. — Наборно-типографское дело.
4. **А. Вальдов**. — Учение об акцидентном наборе.

10
1915

DR. J. S. MCGONNELL'S

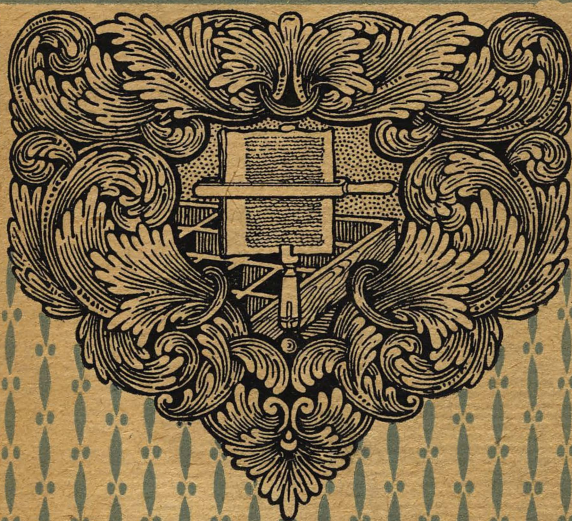
— MEDICAL —

DIAGNOSIS

|| ||

И. ГАЛАКТИОНОВ

**БЕСЕДЫ
НАБОРЩИКА**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД 1922

Лео.